

Лев Прозоров (Озар Ворон)

Язычники крещёной Руси

Повести Чёрных лет

Дохристианскую Русь окружает немало мифов — крещение было переломным этапом, чёрными страницами русской истории. Новая вера прошла долгий и кровавый путь. Восемь веков продолжалась борьба христиан и союзных им двоеверцев против русского язычества, против тех, кто сознательно и последовательно исповедовал веру пращуров, отказываясь склоняться перед чужеземным богом. Так в чём же был культ наших предков? Из-за чего новая вера встречала такое сопротивление славян? И как в конечном итоге причудливо переплелись верования и обряды таких разных и таких схожих религий?

Оглавление

Авторское предуведомление	1
Вместо предисловия	2
Глава 1. Накануне (V-X вв.)	10
Глава 2. Столетняя гражданская (X-XI вв.)	31
Глава III. Параллельная Русь (XII в.)	56
Глава IV. Под ордынским копытом (XIII-XIV вв.)	67
Глава V. Последние искры (XV-XVIII вв.)	83
Вместо послесловия. Христианство против язычества: история одного самоубийства	90
Приложение. Этапы христианизации Руси	94
Список использованных источников и литературы	94

Авторское предуведомление

Данная книга не является попыткой полемики с христианством.

Написанная убеждённым язычником, она, однако и не является попыткой проповеди (явления, язычеству совершенно чуждого) или доказательства правоты Русской Веры — такие вещи на словах не доказываются.

Автор отлично понимает, что сам факт перенесённых гонений не может доказать ничью правоту.

Те же христиане подвергались в различное время гонениям — от римских язычников, от мусульман, от коммунистов и нацистов, наконец — пожалуй, самым тяжёлым и страшным — друг от друга, точнее, от христиан же других церквей и направлений.

Предлагаемый вашему, читатель, вниманию

Вам — погибшим героически за Веру Отцов,
Вам — хранившим преданья седой старины,
Смертным — видевшим гибель бессмертных Богов,
Тем, что в Сваргу Златую за ними ушли, —
Вовек Слава!

Вам — воителям ярым минувших времён,
Вам — рахманов-волхвов синеглазым сынам,
Вам — носителям древних священных имён,
Ненавистных дорвавшимся к власти рабам, —
Вовек Слава!

Вам — позора не снёсшим родимой земли,
Когда глупое стадо погнало к реке,
Вам — бесстрашно пошедшим на смерть, на мечи,

труд не религиозный, а **исторический**. Его цель — дать взгляд глазами язычника на восемь веков существования приверженцев исконной веры славян в крещёной стране, на историю Руси этого времени.

Если автор опровергает какие-то сведения христианских источников — он делает это не только как язычник, но и как историк.

Если кому-то написанное здесь покажется оскорблением его религиозных чувств — что ж делать, значит, чувства, которые он считал религиозными, связаны с ложью — с возвеличиванием недостойных, с клеветой на невинных.

За это автор не несёт и не может нести никакой ответственности.

Цель автора и как историка, и как язычника, восстановить, в меру данных ему Богами сил, **правду** о Предках.

Чужebesие кровью смывая своей, —

Вовек Слава!

Вовек Слава!

Вовек Слава!

Велеслав

*«Лучше нам помереть, чем отдать Богов наших на поругание!»
Угоняй, тысяцкий Новгородский, 989 г.*

*«Тьма, пришедшая со стороны Средиземного моря...»
М.А. Булгаков*

Вместо предисловия

«Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси — христианство ли, принявшее в себя языческие начала или язычество, поглотившее христианское вероучение.»

Кардинал д'Эли, XV век.

«Кто поставит крест на могилы нам? Инок да шаман...»

Всевед «Родная»

Написано немало книг о том, как много языческого осталось в так называемом «русском православии».

Эта книга не про такие явления, не про языческие по сути обряды, совершавшиеся людьми, искренне полагавшими себя христианами, не про то, как крещёные русичи, включая «попов и книжников», резали петухов Перуну и Хорсу и с лёгким сердцем величали православных мучеников Флора и Лавра «лошадиными Богами».

Эта книга про тех, кто сознательно оставался верным Вере Предков в крещёной уже Руси. Тех, кто не испугался грозного предупреждения Владимира Отступника: «А кто не придёт [креститься], будь богат или нищ, или раб — будет мне враг». Тех, кто до последнего отказывался принять чужеземного бога.

Иначе говоря, не про двоеверцев, а про язычников.

Поэтому необходимо будет хорошо разобраться в крайне непростом вопросе: что такое язычество, что — двоеверие, а что — христианство. Как видим, это даже не один вопрос, а связка вопросов, более чем непростых. Но без ответа на них мы попросту запутаемся в теме.

Строго говоря, вряд ли были на Руси люди, называвшие себя язычниками — по крайней мере, до конца XX века, когда, будто опята после слепого дождя, рассыпались по Русской земле общины людей, возрождающих Родную Веру.

Сами предки не чувствовали необходимости как-то по особенному себя называть. Человек русского рода — и вера у него русская, какая ещё?

В договоре Олега Вещего с Византией, что

помещен в «Повести временных лет» под 912 годом, так и сказано — «русин или христианин». То есть, одно из двух.

Впоследствии, во времена, про которые в основном пойдёт речь в этой книге, появилась необходимость как-то определять себя, отделять от крещёных соотечественников. Наверно, появилось и самоназвание, только какое — нам уже не узнать.

Точно можно сказать, что христианское «поганые» почитатели русских Богов к себе не прилагали. «Погаными» они стали называть иноплеменников.

Возможно, хотя и маловероятно, что позднее, уже в московские времена, появившееся слово «язычники» как раз и было этим самоназванием, но доказательств этому нет.

Что же такое язычество?

Уверен, что большинство читателей ответят на этот вопрос так: язычество — это поклонение множеству Богов вместо одного, единого.

Но, во-первых, кто объяснит мне, чем город Ижевск, в котором из трёх больших церквей одна посвящена Богородице, другая — святому Александру Невскому и лишь одна — Троице, триединому богу христиан (тоже само по себе неплохо — не то он единый, не то трое их), так уж отличается от какого-нибудь античного захолустья с храмами, соответственно, Девы Афины, Геркулеса и Зевса Олимпийского?

А во-вторых, есть достаточно свидетельств, что о едином Божестве язычники имели ясное представление ещё в те времена, когда Авраама, не говоря уж про Христа и Мухаммеда, не было даже в проекте.

Например, в одном из гимнов Вед сказано — «есть лишь Оди'н, которого мудрые называют Индрой, Агни и многими другими именами».

Между прочим, в комментарии к Ведам упоминается расположение созвездий, относимое точной наукой астрономией ко временам за десять тысяч лет до Рождества Иисуса. Излишне, наверно, напоминать, что в эти годы, по библейской хронологии, не был создан даже Адам!

Другие читатели, а возможно и те же самые, могут заметить, что отличительным признаком язычества является поклонение идолам.

Тут тоже всё непросто, при желании можно списать на идолопоклонство (и списывали ведь!) и Чёрный камень Каабы, святыню ислама и уж, тем более, бесчисленные кресты, иконы и мощи христианства.

И не надо говорить, что язычники не делали разницы между изображением и предметом поклонения. Прекрасно они осознавали эту разницу, иначе каждый идол имел бы только своё имя и только свой круг поклонников.

В то время, как те же греки отлично понимали, что статуя Афины в афинском Акрополе и, скажем, в Спарте изображает одно и то же Божество и вознесённые к ним молитвы дойдут по одному «адресу».

Более того, греки уверенно писали, что египтяне поклоняются Аресу в виде сокола, а скифы — в образе меча, то есть, даже в иноплеменных кумирах опознавали своих Олимпийцев, полагая, что по небу границы не проходят.

То же было и у скандинавов, видевших в финской стране Биармии «капища Тора». И у римлянина Цезаря, писавшего, что галлы поклоняются Юпитеру, Аполлону, Марсу, Меркурию и Венере, и римлянина Тацита, сообщающего, что германцы поклоняются Сатурну, Марсу и Геркулесу.

Основное качество язычников, отличающее их от тех, кто, собственно и создал это определение, в том, что они почитают Природу, мир, не в корне отличной от «Творца» тварью, а Божьим проявлением, если можно так выразиться, телом Божьим.

В науке это воззрение называется «манифестационизм», от латинского «манифестаций» — проявлять, показывать.

Собственно, это мнение большинства населения земного шара, за исключением последователей трёх вер, гордо отгородивших от себя остальное человечество презрительным словом «язычники».

Эти религии — иудаизм, христианство, ислам — называют иногда авраамическими. Ибо все их последователи верят, что некогда единый бог, творец вселенной, поведал их (именно их) веру праотцу евреев и арабов Абрахаму — или, соответственно, Аврааму, Ибрагиму.

Любопытно, кстати, что на санскрите, языке Вед, Абрахам означает безбожник, нечестивец.

Эти религии утверждают, что Бог отделён от мира, что мир есть его, совершенно отличная и отдельная от него, «тварь», творение.

Это представление называется «креациониз-

мом», от латинского же «креацио» — творить.

Понятно, отдельный от мира бог имеет полное право выделить в сотворённом мире своих любимчиков, как автор — любимого героя, и усиленно «помогать» им. Отсюда — тема избранного народа.

А единственная, в принципе внеположная «тварному» миру истина требует строгой фиксации в «Священных Писаниях».

Отсюда же, от отрицания языческого единства Бога и мира, отрицательное отношение к изображению Божества, «идолам», и отрицание более частных проявлений, «детей» и «внуков» Единого, младших Богов, т.е. «многобожия».

Христианство стоит здесь несколько наособицу, позволяя своим недоброжелательным «родственникам», в особенности из числа иудеев, обвинять христиан в «язычестве».

Христиане верят, что Бог воплощался и этим чудесным фактом освящена плоть, освящён тварный мир. Именно поэтому среди языческих народов христианство прижилось больше, чем ислам и, тем более, иудаизм.

Но при всём том христианство есть авраамическая религия со всеми типичными её признаками.

Не зря Христос говорил об учении своих иудейских предшественников (и предков, в своей земной, человеческой составляющей): «не нарушить пришёл я, но исполнить, ибо истинно говорю вам, доколе не прейдёт земля и небо, ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из закона» (Мат. 5:17-18).

Мир так и остаётся «тварью», Бог — «Творцом», многобожие и идолопоклонство — грехом.

А вот определение того, что есть двоеверие — дело гораздо более сложное и не зря в последнее время многие исследователи пытаются отменить этот термин, подменить его каким-то «народным христианством», «народным православием».

Честно говоря, пишущий эти строки совершенно не понимает, что такое «народное христианство».

Язычники, как уже было сказано, чтят языческих Богов и творят Их волю, христиане живут или пытаются жить по заветам Христа (и у тех, и у других это не всегда получается, но тут уж другой разговор).

Но вот о боге по имени «Народный Христос» автору ничего не известно.

Очевидно, говорящие о «народном христианстве» воспринимают любую религию, как чисто «культурное явление», человеческую выдумку.

Христианство для них — некая собственность исповедующих его людей, дополнять и изменять его на свой вкус — их полное право. Я, мол, христианин, мне и решать — что христианство, а что нет.

«Крестьяне были христианами, а не двоеверцами — их сословное самоназвание... говорит само за себя», — каламбурит В.Я. Петрухин. Вот именно, «само за себя» и ни за что более.

Тушинский вор говорил «сам за себя», что является царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Такое у него было «самоназвание» или, как сей-

час модно говорить, самоопределение.

Если отнести к христианству, к религии вообще, чуть посерьёзнее, то согласиться с такими доводами никак не возможно. Религия, *religio* — означает «связь». На одном конце «связи», понятно, человек, но вот важнейший вопрос — Кто на другом?

И если религиозные правила, обряды, заповеди не «выдумка туенядцев-попов», а воля именно Того (или Тех), Кто «на том конце» связи-религии, то принадлежность к язычеству или христианству дело не субъективное, а объективное.

По Чьей воле, по Чьим заветам ты живёшь? Соответствуешь ли, имеешь ли право претендовать на имя представителя той или иной религии?

Поэтому термин «двоеверие», введённый сердитыми монахами русского Средневековья для своих современников, нечем заменить.

Потому, что, если верования и обычаи русской деревни до начала XX века включительно — христианство, значит, надо придумать какое-то другое название для того, чему учили и учат церковь, Библия и Христос.

Христианство говорит: «Бог — один». Об этом твердят многочисленные пророки, первая заповедь Моисея («не убий», кстати, шестая), первая строка символа веры православных — молитвы «Верую».

Русский мужик простодушно называл Богами множество православных-святых: «Егорий — скотий Бог, Власий — коровий Бог, Василий Кесарийский — свиной Бог, Мамант — овечий Бог, Козьма да Демьян — куриные Боги, Зосима и Савватий — пчелиные Боги» (про «конских Богов» Флора и Лавра мы уже говорили), самым же чтимым из этих «Богов» был «мужицкий Бог, русский Бог» святой Никола.

Доходило до очень устойчивого и распространённого мнения, что «когда Бог умрёт (!!!), Никола Богом будет», до священников, не имевших понятия об Иисусе и полагавших, что Бога зовут Николой.

Англичанин Дженкинсон писал в середине XVI века про русских людей: «Многие, большая часть бедняков, на вопрос “сколько Богов?” — ответила бы “очень много”, так как они считают всякий имеющийся у них образ за Бога».

Так и было, ибо в нарушение строжайших библейских запретов («Не сотвори себе кумира!») и церковных поучений, русские крестьяне не относились к своим образам, как к «книге для неграмотных» (Иоанн Дамаскин), а видели в них волшебных живых существ, которых зачастую и впрямь называли Богами.

Образа «кормили», им делали подарки, для них — а то и для стоявших на перепутье крестов — шили особую одежду в подарок, а при упорном неисполнении молитв могли и, наоборот, наказать кнутом.

Наряду с этим продолжали чтить и настоящих идолов. В XVIII веке под Архангельском в лесу стоял почитавшийся крестьянами идол лешего, в 1920-

е годы в курятнике одного из подмосковных (!) сёл этнографы нашли идол куриного Бога Боглаза, в северных деревнях на посиделках молились то глиняной «Масленице», то деревянной «тёте Ане», которой кланялись с приговором, целовали в губы и наряжали.

Есть ещё один пример, самый, пожалуй, занимательный, но его я оставлю для послесловия.

Вопреки христианскому учению, строжайшим образом разграничивающему «Творца» и «тварь», русские крестьяне никак не воспринимали учения о сотворении мира.

Популярнейший духовный стих «Голубиная книга», бывший для «большинства бедняков» — и не только их — основным источником сведений о мироустройстве, не знает слов «создан, сотворён».

Все явления мира и общества «взялись», «стали», «пошли», наконец, «зачались» от лица, груди, очей, дыхания и пр. Бога. Мир, Природа не «тварь Божья», но Его тело.

Точно так же в записанном Глебом Успенским «Верую» в исполнении русского мужика бесследно выпадает всякий намёк на Сотворение: «Верую во Единого Бога Отца (...) и в небо и в землю. Видимо-невидимо, слышимо-неслышимо...», вместо «сотворившего небо и землю, видимым же всем творец и невидимым».

У Достоевского монашенка — личность, отрёкшаяся от мира для Христа, «живой мертвец»! — заявляет, что Богородица — это земля, а в этнографических материалах есть суровый запрет на битвё земли палками: «Бьют саму Мать Пресвятую Богородицу!», так что Фёдор Михайлович, очевидно, ничего не выдумывал.

В заговорах древнее именование Земли сливается с новой святыней в неразличимое единство: «Мать Сырая Богородица».

Итак, Земля не мёртвая, бездушная «тварь» — но Тело Божества.

Что было христианского в почитании крестьянами пророка Ильи или великомученицы Параскевы?

Кого из их деревенских почитателей волновали земные дела древнееврейского фанатика единобожия и римской первохристианки, их служение «Богу Авраама, Исаака и Иакова»? Да никого.

Иной мужичок из какого-нибудь Ильинского прихода ещё и обиделся бы смертно, скажи ему кто, что Илья-пророк был иудеем.

Здесь и сейчас нёсся в огненной колеснице по небесам некто по имени Илья, гоня туда или сюда грозовые тучи, посылая дождь на поля, поражая громовыми стрелами нечисть или неправедных, а то и просто непочтительных к нему людей, и чтили его не за давние заслуги перед «богом Израиля», а за дождь, за защиту от тёмной силы — здесь и сейчас!

Здесь и сейчас некто по имени Параскева пряла людские судьбы, отверзала источники, наказывала нерадивых хозяек, помогала при родах, следила за почитанием её дня — пятницы.

Илью чтили забитым на Ильин день, в складчину откормленным бычком и буйной пляской —

«попляшу святому Илье!».

Параскеве ставили деревянные изваяния на распутиях, у колодцев и родников, жертвовали клочки пряжи, волосы, полотенца. И место этих святых в жизни русской деревни, и их почитание не были христианскими. Христианскими были только их имена.

Но почитали и других — «Богу молись, а чёрта не гневи!». Я уже писал об идоле лешего. В XV веке лесного хозяина звали «лесным Богом», в XIX — возносили ему молитвы — именно молитвы, которые сами так и называли, отличая от заговоров!

Молились и овииннику. Почитали язычески, жертвами (водяному — топили коня, или улей, или чёрного петуха, или конский череп; лешему — оставляли в лесу коня или хотя бы масляный блин или яйцо; домовому — оставляли в подпечке плоску с молоком, иногда обметали углы смоченным в петушиной крови веником и ставили горшочек каши на его «именины»; банному — душили и зарывали под порог бани чёрную курицу¹).

Но как святых чтит нехристианскими обрядами, так и на явно нехристианских существ распространяли обряды христианские.

Домовой и леший охотно принимали освящённые в церкви пасхальные яйца, домовые на Пасху выходили христоваться — картина, по чести сказать, поражающая воображение.

Так и видишь, как навстречу возвращающимся с пасхальной заутрени по хрустящему снежку хозяевам вылезает из-за клетки в синих вешних сумерках нечто мохнатенькое и радостно объявляет: «Христос воскрес!»

И более того, существовал особый обряд христования с одним из самых склочных, взбалмошных и опасных обитателей мужицкого подворья — овиинником. Священник с образами подходил к овиину и провозглашал: «Христос воскрес!»

В это время владелец овина, лёжа в вывернутом мехом наружу тулупе в яме под овином, где разводили огонь для сушки снопов и которя, как подпечье в избе, считалась вотчиной Хозяина, отвечивал: «Воистину воскрес!»

После чего полагал себя на весь год застрахованным от проказливых, а подчас и просто жестоких выходок овиинного духа.

Белорусы вообще выходили на Пасху к ближайшему бурелому и сообщали «благую весть» о Воскресении Христа Хозяевам полей, лесов, домов и вод, «с хозяйшкой, зь дзетками!» (о реакции Хозяев на это известие история... точнее, этнография умалчивает).

Водяной оборудовал себе логово по возможности в том омуте, над которым возвышалась церковь Святого Ильи. Да что там омуты — в церкви, на колокольне, обитало загадочное и небезопасное

существо «колокольный ман» (он же «колокольный мертвец»)!

Вообще русские крещёные люди всю тысячу лет не очень верили в способность церковных, христианских обрядов и символов защищать от «нечисти».

Первые примеры такого подхода подаёт не какой-то полуграмотный мужик, а «святой преподобный» Нестор-летописец. Он пишет, как очевидно, что некий праведный монах видел, как по церкви Печерской обители во время службы гулял бес «в одежде ляха» и отвлекал монахов от богослужения.

Только вдумайтесь — освящённая земля, монастырь, церковь, служба, кадится ладан, кругом иконы, кресты, непрерывно возглашается «имя Божие», присутствуют несколько святых — и посреди всего этого преспокойно гуляет и делает своё чёрное дело нечистый!

И в той же летописи, несколькими строками ниже: бесы ночью рыскали по Полоцку, истребляя всех, кто осмеливался выйти из дома. Те же полочане, что не покинули домов, уцелели.

То есть, церковь — не защита от бесов, а дом полочанина подданного князя-оборотня Всеслава с его языческими оберегами и «гарнизонам» домашних божков — защита!

Так же было и впоследствии — у Гоголя («Вий») нечистая сила беснуется в церкви, не обращая внимания на кресты и иконы и Хома Брут спасается от неё не столько молитвой и крестом, сколько языческим бережным кругом.

Такой несклонный к язычеству человек, как диакон Кураев, свидетельствует: «выбирая между магией и церковью, герои русских сказок «предпочитают обращаться именно к магии. Молитва... считается недостаточной защитой. Например, в храмах (?! — Л.П.) от восставших покойников-колдунов защищаются начертанием круга, гвоздями и молотком, сковородкой, а не просто (?! — Л.П.) мольбой к Господу».

В русских былинах Василий Буслаев безнаказанно кощунствует над христианскими святынями Новгорода, расправляется под глумливое «вот тебе яичко — Христос воскрес!» с крестным отцом, монахом, разбивает колокол собора Святой Софии, голым купается в Иордан-реке, но гибнет, посягнув на святыни языческие — «бел-горюч камень» и мёртвую голову.

Русские мужики верили, что от досаждающей или угрожающей нечисти, если крестное знамение и молитва не помогают (!!!), надо избавляться... матерной бранью (происходящей от языческих заклятий²).

¹ На фоне всего этого презабавно смотрятся иные нынешние «неязычники», блажащие при входе в дом или баню: «Слава домовому!», «Слава баннику!». Ребята, вы бы хоть поинтересовались, что Им самим от вас надо — ваши вопли или чего посуущественней. Соловья-то баснями не кормят.

² Тема весьма объёмная, любопытствующего читателя отошлю к работам Б.А. Успенского, а здесь отмечу, что после находки в Новгороде двух берестяных грамот, содержащих, по крайности, единственный матерный глагол, да «ласковое» определение в адрес некой новгородки, задолжавшей деньги составительнице грамоты и обозначенной за это женским естеством, говорить о «татарском» происхождении мата всерьёз не приходится.

То есть, через тысячу лет проходит вера крещёных, искренне полагающих себя христианами русских людей в то, что языческие святыни, символы, обряды — сильнее!

О языческом происхождении всех этих оберегов они, конечно, не задумывались, а зачастую и просто не знали, но явно предпочитали их кресту и молитве.

И это ещё не всё — но и этого достаточно. Неужели всё это — христианство?

Повторюсь — чтобы согласиться с этим, нужно утратить всякое уважение к учению Христа и церкви, или выдумать для него какое-то другое название.

Но при том, назвать все это язычеством тоже трудно. При всей языческой сущности исповедуемых русским крестьянином — и не только крестьянином — возрений и совершаемых им обрядов он-то искренне считал себя православным христианином.

Именно эти люди, чтившие домовых пасхальными яичками, а святых — плясками и жертвенными быками, случалось, умирали за свою веру, которую, повторяю, искренне считали христианской.

Так было с одним солдатом, во время покорения Хивинского ханства попавшим в плен и отказавшимся спасти себе жизнь ценой принятия ислама³. История эта описана в «Дневниках» Достоевского.

Двоюродная бабушка автора этих строк, помнящая и свято блюдушая десятки не имеющих отношения к христианству примет (деньги при купле-продаже из рук в руки не давать и не брать, ничего не давать и не брать через порог, продавая сыпучую снедь — крупу, муку — разбросать по пригоршне по углам — «чтоб в доме не переводилась» и так далее), молилась по бумажке.

При этом, читала написанное не то второпях, не то не очень трезвым «батюшкой» совершенно не вдумываясь, озвучивая иной раз воистину жуткие словосочетания — «благословен будь плод червя твоего». Но при этом именно себя, а не, скажем, евангелистов из «Дела веры», считала верующей христианкой.

«А у них и веры никакой нет, — разочарованно рассказывала она по возвращении с молитвенного собрания, куда её заманила родственница, — сидят в доме и поют». Вера без церкви-храма, без образов, без не очень понятного ритуала за веру не считается! А ведь это был конец XX века...

Итак, назвать этих людей христианами — оказать неуважение христианству, язычниками — неуважение им.

Иного определения, показывающего двойственную, двойную природу религии, которую исповедовала Русь несколько последних столетий, не подберешь — двоеверие!

И современные радетели церковного, казённого православия совершенно напрасно тщатся записать себе «в актив» труды и подвиги русских «православных» двоеверцев — солдат, крестьян, зодчих, монахов, правителей, полководцев.

Впоследствии мы подробно рассмотрим, что стало с православием и с Россией, когда церковь объявила и, на свою голову, выиграла войну «перелиткам язычества» в душе и жизни русского народа.

Сейчас хочется поговорить о другом. Многие авторы — особенно из числа публицистов — видят в русском двоеверии нечто неповторимое, единственное в своём роде. «Неоязычники» похваляются — вот какое живучее наше, русское язычество, не чета иным-прочим.

Православные — и в особенности православствующие — видят в этом повод ещё раз похвалить русскую церковь — вот, мол, какая она добрая, терпимая, внимательная к национальным традициям и истокам, не то что злые-плохие католики.

Наконец, западники-либералы нашли в этом очередной недостаток «отсталой» России, в который её можно в очередной раз, компенсируя собственную неполноценность, сладострастно ткнуть носом: «Какие дураки эти глуповские мужики!»

Особенно отличился этим некий Андрей Буровский в своей, в рекламном «соавторстве» с «королём русского боевика» А. Бушковым⁴ книжке «Россия, которой не было — 2. Русская Атлантида».

Целая глава в этой книге называется «Московское православие» и живописует все «ужасы» погрязшего в двоеверии русского народа, противопоставляя его христианнейшим европейцам и, в частности, жителям Западной Руси.

По чести сказать, по прочтении опуса Буровского мне стало — непривычное чувство! — обидно за русское православие. Придётся выступить в новом для себя качестве его защитника и расставить всё по своим местам. И не для того, чтобы спорить с Буровским. С Буровским спорить очень трудно.

Трудно спорить с человеком, гордо подписывающимся «кандидат исторических наук» и заявляющим, что князья-мученики Борис Ростовский и Глеб Муромский «жили в Галиче» (с. 17), «задвигающим» Святослава Храброго из X века в IX, делая его современником Кирилла и Мефодия, да ещё и приписывая ему желание перенести столицу в сожжённый ещё его матерью Ольгой Искоростень, который к тому же отчего-то расположен не на своём законном месте — на впадающей к западу от Киева в Припять речке Уж, а «на Дунае» (с. 87).

Трудно спорить с человеком, подписывающимся «доктор философских наук» и приписывающим христианам какую-то жуткую ересь в стиле «нюю эйдж» о благодати, которая-де создавалась (!!!) «святыми людьми за тысячелетия и века» (с.

³ В наши дни она повторилась с русским солдатом Евгением Родионовым, погибшим в Чечне. К слову, по воспоминаниям близких, при жизни Женя вовсе не показывал себя каким-то «упёртым» христианином в кураевском духе.

⁴ Коего сам в этой же книге и пинает. Впрочем, во-первых, это их личные дела, да и Бушков, во-вторых, в долгу не остался. А всё-таки, клеить на обложку, рекламы ради, чужую фамилию и в той же книге пинать её обладателя — это, надо сказать, нечто.

307).

А я-то, нехристь, в простоте своей полагал, что благодать от Бога исходит...

Или вот ещё удивительное открытие из религиозной области: «бесов видят как раз люди, упавшие ниже обычного человека; те, кто становится «достойн» лицеизреть как раз тех, кого мы обычно не замечаем» (с. 295).

Значит, многочисленные рассказы о явлениях нечисти святым — свидетельство того, что святые «ниже обычного человека»? Я уж не напоминаю такому, прости господи, христианину, Кому являлся сатана в Новом Завете.

С человеком, именующим себя «безнадёжным клерикалом» (с. 385), т.е. сторонником церкви и духовенства, и буквально в той же фразе утверждающим, что бог (!) помог мастеру Аюдогощинского креста обойти церковный запрет и сделать «надпись на кресте, хулящую официальную церковь» (никакой хулы на церковь на Людогощинском кресте нет, ну, да оставим это на совести Буровского — вдруг она у него всё же есть!).

Утверждающим, что Новгород — опровержение мысли, «что православие не может освятить демократию, противоречит ей» (с. 384), и через страницу простодушно радующимся, что «Новгород был рассадником ересей для всей Руси» (с. 386).

Да уж, как «клерикал» Буровский и впрямь безнадёжен!

Доктор философских наук мало, что не видит прекрасно известную полуграмотным крестьянам позапрошлого века разницу между юродивым и бесноватой кликушей (с. 299-300); он ещё и утверждает, что юродивый — это-де строго «московитское явление, лишь позже распространившееся на всю многострадальную Россию».

Словно в знаменитой книге Костомарова о «севернорусских народоправствах» не посвящена целая глава новгородским и псковским юродивым; словно не вышла в 1994 году в Москве замечательная книга С. А. Иванова «Византийское юродство»; словно Михаил Афанасьевич Булгаков, которого Буровский постоянно цитирует в эпиграфах, из пальца высосал в «Кабале святош» католического юродивого времён «короля-солнца», «полоумного во Христе» Варфоломея.

Не знаешь, что это — фундаментальное невежество или столь же потрясающее лицемерие; в книге Буровского хватает и того, и другого.

Ну чего, например, стоит выдать такой пассаж: «довольно-таки опасно самим решать, какой способ исповедания христианства правильный, а какой — нет» (с. 156), а потом, на протяжении многих страниц этим и заниматься, попрекая «московитов» неправильностью их христианства.

Более же всего невозможно спорить с Буровским из-за откровенной раздвоенности его стандартов.

Когда «московиты» считают европейские страны «нечистыми» (с. 316-321) — это признак дикости и отсталости Московии, а когда европейцы называют Московию Тартарией, «Тартаром, стра-

ной чертей» (с. 121), — это признак дикости и отсталости... Московии.

И мне, признаюсь, читатель, решительно не понять, почему нужно скорбно драматизировать судьбу прячущихся в леса от закованных в железо «крестителей» эстонских и латышских язычников (с. 156) и презрительно посмеиваться (с. 292) над язычниками русскими, загнанными в чащобы ровно теми же самыми обстоятельствами?

Не для спора с Буровским и не ради в общем-то безразличного пишущему эти строки престижа православной церкви, но просто ради истины обязан возразить.

И основанием для возражения являются книги в основном западных авторов — «История языческой Европы» Н. Пеннинка и П. Джонс, «Феномен ужаса в западной культуре» Жака Делюмо, изданный у нас под бульварным заголовком «Ужасы на Западе», знаменитая «Золотая ветвь» Джеймса Фрезера.

Одним из признаков тотальной отсталости московской церкви Буровский отчего-то считает то, что «католический мир пережил ожидание конца света в 1000 году... Православные на Руси ожидали конца света в 1492 году — в 7000 году от сотворения мира...

Вот вам пример, когда на Руси в 1492 году происходило то же самое, что в Европе в 1000-м. А ведь 1492 год — это время открытия Америки [это-то тут при чём? Ну, никак либералу не прожить без своей любимой страны. — *О.В.*]. Время, предшествующее Реформации» (с. 300-301).

Уж и не понять, отчего ожидание конца света есть признак Средневековья и дикости? Может, тогда к такому следует отнести веру в сам конец света? В Страшный суд? В бога, наконец?

Но ведь Буровский, кажется, хочет казаться христианином и даже искренне считает себя таким (ещё один случай «самоопределения»).

Дело, однако же, в фактической стороне вопроса. Умберто Эко, историк средневековой литературы, в своём знаменитом романе «Имя розы» щедро рассыпает по страницам приметы ежедневного ожидания конца света: «И вот наконец подходят антихристовы сроки... Какого зверя? А, Антихриста... Он скоро явится. Тысячелетие исполнилось, и мы ждём зверя».

Действие романа происходит в богатом альпийском монастыре XIV века. Роман, пусть и написанный учёным-медиевистом (т.е. знатоком Средневековья), остаётся романом.

Обратимся к научным данным. Вот, что пишет Ж. Делюмо:

«Исторические исследования опровергают легенду об ужасах однотысячного года, которая была основана на немногочисленных текстах, причём составленных позже... Те страхи, которые испытывали европейцы в XIV-XVI вв., приписывались современникам Оттона II.

Историки единодушны в том, что в Европе, начиная с XIV века, нарастает и распространяется страх конца света. В обстановке общего пессимиз-

ма, как физического, так и морального, в 1508 году в Страсбургском соборе проповедник Гейлер обратился к народу с призывом “спасайся, кто может”... никогда ещё не было так много верящих, что трубы Судного дня уже протрубили, как в период 1430-1530 годов.

Некоторые представители духовенства дошли до того, что организовывали публичные дискуссии на тему Страшного суда и о признаках его приближения, например, в Кельне в 1479 году».

Точно так же несостоятельны любые другие обвинения «безнадёжных клерикалов» московской церкви в «отсталости».

Нас здесь более всего занимает то, что Буровский связывает с ужасной терпимостью к языческой «бесовщине». Он хочет, некстати приплетая к делу «сугубо московитский» культ юродивых, убедить читателя, что «москвиты» жили по принципу «была бы сила, а наше дело поклоняться» (с. 300).

Но приверженцы такого взгляда обнаруживаются как раз в Европе! Делюмо пишет:

«В 1566 г. одна добропорядочная женщина поставила одну свечу святому Михаилу за его благодеяния, а другую дьяволу, чтобы он не причинял зло. В 1575 г. один прихожанин из Оденбаха (в протестантской Германии), собрав отменный урожай, заявил, что это дело рук дьявола.

(Сильно подозреваю, что немец не стал после этого выкидывать посланный лукавым урожаем в выгребную яму! — Л.П.)

В следующем веке грозный учёный П. де Ноблец обнаружил в Бретани культ пожертвований Лукавому... Дьявол располагался в одном ряду с божествами и его можно было умиловить и сделать добрым. Ему делали подношения, а затем искупали содеянный грех в церкви.

И в наши дни так ещё поступают горняки из Потози — они совершают культовый обряд Люциферу, подземному божееству, но периодически приносят покаяние в виде пышного крестного хода в честь Богородицы».

При всех гримасах и странностях отечественного двоеверия, до культа Люцифера кажется никто в «Московии» не додумался.

Наряду с культом доброго дьявола, на Западе существовал и культ... «злых святых».

«Превосходным доказательством веры в злое могущество святых служит фонтан в Берри, посвящённый недоброму святому, которому поклоняются и у которого просят смерти для своего врага, любовного соперника или родственника с наследством...

Начиная с XVI века в процессах над ведьмами, проповедях, катехизисах настойчиво подчёркивается различие между Богом и Сатаной, святыми и демонами, с тем чтобы укоренить его в менталитете сельских жителей» (Ж. Делюмо).

То есть, до того в сознании «сельских жителей» — абсолютного большинства населения средневековой Европы! — такого различия не было!

Такое «христианство» кажется, по меньшей мере, не менее странным, чем вышеописанное

«христианство» русской деревни.

Буровский возможно прав, говоря, что «даже на церковную атрибутику в русском православии переносятся представления язычников» (с. 296).

Мы уже говорили о «странностях» в почитании икон и придорожных крестов на Руси. Но в том-то и дело, что ничего исключительно «московитского» в этом нет.

Фаминцын указывает, что чехи-католики в XIX веке рубили у церкви головы петухам в честь святого Вита и сбрасывали с церковной колокольни козла (то есть, несчастную скотину перед этим заволакивали в церковь!) в честь святого Якова.

Здесь хотя бы идёт речь о жертве христианскому святому, пусть и по языческому обряду. Но вот Пеннинк и Джонс пишут о Британии:

«В 1589 году Джон Анстерс сообщает, что на церковном дворе в Клиноге, Ллейн, Уэльс, приносят в жертву волов — “одну половину Богу, другую — Бейно”. Обычай этот умер лишь в XIX веке».

Англичане принудили христианского бога делить жертву с кельтским Бейно и не где-нибудь, а на церковном дворе! и это при том, что Британия была крещена на полтысячи лет раньше Руси.

Впрочем, британские церкви видали и не такое. Стаббс в 1583 году с негодованием описывал «языческую процессию», танцующую в церкви (!) во время проповеди (!!!).

В аббатстве Бромм, Стаффордшир, поныне хранится атрибут тех плясок — оленье рога (как не вспомнить Новгород, где ритуальные «Перуновы палицы» хранились... в церкви Бориса и Глеба).

Да что Британия, если в сердце католического мира, в папском государстве, танцы ряженных в честь Вакха отменил, по словам Делюмо, лишь Бенедикт XIV в... 1748 году!!!

По всей Европе христианство столь же причудливо сочеталось с древней верой.

В Скандинавии бил источник «святого Тора», в городах средневековой Германии стояли колонны в честь Юпитера Христа (!), в Греции сельские священники в начале XX века не препятствовали почитанию прихожанами древних статуй, называя их «святой Дамитрой» — в святцах «отчего-то» не обозначенной.

Иной раз и церковь, скрепя сердце, утверждала своим авторитетом такой «гибрид»: миллионы христиан-католиков молятся древней кельтской Богине Бригитте, «превратившейся» в одноимённую святую.

Знаменитый Ричард Львиное Сердце, ссорясь с саксонскими баронами, бросил им в сердцах: мол, многие из вас не обратились к Христу, а те, что обращены, сделали это недавно и неискренне.

Язычники, чтящие Богиню Диану, существовали в Бельгии до XVII века.

Оставалась языческой Сардиния, ещё в XI веке посылавшая миссионеров на христианский континент и воинские дружины — на исламскую Испанию.

На плане итальянского городка Ассизи, роди-

ны знаменитого святого Франциска, составленном в его время, указан, как ни в чём не бывало, храм Минервы.

На юге Италии ещё в XVII веке крестьяне верили кто в сто, а кто в тысячу Богов.

В XII веке в триста лет как крещёной Болгарии, на горе Афон, в нескольких шагах от знаменитого монастыря, «болгары, именуемые славяне», чтити каменное изваяние своей Богини, а столетие спустя в столице царства, Великом Тырново, их соотечественник нацарапал на стенке глиняной корчаги имя Сварога.

В житиях византийских святых тема диспута с язычниками остаётся актуальной вплоть до VIII века.

Последний оплот античного язычества — город Майна с округой на полуострове Пелопоннес — пал в конце IX века и отнюдь не перед проповедниками Христа, но перед византийской армией.

Так было по всей Европе. Я не собираюсь переписывать здесь конспект трудов Делюмо и Пеннинка с Джонс. Те, кому приведённых сведений недостаточно, благоволят обратиться к их книгам.

Тем более не стоит видеть что-то неповторимо «московитское» в заселённости русской усадьбы всевозможными домовыми, дворовыми, амбарными, обдерихами, кикиморами, шишками и прочими существами того же рода, как то делает Буровский.

«С отношением западного христианина к нечисти очень легко ознакомиться, взяв в руки любую западную «фэнтези»; лучше всего Р. (? — Л.П.) Толкиена или Пола Андерсона. Из этих книг легко выяснить, что чем дальше от жилья людей, тем больше вероятность встретиться с нечистой силой.

Мысль же, что можно лежать в собственной кровати, а под тобой возится один... над тобой, на чердаке, второй... по огороду ступает мягкими лапами третий... такая мысль европейцу непонятна, да, пожалуй и неприятна» (с. 296).

Об «отношении западного христианина к нечисти», причём, не банникам и дворовым, а собственно дьяволу, Люциферу, мы уже говорили.

Что же до попытки Буровского привлечь в качестве свидетелей романы Толкиена — отнюдь не «Р.», а Дж., Джона — и Андерсона, то она самоубийственно неудачна. Поневоле задумаешься — а сам-то Буровский их читал?

Главными героями эпоса «Властелин колец» Толкиена выступают вообще не люди, а хоббиты.

И вот, что об этих существах пишет «сестра по разуму» Буровского, некая Е. Богушева, в своей книге «Чем бы дитя ни тешилось»:

«Герои Толкиена — очередная нелюдь, гномы, хоббиты. Как будто бы гномы — добрые существа. Как будто бы им присуще стремление к добру, как будто бы они могут ненавидеть то, что их породило⁵».

⁵ Радетельница православия ненавязчиво впадает в злостную ересь — богомилство. Ибо, по учению православной церкви, дьявол НИЧЕГО не породил и не сотворил, всему и всем творец — только бог.

А вот, в какую компанию помещает хоббитов средневековый британский автор Майкл Дэнхем: «боуги (буки, детские пугала. — Л.П.), портуны (амбарные. — Л.П.), гранты (оборотни. — Л.П.), хоббиты, хобгоблины (домовые, просто домовые, вопреки стараниям иных позднейших авторов книгофэнтези и ролевых игр сделать из них страшных чудищ. — Л.П.)».

Не более удачна попытка опереться на Пола Андерсона. В его романе «Буря в летнюю ночь» в альтернативной Англии рыцарям короля помогают выстоять против козней пуританского диктатора Кромвеля король эльфов Оберон со своей свитой.

В решающем сражении против пуритан на стороне короля, наряду с призрачными монахами из католического аббатства, выступают «духи древних язычников», Дикая Охота кельтского Бога Гвина маб Нуда и выскакивающий из-за печи — в доме! в доме западного христианина! — домовый-гоблин.

Так что, ни «двоеверие», ни очаги настоящего язычества, сохранившиеся веками после крещения (о которых пойдёт речь в этой книге), не являются какой-то исключительно русской диковиной.

Не надо объяснять её какими-то не очень вычтенными преимуществами русского язычества перед античным или западным.

Не стоит и православной церкви приписывать какую-то особую терпимость к пережиткам язычества, по сравнению с нетерпимым-де католичеством, ни хвалить православие за это не стоит, ни бранить.

Единственно — русское православие было на полтысячи лет моложе франкского или бриттского христианства, да и никогда не имело собственной мощной управленческой и карательной системы, полагаясь на мощь христианского (а иной раз, как мы увидим, и нехристианского) государства.

Не в терпимости тут дело. Это положение прекрасно отображено русским присловьем про бодливую корову...

Итак, во-первых, двоеверие **было**. Во-вторых, всю историю русского христианства, русской церкви крещёные русские люди были скорее двоеверцами.

Ситуацию X-XV, а кое-где и XVI-XVIII веков следует воспринимать не как «христиане против язычников» и уж, тем более, не как «христиане против двоеверцев», но исключительно, как «двоеверцы против язычников», в лучшем для церкви и христианства случае — «христиане во главе двоеверцев против язычников».

Это уже много позже, через полтысячи лет после «крещения Руси» двоеверие, а не откровенное язычество, стало не союзником, а проблемой церкви. Она обрушилась на него и, к своему несчастью, выиграла.

Но об этом поговорим в послесловии.

Нас сейчас интересует другая схватка — восьмивековая борьба христиан и союзных им двоеверцев против русского язычества, против тех, кто сознательно и последовательно исповедовал веру Пращуров, отказываясь склоняться перед чужезем-

НЫМ БОГОМ.

Глава 1. Накануне (V-X вв.)

Языческая держава. Несколько слов о русской вере. Христиане некрещёной Руси. Предавший Родных Богов.

«Русин или христианин...»

Договор Олега Вещего с Византией, 907 г.

«Кто из нас не любит тех времён, когда русские были действительно русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю...»

Н.М. Карамзин. «Наталья, боярская дочь»

*«Он вольным был. Клыкастые драккары
Вёл в синь и солнце, стоя у главы.
От Груманта до Кипра и Сахары
Весёлый клич гремел: «На вы! На вы!»
Русь оценил, Царьграда хлебосольство
И златоглавий самоварный вид.
Он усмехался: «Слишком мало солнца?
Так вот вам солнце — на ворота щит!»
Русь не любил молебны и базары,
Теодицей непроходимый лес.
Склоняли выю греки и хазары
Перед мечом с насечкой черт и рез».*

А. Ширинаев. «Пленник»

Дохристианскую Русь — как, впрочем, едва ли не всякое историческое явление — окружает немало мифов. Один из них, самый любимый православствующей нашей публикой, гласит, что никакой Руси, собственно, до крещения и не было.

Недаром, когда в 1988 году доживающий последнее Советский Союз решил отпраздновать тысячелетие крещения, вчерашние глашатаи «научного атеизма» заблажили со всех трибун, экранов, подмостков: «тысячелетие русской культуры», «тысячелетие русского искусства», «тысячелетие русской живописи», «тысячелетие русской архитектуры»...

Последнее особенно умиляет. Язычники, надо полагать, на поле спали, другой накрывались. Благо что никто не додумался возопить про «тысячелетие русского костюма», скажем; хотя, может, и вопили, просто мимо ушей и глаз проскользнуло — тогда было много слоганов в этом духе, ничуть не более осмысленных.

Ещё раз повторяю — речь не о православных, речь о православствующих. Для православного неинтересна роль православия в культуре (скорее — роль культуры в православии), государственности и т.д., и т.п.

Тем паче не волнуют его взаимоотношения его веры со сказочным зверем прогрессом (а может, и не зверем, до сих пор никто из верующих в эту диковину не объяснил мне, тёмному, что он такое).

Как сказал один неслепой православный —

«христианство ценно не тем, что помогло построить империю, а тем, что оно **истинно**». В последнем я, нехристь, оставлю за собой право усомниться, но и спорить здесь не стану.

А вот, когда православствующие начинают оскорблять мою языческую святыню, моих Предков — тут уж извините. Тут я не просто могу или стану, тут я просто обязан возразить.

Говорят — и тут я с прискорбием должен отнести к малопочтенному сонму православствующих не только мирянина-публициста со звучной фамилией Штильмарк, но и людей церковных, в частности, того же диакона Кураева и иеромонаха Виталия Уткина — будто до крещения Русь не была государством.

Так, какие-то вечно грызущиеся между собой племена, с которых брали дань то хазары, то чуть менее дикие норманны.

Насчёт государства — в последние годы историки вообще не могут выработать какого-то общеприемлемого определения государства. Поэтому некоторые из них сделали очень мудрый и верный шаг — заинтересовались тем, что считали государством сами люди прошлого — Средних веков, Древности...

Посмотрим и мы — как смотрели на языческую Русь современники. Чем считали её — скопцем «племён» или всё-таки государством?

В средневековой Европе очень серьёзно относились к титулам. Серьёзней там относились только

к Христу и Христовой вере. За неправильно употребленный титул могли вызвать на поединок, отплатить на плаху, объявить войну.

Так вот, правителей Руси с 839 года, когда, по Вертинским хроникам, к правителю восточных франков, Людовику Благочестивому, пришли послы «народа Рос», зовут **королями**.

Позднее, в «Хронике продолжателя Регинона», княгиню Ольгу, в крещении Елену, величают «Еленой, **королевой** ругов» (германцы называли русов ругами). И так далее, вплоть до «короля Полоцкого» и «короля Суздальского» у Генриха Латвийского.

Заведомых правителей государств, христиан-католиков из Польши и Чехии, и то их единоверцы именовали всего лишь герцогами или князьями-«дюками».

В западных хрониках XI века говорится о том, как польский «герцог» Болеслав помогал киевскому «королю» Святополку в войне с его братьями.

Тем паче, не называли королями вождей племён. Забавно бывает читать в хрониках про «сеньора ливов» или «половецких баронов» — впрочем, если вдуматься, эти словосочетания не забавней привычного «цыганский барон».

На Востоке правителей языческой Руси называли даже не царями, а хаканами, «хакан-Рус». Хакан — императорский титул! «Ар-Рус, так же, как аль-Хазар и ас-Серир — это название государства, а не народа и не города», пишет арабский автор.

Серир — это северокавказское княжество, а «аль-Хазар» — хазарский каганат, разрушенный язычником Святославом. То есть, речь о временах до крещения.

Не признавала за правителями Руси царского достоинства одна надменная Византия — но она не признавала его и за православными царями Болгарии, и за христианским императором Священной Римской империи германской нации Оттоном, и за эмиром мусульманского Египта.

Жители Восточного Рима знали только одного царя — своего императора, а за границами империи могли быть только «вожди».

Впрочем, в «записке топарха» византийский чиновник, губернатор крымских владений-климатов, величает язычника-руса «царствующим на север от Дуная».

А митрополит Иларион пишет о язычниках Игоре и Святославе — «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». О «племенах» так не пишут.

По устройству Русь времён Игоря не очень отличалась от франкской державы времён того же Людовика Благочестивого. Так же правили в своих владениях «племенные герцоги» (а у нас — «всякое князьё», что «под рукою великого князя»).

Так же полгода колесил по стране король со всем двором, как наш князь на полюдьё. Только у нас в полюдьё уезжали на зиму, а короли кочевали по стране летом. По римским дорогам как раз летом лучше всего путешествовать; а у нас и ныне в иные

края иначе, чем по речному льду, не доедешь.

Точно так же собирались на законодательные собрания «все франки» (а у нас подписывалась под договорами «вся русь»).

Наконец, саксы бунтовали против франков, как наши древляне и вятичи против русов, даже успешнее. Саксам всё же удалось усадить на престол восточных франков свою, Саксонскую династию. Древляне с вятичами ничего подобного не добились.

Собственно, сами рассуждения про «племена» — плод некоторого недоразумения.

В летописи такого слова нет. Древлянские послы говорят Ольге: «Послала нас к тебе Деревская земля» — отнюдь не «племя»!

Сами древляне — а также вятичи, дулебы и прочие первоначальники земель, на которых возведено было Русское государство, ставятся летописью в ряд с литвой, немцами, свеями-шведами, лютичами, поморянами.

Литва, немцы и шведы — вообще народы. Лютичи и поморяне — тоже не племена, а, выражаясь сукольным языком этнографической науки, «союзы племён».

В состав лютичей входили, например, ратары, хижане, чрезпняне, доленчане и с полдюжины племён помельче. Так же, надо думать, обстояло и на Руси.

Вятичи, например, по данным археологии, включали в себя шесть племён. Только на Востоке Европы об отдельных племенах сведений не сохранилось.

Трудно сказать, что тому виною — меньшая ли дотошность наших летописцев по сравнению с немецкими хронистами или то, что наши «земли» — союзы племён — сложились раньше западнославянских и ко временам написания летописи отдельные племена успели в них бесследно раствориться.

Между тем, союз племён — это уже качественно новая ступень объединения людей, не родовая, а территориально-политическая.

Говоря попросту, племя объединяло людей по происхождению, «земля» — по общему месту проживания (собственно земле) и политическим интересам — совместной обороне от чужаков, контролю над торговыми путями и так далее.

А это уже маленькое государство, недаром «Повесть временных лет» упоминает в этих союзах племён и «княжение свое» и законы (именно законы, а не обычаи, тут же упомянутые особо) «отцов своих».

А византийский император Константин Рождённый в Пурпуре — чаще его несколько невнятно зовут Багрянородным — говоря о славянских данниках русов, древлянах-«дервианах», дреговичах-«друтувитах», кривичах-«кривитеинах» и прочих, называет их «Славиниями».

Это слово исследовал на известиях о балканских славянах Г.Г. Литаврин. И пришёл к вполне ясному выводу, что обозначался им не народ, не племя — тогда бы просто писали «славини», — а маленькая держава.

Никто не называл, скажем, племена печенегов-«пацинаков» «Пацинакиями». Окончание «ия» появлялось, когда говорили о земле, о государстве — Шранкия, Болгария, Хазария.

И отношения между маленькими державами Восточной Европы — впрочем, такими ли уж маленькими? те же самые древляне занимали территорию, не уступавшую королевству англов тех времён — не сводились к пресловутой «вражде» не только до крещения, но и до Рюрика: «жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты».

Это слова не из «Велесовой книги», не из сочинений «неоязыческих идеологов», а из «Повести временных лет» «святого преподобного» Нестора.

Так что историки очень неудачно применили к летописным «землям» этнографический штамп «племена», что многие из них, кстати, и признают, но уже — сложилось, устоялось, стало привычным.

Историки, даже лучшие из них, склонны иногда забывать о том, что за пределами их кафедр и аудиторий живет ещё пара-другая миллиардов человек, лишённая специального исторического образования.

Безобидный этнографический термин может отозваться в их ушах совсем не безобидным образом.

Вот пример — когда И.Я. Фроянов доказывал, что Киевская Русь не была феодальным государством, он применял термины «общинный строй» и «варварское общество».

При этом Игорь Яковлевич, увы, не учёл, что в глазах многих и многих эти слова были не описанием, а оценкой; «общинный» воспринималось, как «первобытно-общинный» и вызывало в памяти картинки из школьных учебников с изображениями охоты на мамонта. Про «варварский» можно и вовсе не упоминать.

У неспециалистов — а многие из них, при всей своей простоте, сидели в весьма высоких кабинетах — сложилось впечатление, что Фроянов «принижает» Русь, чем не замедлили воспользоваться противники Игоря Яковлевича; в результате теория Фроянова, весьма обоснованная, была жестоко раскритикована в научной печати и тем более не дошла до просто любящих свою историю людей.

Я намеренно упомянул здесь Игоря Яковлевича Фроянова, чей патриотизм вне сомнений — он поплатился за него положением главы факультета в престижнейшем ВУЗе «культурной столицы России» и, увы, верностью многих своих учеников.

К сожалению, сегодня такие люди в среде академических учёных скорее исключение, нежели правило.

И сейчас, после отставки И.Я. Фроянова, смерти его оппонента Б.А. Рыбакова и других учёных-патриотов, В.В. Седова, И.П. Русановой, О.М. Рапова и А.Г. Кузьмина, тон в науке о Древней Руси задают совсем другие люди. От них ещё меньше можно ожидать внимательного отношения к словам.

И эту невнимательность охотно используют, причём, не только православствующие публицисты, но и откровенные недоброжелатели русского наро-

да, вообще славянства.

«Племена» — значит, дикари, значит, шкуры и каменные топоры. Так показаны славяне-«вендели» в голливудском фильме «Тринадцатый воин», славяне-«кубраты» в романе «Возвышение Криспа» американского фантаста, историка по профессии Гарри Тертлдава.

Но мы вспомним слова великого русского историка и патриота С.А. Геденова: «из... дикарей никакое призвание (варягов; добавим — и никакое крещение. — Л.П.) не сделает Руси времён Ярослава Мудрого».

И скажем спасибо православным летописцам, при всей неприязни к язычеству, честно донёсшим до нас правду о языческой Державе.

В этой державе отношения между малыми державами-«землями» и покорившей их «русью» строились отнюдь не на голой военной силе, грабеже и принуждении, как пытаются сейчас показать некоторые авторы.

Призывая Рюрика, князя рюгов-русов с острова Рюген, славяне обращались к нему: «судить и володеть нами по праву».

Русы X века, захватившие закавказский (да, закавказский... вот так далеко простиралась походы некрещёных «дикарей»), тогда как князь-христианин XII века Игорь Святославич чувствовал себя «далече залетевшим» в донских степях!) городок Бердаа, обратились, по словам арабского автора Ибн Мискавейха, к его жителям со следующими словами:

«На вас лежит обязанность хорошо повиноваться нам, а на нас — хорошо относиться к вам».

Многие современные «демократические» правители не имеют столь ясного понятия об обязанностях правителя по отношению к подданным, как «захватчики»-русы!

Ибн Мискавейх свидетельствует, что обещание своё русы держали, хотя в городе продолжались бунты одержимой исламским фанатизмом черни.

И даже после убийства нескольких русов толпою фанатиков, язычники всего лишь захватили жителей в плен и предложили выкупать себя, причём уплатившему выкуп выдавалась печать (!) на глине, дабы никто не потребовал с него этого выкупа вторично.

Константин Багрянородный называет подчинённых «россам» славян «пактиотами», то есть заключившими с ними «пакт», «ряд» по-древнерусски (любопытно, не отсюда ли пошло слово «рядович» из «Русской Правды», чей смысл для учёных не до конца ясен).

Летопись, византийский топарх — так же отмечавший «величайшее человеколюбие и справедливость» варваров — и Лев Диакон единодушно указывают, что многие «земли» отдавались под власть-защиту русов **добровольно**.

В X веке, когда язычник Святослав захватил христианскую Болгарию, он оставил в живых и на свободе царя Бориса II, не тронул царскую казну (её потом разграбило войско православных «освободителей» — византийцев), и многие болгары бок о бок

с «завоевателями»-русами бились до конца с армией Второго Рима.

Несколько слов об уровне культуры в Державе русов-язычников. Во-первых, там были города. Об этом свидетельствует не только скандинавское название Руси — Гарды, буквально — города.

В конце концов полудиким скандинавам позволительно и не различать города в собственном смысле от спрятавшегося за тыном селеньица.

Нет и араб Ибн Русте пишет, что у русов «много городов» (притом, его соплеменник и современник, Ибн-Хордадбег, утверждает, что в самой Византии есть только пять городов, остальные же — «укреплённые деревни»), и географ Баварский исчисляет города в землях восточных славян сотнями.

Оба автора — люди безусловно цивилизованные для раннего Средневековья и что такое город, безусловно, понимали.

Ещё занимательней, что ещё персидский аноним и тот же Ибн Хордадбег, таможенник по профессии, свидетельствуют, что русы производят «отличные мечи» и ввозят их в земли халифов.

Вдумайтесь — речь идёт не только о высоком качестве работы русских оружейников.

Это-то вне сомнений — стоит только почтить у Льва Диакона, как мародёры-византийцы собирали на полях битв русские мечи, а у Ибн Мискавейха — как жители окрестностей Бердаа лазили за мечами в могилы русов, умерших от морового поветрия (!).

Нет, речь о том, что русы продавали не только всевозможное «сырьё» — меха, мёд, воск, но и изделия своих ремесленников. И те находили спрос даже в краю булатных клинков!

Другим предметом экспорта были кольчуги — Ибн Русте называет кольчуги славян «прекрасными», а средневековая поэма «Рене де Монтабан» — «отличными».

Заглавный герой поэмы, рыцарь Карла Великого, купил одну и стал пользоваться славой неуязвимого бойца. Технологии, таким образом, в языческой Руси были не ниже мирового уровня. Некоторые клинки той эпохи сохранились до наших дней. На них имена кузнецов-русов — «Людота» и «Славмир».

На это тоже обратим внимание, читатель, — русы-кузнецы, представители профессии, дольше прочих державшейся за древних Богов (не зря молитва святого Патрика защищает христианина «*fri brichta goband ocus druad*» — «от чар кузнецов и друидов»), оказывается, грамотны.

И не они одни — в одном из курганов могильника Гнездово на кувшине красуется надпись, которую учёные читают то как «горушна» (горчица), то как «Горух пса» (то есть, «Горух писал»).

Честно признаться, мне больше по душе последняя расшифровка: большинство древних надписей — вот такие «автографы», а представить, зачем северным славянам в X веке могла понадобиться огромная амфора с горчицей, мне как-то не по силам.

Наконец, самая, на мой взгляд, занимательная надпись той эпохи найдена в Новгороде, в слоях середины X века. Это бирка-пломба от мешка с данью. На ней изображён символ княжьего рода — сокол, вилкой раскинувший крылья, и надпись: «Мечнич мех в тех метях. Полтвец» («Этим помечен мешок мечника. Полтвец».)

Мечник — служилый княжеский человек, которому, очевидно, принадлежал мешок. Рядом со своим званием он для неграмотных вырезал меч. А Полтвец — имя этого поэта на княжьей службе.

Оцените игру созвучий в оригинальной надписи! Эта короткая надпись очень похожа на «висы» — короткие, иной раз — из одной строчки, стихи скандинавских поэтов, скальдов.

Между прочим, идея, что письменность на Русь принесло лишь крещение или, по крайней мере, Кирилл с Мефодием, — «заслуга» опять-таки православствующих, а не православных.

В православном «Паннонском житии св. Кирилла» чёрным по белому написано, что будущий святой, посетив Корсунь-Херсонес, древний город неподалёку от нынешнего Севастополя, видел там книги, написанные «русьскими письмены».

Именно «русьскими» — так написано в 26 (прописью — двадцати шести) известных нам списках жития, так что попытки переделать их на «сурские» (сирийские), «готские» и т.д., ни что иное, как проявление какого-то странного страха иных исследователей при мысли о грамотности далёких предков⁶.

И скорее всего это были те письмены, которые сегодня неправомерно называются кириллицей. Именно их, как пишет палеограф С.В. Высоцкий, в Средние века называли «руским письмом», а «славянским» — глаголицу.

«Солунских братьев», как известно, считают изобретателями именно славянской письменности. И первые памятники глаголицы — это церковные надписи и богослужебные книги, именно то, на что могли направить свои усилия братья-миссионеры.

А вот «кириллица» встречается впервые в местах совершенно «неподобающих» — на глиняном кувшине, на клинках мечей, на бирке, в надписях совершенно мирских по смыслу и содержанию, не упоминающих даже имён христианских.

А, по единодушному мнению русских летописцев, византийских хронистов и арабских географов, торговцами, сборщиками дани, воинами и кователями мечей в Восточной Европе X века были именно русы — вот и «руское письмо».

Так что, любители порассуждать о том, сколь многим-де мы обязаны «Солунским братьям», оче-

⁶ Для сравнения — знаменитое сочинение черноризца Храбра известно в пяти списках. При этом лишь в двух, Московском и Чудовском, сказано, что «преже убо словене не имеху письмен... поганы суще», а в трёх — Савинском, Лаврентьевском и Хилendarском — в большинстве! — сказано «не имели книг». Разница, согласитесь, значительная. А теперь угадайте, какие списки цитируют наши историки? Совершенно верно, читатель, те два списка, где славяне изображены не знавшими не только книг, но и письменности.

видно, пишут глаголицей. Я же пишу эту книгу знаками, восходящими к «русьским письменам» язычников Людоты, Славимира, Полтвеца и Горуха.

И если признание иноземцами титула государей за русскими правителями и имени государства за самой Русью говорит об уровне общественного развития языческой Руси, если высокая оценка иноземцами изделий русских мастеров — это уровень цивилизации, то грамотность русов-язычников, не жрецов или князей, а простых людей — кузнецов, купцов, князьего служилого люда — это уровень культуры.

Уровень, надо сказать, весьма высокий — ещё несколько веков спустя в ином рыцарском романе христианской Европы можно было прочесть: «жил благородный рыцарь. Он был таким учёным, что даже умел читать».

Конечно, неверно говорить, что страна грамотных кузнецов стояла «выше» стран с уже возникшими университетами. Просто надо признать, что нет и не может быть никакого «выше» и «ниже», что особенности языческой Руси — или Запада — это именно особенности, а не признаки загадочной «отсталости» (чтобы говорить об отставших, нужно быть твёрдо убеждённым, что все идут в одном направлении⁷), или не менее загадочного «прогресса».

Поскольку речь в нашей книге о язычниках, то надо сказать несколько слов и о язычестве Древней Руси, дать хотя бы самое общее, естественно, чудовишно схематичное представление о Вере, ради которой герои нашей книги будут жить, сражаться и погибать.

Для начала: — славяне и русы знали единого Бога. Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский, византийский автор VI века и немец Гельмольд полтысячи лет спустя.

В договоре руси с греками в 945 году сказано: «...а те из них (русов. — *Л.П.*), кто не крещен, да не имеют помощи от Бога и Перуна», а в 971 году воинствующие язычники Святослава клянутся «от Бога, в него же веруем, в Перуна, и в Волоса, скотья Бога».

В насквозь, как увидим, языческом «Слове о полку...» — «суда Божия не минута» в цитате из оборотня и колдуна Бояна, Велесова внука, обращённой к князю-оборотню Всеславу Полоцкому.

Второй раз Бог упоминается в «Слове...», когда в ответ на молитву Ярославны Солнцу, Ветру и Дону: «Игорю князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую». Вряд ли на языческую молитву отозвался Христос!

Князь ещё некрещёных болгар Пресиян писал в своей так называемой Филиппийской надписи: «Когда кто-то говорит правду — Бог видит. И когда кто-то лжёт — Бог видит. Болгары сделали много хорошего христианам, а христиане забыли об этом

— но Бог видит!»

Сам болгарский правитель, кстати, величал себя «От Бога князь» — притом, что от христиан он себя, как мы с вами, читатель, только что видели, чётко отличал.

Язычники не часто называли это Божество собственным именем. Да и понятно. Да простится мне такое сравнение, но есть звери — лисы, лоси, барсуки, кабаны, а есть — Зверь, которого по имени лишней раз лучше не поминать, а то ведь, о нём речь, а он — навстречь.

У поморов были рыбы — сельдь, треска, навага — и была Рыба, которую лучше не поминать всеу (обидится, уйдёт), спасение поморских посёлков от голода и цинги — сёмга. Её я рискнул назвать, ибо она читателям неочевидна, да и я не помор.

Для, простите, наркомана есть всякие там осока, пырей, лебеда, а есть — Трава, основа его страшного и жалкого существования.

Самое главное мы подчас называем не собственным именем, а родовым. Отсюда и этот Бог у славян-язычников для обозначения Бога над Богами, Бога Богов.

Между прочим, не одни русы пользовались такой логикой. Скандинавы очень часто называли своего верховного Бога Одина просто «Ас» — «Бог». Тюрки называли «Богом» Тенгри — повелителя Богов, небесного хана. Эллины звали Зевса Олимпийского «Богом» — Днём.

Верховного Бога балтов звали Диевс — опять-таки попросту «Бог». Мать Богов индусов именуется до сих пор Дэви — Богиня.

Но мы знаем Его имя, имя, под которым славили Его наши пращуры-русы. Это заслуга покойного академика Бориса Александровича Рыбакова. Его открытия не опровергнет никакая злопыхательская «критика».

Впрочем, мы не будем здесь подробно её рассматривать и опровергать. За открытие Рыбакова говорят источники — единственный надёжный фундамент любой исторической мысли.

В одной из древнерусских книг сказано — «Всему бо есть творец Бог, а не Род» — следовательно, кто-то утверждал обратное! В «Слове Исаяи пророка о Роде и Рожаницах» культ Рода противопоставляется на равных «праведной» вере в «истинного» бога Библии.

Есть и иные доказательства, но здесь хватит этих. Как говорили древние римляне, sapienti sat — разумному достаточно, желающих же спора ради спора не утолишь и множеством томов.

Именно Род скорее всего изначально породил из Себя мир в «Голубиной книге». Для существования этого мира Род принёс Себя в жертву.

Так мы получаем культ жертвенности и Жертвы, Бога, принёсшего Себя в жертву за мир. И отношение к миру — телу Бога, жертвенному дару Его.

**Солнце красное от лица Божья,
Млад ясен месяц от грудей Божьих,**

⁷ А чтобы осуждать их — надо быть твёрдо убеждённым, что в этом направлении идти нужно; а то невелика беда — отстать на пути к мировым войнам, феминизму, ядерной бомбе, СПИДу, абортам, ЛСД и психоанализу!

Утренняя заря, заря вечерняя От очей Божьих...

На Жертве Божества зиждился миропорядок — Рота (слово, родственное древнеиндийскому «рита» с тем же значением). Рота так же и клятва. Языческая присяга, тесно связывающая слово человека с мирозданием. Русы клялись — «пока мир стоит, пока Солнце светит».

Хранителями роты в обоих её смыслах были следующие за Родом Боги русов. Это Перун — Бог гроз и битв, покровитель воинов.

В его честь знатные славянские воины выбривали себе бороды и головы, оставляя лишь усы и длинные пряди на макушке — именно так изображает Перуна текст «Повести временных лет» и миниатюры Радзивилловской летописи.

Это Волос, Бог зверей, мертвецов и колдунов, покровитель волхвов. Само его имя означало «волосатый, косматый». В его честь на сжатом поле оставляли последний сноп — «Волосу на бородку».

Его люди — волхвы и жрецы — согласно летописям и западным хроникам, носили длинные бороды и волосы.

В договоре заклятого язычника Вещего Олега — том самом, где «русин или христианин» — русы клянутся Перуном и Волосом.

Игорь, у которого в дружине появляются христиане, клянётся только Перуном.

В договоре воинствующего язычника Святослава вновь появляется нетерпимый к христианам Бог волхвов.

Подчеркну — эти Божества упоминаются в договорах вместе. Теория об их «вражде» не имеет никаких оснований.

Сейчас она, хоть и продолжает неоправданно занимать место в популярной и справочной литературе, в книгах, в общем, замечательных — таких, как «Мы — славяне» Марии Семёновой и «Дорогами Богов» Юрия Петухова (во всяком случае, первые издания «Дорогами...» были неплохи), энциклопедии «Мифы народов мира» и многих других, — встречает достаточно серьёзный критический отпор.

А.А. Панченко критикует её в своём «Народном православии», М.А. Серяков в труде «Голубиная книга» — священное предание русского народа».

Со временем может быть кто-нибудь и вспомнит, что первую и, собственно, последнюю необходимую критику этой теории дал ещё покойный Борис Александрович Рыбаков во времена, когда она находилась на пике популярности.

Он обратил против неё единственное серьёзное возражение — возражение, которое не вправе оставлять без внимания ни один человек, желающий считаться разумным и здравомыслящим. Он показал, что она откровенно противоречит источникам, она — просто безосновательна.

Правомерней предположить в Божествах, которыми одновременно клялись русы, не соперников, а соратников, правую и левую руки Всеотца Рода.

Возможно, именно они скрывались на варяжских берегах под прозвищами Белобога и Чернобога, как Род скрывался под прозвищем Святовита. В честь Чернобога и Белобога, что почему-то часто забывают, пили, славя их, одну круговую чашу.

Разумеется, этими тремя Богами мир руса-язычника не исчерпывался, но здесь нет места для рассказа обо всём многоцветье древней Веры.

Ведь только о пяти Богах, чьи изваяния стояли на киевском холме — Перуне, Дажбоге-Хорее, Стрибоге, Семарьгле и Макоши — можно написать целую книгу. Что автор этих строк, собственно и сделал.

Пока же перейдём к некоторым вопросам отношения русов-язычников к себе и к миру.

Во-первых, это, конечно, культ предков. Про это так часто говорят, что уже совершенно не понимают, что же оно всё-таки означает.

Охотно поясню: культ предков это не вопль «Слава предкам!» над «братиною» с покупным пивом чеченской фирмы в замусоренном, затоптанном и заплёванном пригородном леске, у костерка из разломанных ящиков.

Это даже не посещение в Родительскую субботу могилки на кладбищах — травку прополоть, оградку поправить, гвоздички положить. Культ — это прежде всего отношение. Такое отношение, при котором объект находится вне критики.

Если человек, допустим, исповедует культ личности Вождя (как мои дедушки, работник Народного комиссариата внутренних дел ежовского призыва, Игнатий Адрианович Прозоров и подполковник Великой Отечественной Сидор Петрович Горбушин), он не может допустить в сознание мысль о том, что Вождь не прав.

Если он не понимает действий Вождя, он просто принимает эти действия не раздумывая (достойные противники моего деда по материнской линии говорили в таких случаях: «Фюрер думает за тебя»). Или пытается понять, где сам — именно он сам, а не Вождь! — допустил ошибку.

Там, где возникает иное отношение, кончается культ — даже если памятники ещё стоят на всех перекрестках и цветы у пьедесталов не успевают завянуть.

А теперь попытайтесь понять, читатель, чем же был культ предков? По свидетельству выдающегося русского лингвиста И.И. Срезневского, «старый» в древнерусском означало «почитаемый», «разумный», «опытный», «лучший».

Древний миф об убийстве неспособных участвовать в прокормлении племени стариков первобытными людьми оказался именно мифом.

Справедливости ради надо сказать, что народные рассказы на эту тему всегда рисовали подобное изуверство временным, частным случаем, возникшим когда-то в силу чрезвычайных обстоятельств.

Только «учёные» современной западной цивилизации додумались до того, чтоб приписать предкам истребление физически беспомощных старцев, как норму.

В 1960 году в иранской пещере Шанидар было обнаружено погребение сорокалетнего мужчины-неандертальца (!), невзирая на врождённый дефект, лишивший его возможности пользоваться правой рукой, он всё же дожил до этого весьма почтенного по меркам той суровой эпохи возраста.

При этом, у человека из Шанидара были почти начисто стёрты передние зубы — как видно, он пытался ими помогать себе, возмещая беспомощность правой руки. Однако, он жил и без зубов и погиб под обвалом свода пещеры.

Другой престарелый неандерталец из пещеры Шапель-о-Сен потерял все зубы, кроме двух, был буквально скрючен артритом — но прожил долгую жизнь после этого.

Так отчего же земледельцы-славяне должны были быть суровее к своим старикам, чем пещерные охотники раннего каменного века?

Все источники как раз говорят о почтении славян к своим старцам. Хотя, конечно, «старая чадь» и «градские старцы» русских летописей обозначали скорее всего отнюдь не возраст обозначаемых этим понятием людей, а принадлежность их к «старым», раньше остальных поселившимся в каком-либо месте родам.

Такие порядки на Русском Севере сохранялись до начала XX века. Однако основной принцип был тот же: старый — значит «лучший». От ПРАЩуров завещанное было ПРАвильным — только так и никак иначе.

Слово же «новъ», «новый» прозрачно намекало на «Навь», «навий» — мир тьмы и нежити и его исчадь. Русская поговорка гласила, что «Были люди божики (или — велеты, великаны), теперь — пыжики, а будут — тужики; эти петуха впятером резать будут»⁸.

Другое предание гласило, что Боги утвердили Мать-Землю на четырёх огромных рыбах над водами мрака и смерти. Одна за другой рыбы уплывали или погибали и ныне мир держит одна рыба; он же с каждым разом всё больше погружается в хляби тьмы, всё более пропитывается ею.

Миру предстоит, верили русы, в ближайшие времена погибнуть и возродиться вновь. Представления русов о посмертии, слишком сложные, чтобы о них здесь рассказывать, включали и представления о перевоплощении.

А теперь попытайтесь представить, как подобное мировоззрение сочетается с представлением о «прогрессе».

«Первобытный», «примитивный» — в устах наших современников эти определения говорят о неполноценности. В устах древних людей это была величайшая хвала.

Представление о том, что мир, люди, жизнь

⁸ Как-то довелось быть свидетелем дивной сцены — очередные неязычники, где-то с полдюжины молодых людей обоёго полу, пытались зарезать петуха — принести его в жертву Перуну. Цель сама по себе была, безусловно, благородной, но исполнение не оставило у меня сомнений, к какой категории людей относится наше поколение.

улучшаются с ходом времён, было не просто чуждо языческому мировидению русов, а прямо противоположно ему.

Впрочем, что уж говорить о славянах, если даже в иных торговых городах-государствах Эллады, несравненно более открытой всевозможной новизне, человек, вздумавший предложить новый закон, обязан был являться в собрание с верёвкой, скользящим узлом завязанной на шее — чтоб согражданам не пришлось долго искать этот предмет, буде нововведение придётся им не по нраву.

Кстати, как ни относиться к понятиям традиционного общества о старом и новом, именно этот обычай прародине демократии я бы горячо рекомендовал современным парламентам. Жизнь стала бы много спокойнее!

Либо ты веришь в прогресс — либо исповедуешь культ предков. Тут уж одно из двух. Прогрессизм и язычество — несовместимы. Тот, кто утверждает, что совмещает их, лжёт или заблуждается.

Вот только не надо, читатель, в духе как раз современных представлений о «примитивном», «старом» и «прогрессивном», «новом» видеть в предках дикарей, кланявшихся дурно обтёсаным брёвнам, вкривь и вкось (это, кстати, просто поветрие какое-то — на десяток картинок с изображением славянских капищ не насчитаешь и трёх, где бы «идолы» стояли прямо) понавтыканным в огороженную щелястым тыном полянку, как это любят рисовать на иллюстрациях к художественным и популярным книгам про язычников-славян.

На Руси, по единодушному свидетельству таких предельно незаинтересованных в воспевании русского язычества источников, как «Сага об Олафе, сыне Трюггвы» и «Похвале и памяти князю русскому Владимиру» мниха (монаха) Иакова, были храмы.

В первом упоминается, что «конунг Гардов Вальдемар» (Владимир Святославич, будущий креститель Руси) в годы своего правления в «Хольмгарде»-Новгороде посещал храм языческих Богов.

Второй источник утверждает, что этот же Владимир после крещения «храмы идольские раскопа и по-сече».

Сейчас несколько таких храмов найдены даже археологами — от Ладоги, где этот храм, полностью повторяющий архитектуру храма балтийских славян в Гроссен-Радене, стоял на улице Варяжской — до Прикамья.

Об их внешнем облике мы можем судить, разве что, по сравнению с описанными западными авторами храмами балтийских славян — как я уже сказал, устройство храмов на Варяжском Поморье и в северно-русских землях полностью совпадают.

Саксон Грамматик — о храмах Рюге-на-Руяна: «Посреди города (Арконы. — *О.В.*) была площадь, на которой стоял храм из дерева, изящнейшей работы (...), внешняя стена здания выделялась аккуратной резьбой, включавшей формы разных вещей...

Отличием этого города (Коренице. — *О.В.*) были три храма, заметные блеском превосходного

мастерства».

Гельмольд говорит, что Святovit имел в Арконе «величайшей пышности храм», а в Рерике вокруг священных дубов Перуна стояла «искусно сделанная ограда».

«Житие Оттона» о храмах Триглава в Волини: «С большим старанием и искусством сооруженные».

Герборд о кумирне того же Триглава в Щецини: «Была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения Людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданных, что казались дышащими и живущими (...) Краски внешних «изображений никакая непогода, снег или дождь не могли затемнить или смыть, таково было мастерство художников».

Титмар Мезербургский о городе Радигощ и святилище Сварожича: «В нём нет ничего, кроме храма из дерева, искусно сооружённого, который, как основы, поддерживают рога разных зверей. Его стены снаружи украшают изображения Богов и Богинь, удивительно вырезанные, как видно рассматривающим».

Были, конечно — в деревнях, по окраинам — и те кумиры под открытым небом, которые обычно рисуют нам современные художники. Как в православной культуре наряду с Софией Новгородской или Кижами существовали одинокие кресты с иконой под кровелькой-гольцом на распустьях.

О сути обряда жертвоприношений у славян уже говорил. Это было не кормлением взрослыми детьми деревянных кукол. И не торговлей с Богами по принципу «Ты мне — я Тебе».

Даже общая трапеза с Бессмертными, обновлявшая связь (помните — «ре лигио»?) не исчерпывала сути жертвоприношения. Это было повторением Первожертвы — жертвы Рода, актом обновления, пересоздания мира, в котором жертва мистически уподоблялась Самому Богу Богов, Всеотцу.

Голова жертвы, например, надевалась на шею или вывешивалась на дерево не из эстетических соображений, а в подражание тому, как в начале времён младшие Боги утвердили небо — череп Всеотца — на мировой Оси или мировом Древе.

Именно так, кстати, поступают с побеждённым врагом «россы» великого князя Святослава у Льва Диакона (кричащие, что уподобили убитого «жертвенному животному»), ободриты на Варяжском Поморье, и... богатыри русских былин Илья Муромец, посмертно произведённый в христиане и даже в святые, а также Алёша Попович.

Воина, как видим, приравнивалась к жертвоприношению — не потому ли столь почётной была гибель воина?

Естественно, абы кого из людей Роду Всеотцу наши предки уподобить не могли. На алтари шли во всём индоевропейском мире, от Индии до гладиаторских арен Рима, три категории людей: пленники (по описанным выше соображениям), преступники (законы общества были продолжением законов Вселенной, «доколе мир стоит, доколе Солнце све-

тит», и посягавший нарушить их как бы уподоблял себя установившему эти законы Роду, а стало быть, напрашивался и на ритуальное уподобление Всеотцу-Первожертве), и добровольцы.

Последних было не так мало, как может показаться — ведь участь жертвы была более чем почётна.

В Индии верили, что жертва поселяется в райском мире того Божества, которому была принесена и становится сопричастной Его силе.

В Древней Греции верили, что принесённая в жертву своим отцом царевна Ифигения стала Богиней, покровительницей Крыма, а у римлян бык, принесённый в жертву Митрой, стал Богом плодородия Сильваном.

У славян, как считается, отзвук подобных представлений сохранился в превращении «не своей смертью умерших» людей (изначально — жертв) в существ на грани местных полубогов и нечистой силы — русалок, водяных и пр.

Если же вам, читатель, не даёт покоя мысль о высшей ценности человеческой жизни, на которую покушались злодеи-язычники, найдите своему негодование более достойный объект.

Например, аборт — за день в России, по данным Минздрава, гаснет тринадцать тысяч «высших ценностей», уничтоженных с согласия собственных «мам».

По сути — самое примитивное жертвоприношение: убей малыша, получи выгоду (экономии материальных средств, личного времени и пр.), только вот такого размаха ритуальное детоубийство никогда не достигало не то, что у славян, но даже у карфагенян или ацтеков, этих образцовых изуверов древности.

По подсчётам русского демографа В.А. Башлачева, аборт за XX век нанесли в два с половиной раза больший ущерб нашей нации, чем все войны! Это при том, что именно на русский народ пришлась основная тяжесть жертв в двух самых страшных, мировых войнах.

Современники принесения детских жизней в жертву идеалам комфорта и карьеры в промышленных масштабах не имеют ни малейшего права на чувство морального превосходства перед предками, изредка отправлявшими к Богам пленных (которых, впрочем, при современном оружии может и не быть), преступников (которых сейчас как раз лелеют и кормят до конца их дней) и добровольцев (каковых в наше шкурное время скорее всего не нашлось бы).

Вот что, более или менее точно, мы в основных чертах знаем о древнерусском язычестве. Но среди русов, самое раннее с IX века, упоминаются и христиане.

Православствующие публицисты любят утверждать, что-де о русском язычестве мы почти ничего достоверно не знаем. Надо, однако, отметить, что и начальная эпоха христианства на Руси не может не вызвать вопросов.

Начать с того, что едва ли не все самые главные слова и названия русского православия имеют

западное, романо-германское происхождение.

«Крест» — немецкое «крейц» от латинского «Кристос».

«Алтарь» от латинского «алтариа».

«Поп» — верхненемецкое «паппе» от латинского «папа».

«Пастырь» от «пастер».

«Церковь», по-древнерусски «церкы» — немецкое «кирка», от латинского «циркус»... и так далее, вплоть до «еретика» и «поганого».

До XX века полку под иконы в красном углу кое-где величали «тяблом», от отлично всем известного «табло, табула» — попросту доска.

Да что там, если сам народ, от которого русы приняли-де христианство, русы звали не его самоназванием «ромей», а обидной латинской кличкой «греки», «радовавшей» подданных Второго Рима не больше, чем гражданина современного Израиля порадует обращение «жид».

Православные знакомые ничего внятного мне по этому поводу объяснить не смогли, робко бормоча что-то про «единство церквей» до великой схизмы-раскола 1054 года, когда римский папа и константинопольский патриарх взаимно прокляли и отлучили друг дружку.

Ну и что? Византийская церковь также была «единой» с западной, что не мешало византийцам называть крест ставросом, алтарь — бомосом, попа — иереем, церковь — еклезией (или наосом), еретика — гетеродоксом⁹, а поганого — этникоем.

Византийская церковь не знала колокольного звона — этой «визитной карточки» православной Руси, зато его знал и знает католический Запад (вспомните только колокола собора Парижской Богоматери из романа Гюго). Точно так же дело обстоит с церковным пением.

Вплоть до начала XIII века русские князья спокойно роднились с западными правителями. Русские княжны выходили замуж за французов (знаменитая Анна Ярославна, привезшая в Париж будущие коронационные регалии французских государей — славянское евангелие, написанное глаголицей и саблю киевской работы, невесть с чего провозглашённую французами «мечом Карла Великого»), датчан, поляков.

В свой черёд русские князья (которых, напомним, на Западе называли «королями») венчались с западными принцессами — скажем, женой Владимира Мономаха была англичанка Гита, дочь последнего англосаксонского короля Британии.

Есть сообщения, что и в походах крестовых участвовали и даже городок Русь (Россия, Ругия, Руйя и т.д.) в Сирии основали.

Но, пожалуй, занимательней всего истовое

⁹ Впрочем, здесь в православной традиции сохранилась и калька с греческого «гетеродокс» — инославный, в противоположность православному — ортодоксу. Само же слово «православный» было калькой греческого «ортодокс», в свою очередь бывшего калькой с... иудейского «иехудим», как ни грустно это будет слышать иным «славящим Правь» неоязычникам.

почитание русскими православными мужичками праздника Николы Вешнего. Праздник сей русские люди иной раз, как отмечали встревоженные церковнослужители, чтили выше Пасхи, Воскресения Христова.

А учреждён он был во времена крестовых походов, когда несколько ушлых католиков умыкнули мощи угодника Николая из его родных Мир Ликийских в итальянский и, естественно, католический город Бари.

Столь же естественно, что византийская церковь этого праздника не отмечает. Что ж тут, в самом-то деле, отмечать?! Мощи угодника божьего украли! А русские простолюдины, как уже сказано, чтили дату этого преступного деяния зачастую выше главного православного праздника.

В русских былинах и духовных стихах угодника так иной раз и звали — Микола Барградский. Вот Мирликийским в русском фольклоре Николая, кажется, не называют.

Далее, в том же фольклоре был такой жанр «обмирания» — рассказы о благочестивых людях, почему-то чаще женщинах, которые в состоянии «обмирания», говоря языком современной медицины, клинической смерти, путешествовали душой по тому свету.

Так вот, эти обмирания зачастую описывают место, куда попадают люди, недостаточно нагрешившие для вечной гибели, но и не настолько праведные, чтоб попасть в рай. В этом образе легко опознать католическое Чистилище.

А как крестятся русские люди, замечали когда-нибудь? Понаблюдайте — и обнаружите, что большинство не дотягивают нижнюю часть креста ниже груди.

Получается перевёрнутый крест — символ отнюдь не сатаны, как полагают малограмотные подростки, насмотревшиеся американских ужасиков, но апостола Петра, считающегося (в католической традиции, разумеется) первым папой и основателем римско-католической церкви.

Западные хроники сообщают, что Ольга — помните, «Елена, королева ругов»? — посылала за проповедниками и епископом в Священную Римскую империю Германской нации, а византийский император Константин Рождённый в Пурпуре сообщал, что в момент прибытия в Константинополь Ольгу уже сопровождал её духовник, отец Григорий.

О крещении Ольги в Византии Константин молчит. Младший современник крещения Руси, Адемар Шабанский, сообщает, что Владимира и его людей крестил святой Бруно-Бонифаций Кверфуртский, а уж позднее «некоторый греческий епископ» ввёл у наших предков «обычай греческий».

Наконец, знаменитая Анна Ярославна, королева Франции, мало что вышла за католического владыку, но ещё и привезла на свою новую родину евангелие, написанное хорватской глаголицей.

Хорваты, как известно, католики, тем и отличаются от своих вроде бы братьев по культуре и языку сербов. Их угловатая глаголица резко отлича-

ется по начертанию от округлых глаголических букв болгар.

При всём этом, надо заметить — сохранилось немало свидетельств, что Русь приняла христианство всё-таки от греков.

Многие из этих свидетельств вполне непредвзяты: так, та же хроника, что говорит о просьбе Ольги прислать ей епископа и вероучителей с Запада, сообщает, что «королева ругов» была крещена в Константинополе.

Чего византийские источники, с величайшей помпой фиксировавшие крещение любой ватаги грозных «россов», отчего-то не заметили.

Соблазнительно, конечно представить такую картину — сперва крестили по западному обряду знать, а потом, после схизмы-раскола между западной и восточной церквями, знать и церковь приняли сторону Константинополя и окрестили простонародье на греческий лад (Адемар Шабанский примерно так события и излагает).

Только вот предания о чистилище, культ Николы Вешнего Барградского и манера креститься крестом святого Петра сохранились в самой что ни на есть простонародной среде.

И боюсь, учитывая всю сумму источников, ничего однозначного про крещение Руси сказать просто невозможно (поэтому авторы учебников и популярных книжек и выкидывают или, скажем деликатнее, стараются не обращать внимания на пласт информации, связанный с западным христианством на Руси — хотя усилие для этого нужно просто титаническое, у нас ведь даже названия месяцев латинские!).

Тем паче, что кроме западного, римского варианта христианства, в русском Средневековье «отметился» ещё один вариант этой религии, пусть и не так внушительно, как «латинство». Я говорю про, так называемую, ересь Ария.

Этот церковнослужитель III века утверждал, что Христос не единосущен богу-отцу, а всего лишь подобосущен, благо в греческом эти слова отличала одна буква — соответственно «омойусиос» и «омоу-сиос».

Ариане или омии, как их ещё называли, в своё время подчинили половину умирающей Римской империи, такие могучие варварские народы, как готы и вандалы.

Именно для борьбы с их учением враги готов, франкские короли, ввели в символ веры знаменитое «филиокве» (принцип равного исхождения духа святого и от бога-отца, и от бога-сына).

Если читатель не вполне понимает, о чём идёт речь, то ничем не могу ему помочь — я и сам не очень понимаю.

Могу только отметить, что арианство понималось и врагами, и, наверно, иными приверженцами, как уступка и языческому многобожию (троица разделялась, превращаясь в трёх по сути различных божеств), и языческому рационализму (не надо было ломать голову над логически необъяснимой нераздельностью и неслиянностью триединства).

С огромнейшим трудом церкви удалось побе-

дить эту ересь — но не уничтожить. И вот в летописи, в рассказе о крещении Владимира, христианский проповедник говорит русскому князю, что бог-отец — «старейший» в троице (арианский принцип!), что бог-сын **подобосущен** отцу своему (прямое арианство!) и «забывает» прибавить обязательный тезис о единосущное лиц Святой Троицы (специально против ариан сочинённый).

Ладно бы дело ограничивалось только этим, хотя и тут появление арианства (в символе веры! в рассказе о крещении страны!) удивляет.

Но как быть с тем, что уже в первые века после крещения у нас переведены сочинения византийца Василия Великого против арианина Евномия?

Тогда же переводят «Слова» против ариан их главного противника Афанасия. И отечественные мыслители — Феодосий Печерский, Кирилл Туровский — уже сами творят в антиарианском ключе.

Раз с арианством воевали, значит, оно было! Так же, как, скажем, присяжные атеисты 1970-1980-х воевали не с «новыми друидами» или уиккой, «религией ведьм», не проникавшими в Советский Союз, а с баптистами, иеговистами, кришнаитами — с сектами, существовавшими в нашей стране.

И тут поневоле вспоминаешь один из апокрифов русской истории — так называемое, «письмо Иоанна Смеры». Суть этого «письма» такова: Владимир отправил в Византию, как говорит и летопись, своих людей для того, чтоб получше ознакомиться с верой греков.

Однако, один из них, автор «письма», «половец» Иоанн Смера, сошёл с арианами и на Русь возвращаться отказался, а князю насулил множество неприятностей, буде тот примет византийский вариант христианства. Обычно это «письмо» считают подделкой белорусских протестантов XVI столетия.

Но в свете арианства летописного символа веры и антиарианских поучений древнерусских святителей становится любопытно, а не был ли первый невозвращенец Смера (Иоанном он, конечно, мог стать лишь после крещения) реальной личностью, а его письмо — реальным документом, в списках дошедшим до времён Реформации и использованным её приверженцами?

Учёных очень смущает национальность Смеры — половцы у русских границ появились через век без малого после крещения Руси.

Но ни эфиопы, ни шотландцы с Русью не граничили вообще, что не помешало Абраму Ганнибалу и Филиппу Лермонту оказаться на службе русских царей и стать предками великих русских поэтов. Впрочем, это лишь моё личное подозрение...

Так, в какую же веру крестил Русь Владимир? Кем были первые русские христиане?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. О первых веках христианства на Руси мы знаем так же мало, как и о русском язычестве.

Напоследок стоит заметить, что в летописях немало упоминаний, как тот или иной храм освящается века спустя после его создания.

Старейшина Союза славянских общин, Вадим

Станиславович Казаков, полагает, что многие из этих храмов первоначально были языческими святынями.

Такого, конечно, никак нельзя отрицать. Достаточно только вспомнить, что в Вильно, нынешнем Вильнюсе, литовские князья воздвигли каменный храм верховного Бога Литвы — Перкуна-Громовержца, который, правда, после крещения Литвы в XV веке, разрушили, заменив деревянным костёлом.

Но не менее вероятно, что эти храмы — по крайности, некоторые из них — были первоначально святынями инославных христиан — ариан-омиев или католиков, позднее присвоенных и вторично освящённых священниками византийской церкви.

Откуда же взялись на Руси ариане?

Из многочисленных гипотез исследователей о происхождении народа русов, наиболее обоснованной источниками и здравым смыслом представляется версия о тождестве их с ругами — народом с южных берегов Балтики, в III-IX веках основавшими на Среднем Дунае небольшое государство-княжество, которое германские соседи называли то Ругиландом, то Русарамаркой.

Сами руги, отметим, германцами не были, что чётко прописано в источниках. Впоследствии ругами упорно именовали в Европе киевских русов (напомню — «королева ругов Елена», она же киевская княгиня Ольга-Елена).

В свою очередь, славянское население прародины ругов, острова Рюген, в житии, скажем, Оттона Бамбергского именуется русинами.

Впрочем, я уже немало места посвятил этому вопросу в других книгах («Святослав», «Кавказский рубеж», «Времена русских богатырей»), ему, в основном, думаю посвятить следующую книгу (рабочее название — «Варяги: славянская Атлантида»).

Как и другому вопросу, смежному — о любимой нашей академической публикой «версии» про то, как не отмеченный ни в каких источниках (!) глагол «ротс», означавший-де в скандинавских языках не то «крутить», не то «грести», лёг-де в основу финского названия шведов, Руотси.

Подчёркиваю, именно глагол — не «страна гребцов»¹⁰, а «страна Грести»! Затем это слово финны передают славянам — совершенно неясно, каким образом.

Если, как в рассуждениях, создавших этот «последний писк» научной моды учёных XVIII века, полагать, что славяне шли к Ильменю и балтийским берегам с юга, то они должны были бы заимствовать это слово не у финнов, а у карел или эстонцев.

Но эстонцы называли «руот-си» не шведов, а... ливов. А карелы вообще... финнов. Так что, «русью», в таком случае, должны бы звать эстонцев или ливов — но их зовут чудью и ливью, никаких следов именованья их русью в поздних источниках

¹⁰ Тогда было бы не «ротс», а «ротскарлар» (гребные парни) или «ротсмадр» (гребные мужики); впрочем, эти производные столь же не ведомы никаким источником.

нет. Как, впрочем, нет таких следов и в отношении шведов.

Ну, а если, как это всё определённое выясняется в последнее время, ильменские славяне пришли к Ильменю не с юга, а с «Поморья Варяжского за Гданьском» (само слово Ильмень, скорее всего, перенесено на озеро у Новгорода с мекленбургской речки Ильменау), тогда всё окончательно запутывается — ибо эти-то славянские мореходы встретились с первым шведом у родных берегов за много вёрст от ближайшего финна.

Надобность заимствовать у «убогого чухонца» наименование для ближайших соседей он испытывал такую же, как, скажем, украинский крестьянин — в заимствовании удмуртского слова «бигер» для татар-крымчаков.

Кстати, про слово «бигер» — оно за последние несколько веков поменяло значение: сперва оно обозначало волжских болгар, потом перешло на татар, уничтоживших Волжскую Болгарию.

А, где гарантия, что финское слово «руотси» за девять столетий от времён Рюрика до его записи не поменяло значения? Да нет такой гарантии и быть не может!

Точно так же, как нет и быть не может быть вероятности, чтоб образование из шведской элиты и славянской массы взяло за самоназвание финское слово (а непосредственно из мифического «ротс» славянское «русь» не выведешь).

И вот эту чехарду невероятностей — неведомый глагол, повелительное наклонение которого стало-де основой для названия народа, записанного в XVIII веке, от которого произошло название народа, жившего в IX и не имевшего отношения ни к тому народу, из языка которого вышел (напрочь вышел, без остатка) неведомый глагол, ни к тем умникам, которые этот глагол сделали названием народа, — вот этот парад абсурда сейчас многие именуют наиболее серьёзной версией происхождения названия «Русь»!

Нет уж, читатель, увольте. Остатки уважения к себе — и к вам, впрочем, тоже — не позволят мне присоединиться к подобным развлечениям. Лучше обращу внимание на систематическое и постоянное отождествление ругов и русов в реальных документах.

Так вот, Ругиланд, он же Русарамарка, он же Дунайская Русь — сами себя, судя по всему, наши предки именно русами именовали, в «ругов» их превратил двойной «испорченный телефон» германцев и латинян.

VI век. В земле русов живёт и проповедует святой Северин. И в житии этого святого сообщается, что те немногие из «ругов»-русов, что приняли христианство, исповедуют арианскую ересь. Она в те века вообще была популярна, как я уже говорил, среди варваров, обитавших на границах рассыпающегося Рима.

Арианская версия христианства была понятнее и доступнее варварам, вчерашним язычникам. «У них есть большой Бог и маленький Бог», — возмущались противники арианства, не понимая, что это-то и облегчало варварам переход к арианству от

родных капищ.

Арианство не требовало стоящего за спиной у проповедника дружинника с топором. Да и церковной организации у арианства практически не было.

Ариане-омии даже епископов выбирали. Что делало выживание арианской общины в варварском мире и менее затратным, и менее заметным. Да и влиятельной жреческой касте не мозолили глаза конкуренты.

После Северина русские христиане надолго исчезают со страниц источников — как, впрочем, почти исчезают и сами русы.

После убийства их вождя Одоакра — того самого, что низложил последнего римского императора, Ромула Августула и окончательно «закрыл» Римскую империю, — готским вождём Теодорихом, дунайское княжество русов утратило независимость и силу, вскоре попав под власть аварских каганов.

Про войну Теодориха-Тидрека с русами помнила ещё семь веков спустя шведская «Тидрексага». А русская Первая Новгородская летопись в те же годы вспоминает про «злого поганого Дидрека».

В VII веке «народ рус» к северо-западу от докатившихся до Паннонии кочевников-аваров, по соседству с чешскими «амазонками» и лангобардскими «людьми-псами», упоминает сириец Захария Ритор.

А Тифлисская летопись и византиец Константин Манассия называют россами славянских воинов, что привёл под стены Восточного Рима аварский каган в 626 году.

В VIII веке упоминания про дунайских русов отсутствуют — во всяком случае, прямые упоминания. Зато, именно тогда легендарный англосаксонский певец Видсид, сравнимый с Орфеем или Бояном, впервые называет правителя их северных сородичей, «островных ругов», каганом — титул скорее всего занесённый на берега Балтийского моря беженцами от аварского владычества¹¹.

Но беглецы с Дуная могли нести не только новый титул, но и новую веру. И уже в середине следующего века, в 842 году, арабский таможенник, перс Ибн Хордадбег, сообщает, что «русские купцы, племя славян», приходившие, очевидно, в халифат по Волге «из отдалённых областей земли славян», на землях Повелителя правоверных «выдают себя за христиан».

Разумеется, выгода в этом была, с христиан (а также иудеев, зороастрийцев и сабиев) правители мусульман просто собирали особый налог, джизью. В то время как язычники были совершенно бесправным «человеческим материалом».

¹¹ Впоследствии этот титул будут носить правитель русов, отправивший в 853 году послов в Константинополь, в конце того же столетия — верховный правитель русов, предводителем которых в походе на Царьград был Аскольд (Дир или Рюрик), затем правитель русов в середине X века По ибн Русте (возможно, Игорь Старый), в конце X века — Владимир Креститель, затем — его внук Святослав Ярославич и, возможно, сын последнего, Олег Святославич, известный также по прозвищу Гориславич в «Слове о полку Игореве».

Но именно поэтому крайне сомнительно, чтобы язычникам с края света удалось убедительно разыграть христиан перед бдительным налоговым ведомством халифата.

А сомнения Ибн Хордадбега следует всецело отнести за счёт его профессии — да и некоторой необычности исповедуемого русскими купцами христианства.

Возможно, речь именно об арианах. Но уж во всяком случае не о шведах. Те ещё двести лет спустя будут приносить быков и людей в жертву асам Упсалы, а основной аудиторией проповедников в их краях будут оставаться рабы из христианской Европы.

Впрочем, ещё до Ибн Хордадбега житие Стефана Сурожского сообщает, как город Сурож на месте современного Судака взял приступом «князь русов Бравлин из Новгорода».

Якобы в главном городском соборе Сурожа, где лежали мощи заглавного героя жития, князя разбил припадок — и одновременно посетил видение, после которого он немедленно приказал соратникам вернуть награбленное в церквях Сурожа добро и крестился сам.

В этой истории, честно говоря, много непонятного — что за русы, из какого Новгорода? Новгород на Ильмене тогда вряд ли существовал, да и был... далековато. Новгород-Северский?

Или автор жития просто перевёл название Неаполя — Нового города — Скифского, что на средневековых картах Крыма красуется возле нынешнего Симферополя, в примечательном соседстве с заливом Россофар (буквально — залив русов) и озером Варанголимен (Варяжское озеро)?

Однако, не на ровном же месте возник этот рассказ?! А происходило его действие в самом конце VIII века.

В «Житии Кирилла», как мы помним, говорится о Псалтыре и Евангелии «Русскими письмены», что видел будущий святой в Корсуни. По мнению одних исследователей, это было в 858 году, по другим — и вовсе в 840-м.

Во всяком случае где-то около истории с русскими купцами Ибн Хордадбега. Как видим, свидетельства о христианстве у русов прибывают.

Тут — сообщение о «выдающих себя за христиан» купцах, там — рассказ о крещении князя, и, наконец, в качестве заключительного аккорда — записанные русскими письменами богослужебные книги христиан.

Про обращение грозных «россов» сообщает в связи с осадой их флотом Константинополя патриарх Фотий. По позднейшей легенде, патриарх опустил в морскую воду священный покров Богородицы, поднялась буря, перетопила «безбожную русь», а уцелевшие в ужасе приняли крещение.

Но это именно житийная легенда — сам Шотий именно тому и дивится, что корабли северных язычников уходили от Царьграда при тихой и спокойной погоде.

А его современник, церковный — и, стало быть, не заинтересованный в сокрытии чуда и воз-

величии язычников — писатель Иоанн Диакон сообщает: русы «предавшись буйному грабительству предместий и нещадно избив очень многих, с добычей отступили восвояси».

Здесь вообще не идёт речи о бегстве — налетели, взяли добычу, ушли.

Но, как ни странно, многие отечественные писатели — в том числе покойный Рапов, учёный, казалось бы, вполне патриотически настроенный, — пренебрегают этим сообщением современника, предпочитая ему позднейшие байки про бурю, разметающую-де русский флот.

Однако, о крещении какой-то группы руси Фотий говорит вполне определённо. Очень может быть, что Аскольд, командовавший осадившим Константинополь флотом, был из семьи, обращённой в христианство (арианское? Или он был потомком крещённого Северином православного¹²?) ещё на Дунае.

Фотий, обнаружив в нём христианина, вполне мог использовать этот факт для заключения с русами мира. До того скорее всего Аскольд воспринимал своё христианство, как семейный, родовой обычай.

Также было с индийскими христианами, образовавшими особые касты и таким образом вписавшимися в индийское общество, не тревожа его древней культуры. Примерно также дело обстояло с христианами японскими до реформ Мэйдзи.

Сообщение же о том, что у его семьи есть единоверцы, да ещё — правящие огромной державой Восточного Рима и самим Царём городов, могло потрясти Аскольда и произвести в душе соратника князя-Сокола гибельный для него переворот.

Затем Константин Рождённый в Пурпуре общается о крещении «россов» следующим за Шотием патриархом, Игнатием.

Учреждается даже «митрополия Россика» — вероятно, для крещёных русов Крыма, известных со времён Бравлина и святого Кирилла, но возможно, что уже и для киевских — в 944 году, во время переговоров с греками, в договоре упомянут соборную (!) церковь Святого Ильи на киевском Подоле, а в дружине великого князя киевского Игоря — немалое количество христиан.

Дальше начинается крайне запутанная история — на следующий же год после заключения этого договора Игорь зачем-то отправляется в Деревскую землю.

Затем в Киев возвращается часть дружины, заявив, что князь с «малой дружиной» — самыми близкими людьми — отправился собирать ещё одну — третью по счёту? — дань с древлян.

Мол, дружинникам (наверняка тем, что остались-де с князем) показалось, что они «наги» — это после огромной дани, взятой с ромеев! А их великий князь, извольте ли видеть, отпустил...

Через несколько дней из Деревской земли приезжают послы, их казнят, а киевлянам сообщают — великий князь убит древлянами.

Вскоре прибывает ещё одно посольство, совершенно не ожидающее ловушки, — это только что убив великого князя и ничего не зная о судьбе исчезнувших, словно в воздухе растворившихся предшественников?!

Гибнут и они. Ольга же с войском отправляется в Деревскую землю, где её встречают... праздничным пиром. Ольга, дождавшись, пока древляне упьются, начинает резню.

Когда из Новгорода приезжает Святослав с воспитателем Асмундом, отношения с древлянами уже благополучно доведены до той степени накала, когда никто и не помышляет искать истины, обе стороны думают лишь о мести.

При таких странных обстоятельствах заканчивает жизнь великий князь Игорь Сын Сокола, прозванный Старым, после гибели множества своих воинов при первом походе на греков подкрепивший дружины крещёными варягами — уж не они ли вернулись в Киев с, мягко говоря, странным рассказом?!

А сменяет его на престоле супруга, Ольга. Та самая, которой предстоит стать первой русской святой, будущая христианка... Будущая?

Русская летопись и западные «Хроники продолжателя Регинона» единодушно твердят, что крестилась Ольга в Константинополе, только с именем крестившего её кесаря никак не определяются.

Да вот только тот, к кому и впрямь ездила Ольга, Константин Рождённый в Пурпуре, Багрянородный, писал, что приехала Ольга к нему в 958 году со своим священником.

Кто и зачем скрывал, что Ольга крестилась ещё на Руси?! И почему предания полешуков, современного населения тех краев, где убили Игоря, где тысячами резала ничего не подозревавших древлян будущая святая, утверждают, что «Игора» или «Ригора» в их краях убила его жена Ольга¹³?

А если вспомнить, что незадолго до того воины князя Игоря объявились и попытались закрепиться в области Закавказья, богатой нефтью — основным компонентом супероружия Восточного Рима, «греческого огня», которым незадолго до того ромеи спалили русский флот¹⁴...

Змей «христианской премудрости» впервые показал пригревшим его на груди простодушным язычникам-русам зубки.

В 967 году снова встречается упоминание о «русских священниках», которые служат мессе «на славянском языке». На сей раз в булле римского папы Иоанна чешскому князю Болеславу.

Очевидно, появление «русских священников» в этих краях — или остаток Дунайской Руси, или результат смещения христианки Ольги ярым языч-

¹² Напоминаю читателю — в шестом веке православная, кафолическая церковь ещё не разделилась на греко-кафолическую, которую мы сейчас и называем собственно православной, и римско-католическую.

¹³ Вся эта детективная история подробно рассказана в моей книге «Святослав».

¹⁴ Подробнее об этом смотри мою книгу «Кавказский рубеж».

ником Святославом в 962 году.

Стоит хотя бы мимоходом отметить такой аспект: все сообщения о крещёных жителях Восточной Европы в VIII-XI веках говорят именно о крещении руси, как народа (и то, не всей — волхвы, поднимавшие большие города, а то и целые волости против княжеской власти и христианской веры, определённо относятся к тем самым «пользующимся величайшим почётом знахарям» русов, о которых писал ибн Русте).

Что до «славян», то сельская округа городов, как раз место проживания отличных от варяжской руси славянских народов, как нам ещё предстоит убедиться, оставалась языческой ещё долго после 988 года.

Так что в X-XI веках русское христианство так и остаётся этнической религией варягороссов. Все первые упоминания о крещении — про «россов», «аррус», русь.

Плюс собственно варяги — «мнози бо варязи христиане» в договоре 944 года с Восточной Римской империей, варяги-христиане в Киеве в 983 году, варяги Шимон-Рюрик и его брат Шрианд, сыновья Аф-рикана, основатели и «спонсоры»-покровители первого русского монастыря — Киево-Печерской лавры.

И при этом — ну совершенно ни следа скандинавского присутствия в раннем русском христианстве. Отчего бы это?

И священники русские в эпоху, когда о крещёных славянах в Восточной Европе — ни слуху ни духу, служат наднациональному богу на славянском языке. Отчего бы это?

Но, оставим в стороне вопросы происхождения варягов и русов. Вернёмся к русским христианам до крещения Руси.

Про отношения с крещёными земляками — в том числе своим братом Глебом — великого князя Киевского Святослава, сына великого князя Игоря и Ольги, подробно рассказывается в моей книге, посвящённой этому величайшему деятелю русского Средневековья.

Предположения Л.Н. Гумилёва о роли киевских христиан в гибели русского великого правителя на Днепровских порогах весьма серьёзно обоснованы, и скорее всего, именно их винили в гибели князя и киевляне.

Во всяком случае, когда сын Святослава от рабыни-хазарки Малки — Ольгиной ключницы — Владимир, подошёл к стольному граду, многие киевляне не поддержали законного правителя именно на основании покровительства, которое Ярополк оказывал христианской общине (именно к этому времени относятся сообщения Кведлинбургских анналов, что послы «короля русов» принимали участие в праздновании Пасхи в Германии — следовательно, были христианами).

Такая сильная неприязнь к чужакам для веротерпимых язычников не очень свойственна. И вынуждает предположить, что к христианам в Киеве стали — после нескольких десятилетий более или менее спокойного отношения — относиться, как к

врагам. А на это, в свою очередь, должна была быть веская причина.

Получается весьма занимательная картина. К 988 году христианство среди русов насчитывает не менее века — если не четыре столетия со времён дунайских ругов-ариан и святого Северина.

На древности русского христианства обыкновенно настаивают его сторонники, вроде протоиерея Стефана Ляшевского, чья книга «История христианства в земле Русской с I (! — Л.П.) по XI век» не так давно переиздана у нас.

Наоборот, его критики — например, Игорь Яковлевич Фроянов в работе «Начало христианства на Руси» — пытаются отказать в доверии даже убедительным свидетельствам о крещении Бравлина или русов Аскольда и Дира.

И ни те, ни другие словно бы не замечают, что древность русского христианства говорит не за христианство, но против него. Не против древней религии русов, а в её пользу.

Если после столь длительного соседства христианство остаётся религией кучки маргиналов, если решившему обратиться всех русов в веру Христа правителю приходится — как об этом будет подробно рассказано в следующей главе — развязать кровавую гражданскую войну, дабы навязать своим подданным новую веру.

Если, как мы увидим, и век, и два спустя в крупнейших городах Руси будет всё же проживать немало язычников, не желающих примириться с чужой религией, если главным аргументом проповедников любви и милосердия на Руси будут огонь и меч княжских дружин, пронесённый на переговоры под полой топор, камнётные машины под стенами непокорного Муромы, значит христианам было попросту нечего противопоставить жрецам древней Веры в честном споре на равных.

Значит, не приходится и говорить о «примитивном» язычестве, за которое держались по невежеству, пока не знали христианства, не приходится и говорить, что язычество было, темнотой, уничтоженной одним проникновением на Русь «света истинной веры».

Не приходится рассуждать о некоей «природной» склонности русов к православию.

Напоследок, в заключение этой вводной главы — краткий, даже не портрет — набросок, очерк облика и первой половины жизненного пути того, кто, собственно, и привёл на Русь новую веру — не просто терпел её приверженцев, как его предки или относился с доброжелательным интересом — как убитый им брат, даже не просто принял сам эту веру, как бабка.

Он был первым христианским правителем страны, начавшим обращать всю страну в иноземную веру и с него эта черед не прерывалась.

И право же, читатель, не моя вина, что облик этот и этот жизненный путь имеет так мало общего с ясноглазым рыжебородым витязем из свежего мультфильма, говорящим голосом бандита Сашки Белого из фильма «Бригада» (точнее, конечно, актёра Сергея Безрукова).

Даже невероятная география этого мультика — в котором от Руси до Византии (находившейся, если кто не знает, там, где сейчас — Турция) плыть всего-то три дня, новгородцы всерьёз опасаются нападения на их город печенегов из южноукраинских степей, византийские купцы, прежде, чем попасть в Киев, приплывают в деревеньку, стоящую на пути из Новгорода в Киев.

На ту же деревеньку нападают печенеги, византийский император заявляет, что Русь — щит Византии (напоминаю, находившейся на месте нынешней Турции) от печенегов (совр. Южная Украина)¹⁵ — даже вся эта фантазмагория, способная не хуже той злополучной карты из романа «Золотой телёнок» довести какого-нибудь несчастного географа до сумасшедшего дома, имеет больше общего с реальностью, чем нарисованный в том же фильме благостный образ простоватого, но отважного князя.

Для начала — несколько слов о происхождении. Отец будущего крестителя Руси более или менее известен — великий князь Святослав Игоревич. Любопытнее фигура его матери.

До сих пор ещё мелькает на страницах популярных изданий и многими принимается на веру романтическая версия, высказанная ещё в XIX веке Д. Прозоровским.

В семидесятых-восьмидесятых годах следующего, XX столетия для её популярности немало постарался киевский краевед Анатолий Маркович Членов.

Речь о том, что мать Владимира якобы приходится дочерью древлянскому князю Малу. Оснований для этой теории, в общем-то, почти никаких, и серьёзные учёные её не рассматривают.

Только лишь некоторое созвучие между именем мятежного древлянского князя и настоящим отцом Малки и Добрыни, неким «Мальком Любечанином».

На этом основании с помощью притянутых, мягко говоря, за уши «данных» русских былин Анатолий Маркович сочинил целую «древлянскую теорию», точнее, драматический роман о борьбе отважных древлян с варяжско-норманскими оккупантами.

К первым русским князьям, создателям державы, Рюрику, Олегу и Игорю, Членов относился с какой-то воистину биологической ненавистью.

Святослава изображал недалёким солдафоном, марионеткой в руках «варяжских интервентов», проливающим кровь русских воинов в ненужных-де Руси походах на культурных ромеев и доб-

рых хазар, защищавших-де Русь от... арабов.

Как говорил сородич Анатолия Марковича, замечательный советский киноартист Владимир Абрамович Этуш в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», — «Закусывать надо!».

Вообще-то последний крупный поход арабов полководца Буги-старшего в направлении будущей Руси состоялся ещё до «призвания варягов» и сорвался не из-за доблести наёмников хазарского кагана, а оттого, что сыны жарких аравийских пустынь испугались зимних холодов... на Северном Кавказе, в Осетии.

До Руси это воинство попросту не дошло бы — перемерзло бы насмерть где-нибудь в районе Кубани или Северского Донца.

Когда в финале своего труда «По следам Добрыни» Анатолий Маркович заставляет своих героев, Владимира и его дядьку по матери, взять «за образец государственного устройства Руси», ни много ни мало, двенадцать колен Израилевых («библейская федерация 12 свободолюбивых племён, вырвавшихся из-под ига фараона и ведомых могучей рукой Саваофа»), уже не знаешь, смеяться или плакать.

Православных патриотов, цепляющихся за «древлянскую теорию» происхождения равноапостольного князя, можно поздравить с таким иудеологом.

Ни малейших намёков на древлянское происхождение Малки и её брата в летописи нет. Когда Святослав распределяет княжения в землях Руси и речь заходит о Древлянской, про Владимира никто и не вспоминает — а ведь это, казалось бы, естественнее всего, раз уж они сами древляне.

В Древлянскую землю отправляют княжить Олега Святославича. Нет и намёка на то, чтобы Мал — или его наследник — остались в живых после побоища 946 года.

И чего ради Ольга стала бы держать при дворе детей своего злейшего врага, детей того, кто считался убийцей её мужа? Виновники, свидетели, соучастники — Мал с семейством не были нужны Ольге ни в каком из этих качеств.

Более того, даже этимологического родства между именами Мала Древлянского и Малька-Любечанина, как выясняется, нет. Передаю слово Алексею Карпову, автору биографии Владимира, вышедшей в 1997 году в серии «Жизнь замечательных людей»:

«Имена Мал и Мальк — разного происхождения. Если в имени Мал без труда виден славянский корень, то основа имени Мальк, вероятно, иная. В семитских языках (арабском, древнееврейском) слово “Malik” (“малик”) означает “царь”, “правитель”».

Карпов предполагает хазарское происхождение Малки и её брата. Собственно, это предположение выдвинули ещё в 1970-х годах гебраист Валерий Емельянов (ныне, к сожалению, покойный) и А. Добровольский (известный также, как Доброслав).

Карпов, увы, не то не счёл необходимым сослаться на первооткрывателей, не то и впрямь ниче-

¹⁵ А вот тут всё же должен сделать замечание не только географического плана — надеюсь, читатель уже достал карту Древней Руси X века, хотя бы из школьного учебника или атласа? — но и исторического. Начиная с VI века, времени своего первого столкновения со славянами, и до самой своей гибели, Восточная Римская империя, она же Византия, как раз с завидным упорством натравливала кочевые племена на наших предков. Не были исключением и печенеги, о чём прямо сказано в трудах византийского императора Константина VII Рождённого в Пурпуре («Об управлении империей»).

го о них не слышал, что тоже вполне допустимо — исследования обоих авторов игнорировались в «академической среде», запуганной жупелом «анти-семитизма»¹⁶.

В любом случае, с радостью исправляю это, сознательное или нет, упущение исследователя. Единственное, в чем не могу с ним согласиться — так это в предположении, будто Мальк мог быть «хазарским беком», наместником в городе Любече.

Я весьма скромного мнения о пресловутом «государственном гении» святой Ольги — и уже высказывал всё, что я думаю по этому поводу, в книгах «Святослав» и «Кавказский рубеж», но всё же, мне трудно допустить, чтоб даже при ней, спустя полстолетия после Олега Вещего, в русских городах вновь появились хазарские наместники!

А вот с утверждением Карпова — «славянское имя сына Малька Добрыни в этом случае не должно смущать» я как раз охотно и целиком соглашусь.

Ещё в «Киевском письме», документе из деловой переписки, которую еврейская община Киева не то в X, не то в IX веке вела с единоверцами из далёкого Каира, появляются имена вроде Иегуды Северяты и Гостяты Кабиарта бен Коген (сочетание, кстати, фантазмагорическое — имя славянское, прозвище тюркское, а фамилия обозначает принадлежность к касте потомков жрецов-когеним Иерусалимского храма, которая не смешивалась не то что с гоями-инородцами, но даже и с другими евреями).

Так что, как видим, Владимир Гусинские, Вадимы Рабиновичи и Борисы Березовские, появились отнюдь не вчера.

Так что, Владимир Святославич — не просто сын рабыни. Он сын хазарки, судя по иудейскому имени — из господствующего клана так называемых «белых хазар», до похода Святослава Игоревича жиревших на торговых пошлинах и продаже двуногого товара (преимущественно славянского), на налогах и поставленном на государственную основу фальшивомонетничестве, благоденствовавших в тени и роскоши «элитных кондоминиумов» в крепостях из белого камня.

Их номинальные «соплеменники», так называемые «чёрные хазары», не допускались в эти, охраняемые иноземными наёмниками с Кавказа и Средней Азии, островки безопасности и сытости даже в качестве стражи.

Об их уровне жизни можно судить по тому, что, как сообщают арабские путешественники, на рынках Хазарии можно было встретить матерей, торгующих собственными детьми¹⁷.

¹⁶ Рискаю сам быть сопричтён к зловещим «анти-семитам», коих так любят ловить под кроватями правозащитники», замечу, что происхождение А.М. Членова, столь старательно напускавшего «древлянские» туманы на происхождение Крестителя, в этом контексте делается, скажем так, подозрительным.

¹⁷ Подробное описание того, что представлял из себя Хазарский каганат и в каких отношениях находился со славянами и русами, приведено в моей книге «Святослав».

Ничего не напоминает, читатель?

Ольга, фавориткой (по-древнерусски «милостницей») которой была ушлая рабыня, видимо, неплохо представляла возможную реакцию своего молодого сына на появление у него отпрыска от матери из этого племени, и от греха отправила Малку с ребёнком подальше от княжьих глаз, в своё сельцо Будутино.

Так что, на момент распределения престолов в своих владениях Святослав, собственно, и не помнил, что у него есть такой сын.

Да и не вспомнил бы, если бы разгневанные новгородцы, не вытребовавшие себе князя и не сумевшие прозвести на Святослава впечатления угрозами вновь, как при Рюрике, призвать себе государя со стороны (желающего самовольно усесться в землях победителя исполинской Хазарии и достойного противника Восточной Римской империи им пришлось бы долго искать), не столкнулись с его дядькой Добрыней.

Кстати, вопреки многим исследователям, этот Добрыня ровно ничего, кроме имени, общего с былинным богатырём, победителем лютой Змеихи, не имел. Как и его племянник не имел ничего, кроме имени, общего с Владимиром Всеславичем Красно Солнышко из былинного Киева на Дунае¹⁸.

Именно Добрыня и посоветовал новгородцам просить себе Владимира. Святослав с полным равнодушием согласился.

В следующий раз мы встречаемся с Владимиром в 975-979 годах, во время его войны со своим старшим братом и государем, Ярополком Святославичем.

Напомню читателю официальную, летописную версию этой войны.

Некий Лют, сын Свенельда, воеводы Ярополка, до того служившего Святославу, Ольге и Игорю, охотился в Древлянской земле. Там он повстречался с младшим братом Ярополка Олегом, который, списав его, кто он такой, убил его.

Тут, кстати, вовсе не обязательно предполагать за Свенельдом некую вину, за которую Олег мог убить его сына — в былинах богатыри тоже стараются выспросить имя у уже повергнутого противника, готовясь его убить.

Он стал у поленичищи выспрашивать:

«Да и скажи-ко, поленица, проповедай-ко,
Ты коей земли, да ты коей литвы?
Ещё как-то поленичку именем зовут,
Удалую звеличают по отчеству?»

(«Королевичи из Кракова»)

«Уж коего ты города, какой земли?

Да чьего ты отца да родной матушки?»

(«Бой Добрыни с Ильёй Муромцем»)

Тут и стал старой выспрашивать:

¹⁸ Подробно об этом см. мою книгу «Времена русских богатырей».

«Да какой ты удалый добрый молодец?»

(«Застава богатырская»)

Здесь можно видеть, как опасение ненароком убить кого-то из ближайших родичей (которых оторвавшийся от дома дружинник мог и не знать в лицо), к чему языческая мораль была чрезвычайно строга, так и опасение мести со стороны духа убитого, обезопаситься от которого можно было тем надёжнее, зная его имя.

В тех же былинах как раз даже побеждённые враги не спешат сообщать своё имя победителю — уж не из опасения ли угодить в окончательную, по смертную зависимость от него?

Причиной же собственно убийства могло послужить элементарное нарушение охотничьих владений, оскорбительное для князя.

Разъярённый Свенельд требует от Ярополка войны с Олегом, тот начинает её, разбитое в столкновении с киевскими дружинами древлянское войско бежит в Овруч, ставший столицей земли взамен сожжённого Ольгой Искоростеня, Олег гибнет, падая с моста в ров.

Его тело с трудом отыскивают воины брата под горами трупов. Потрясённый Ярополк в слезах бросает Свенельду: «Этого ты хотел?»

После этого Свенельд исчезает со страниц летописей — впрочем, ничего удивительного — старый полководец служил уже третьему поколению потомков Сокола-Рюрика и даже по нашим меркам был уже в более чем почтенном возрасте.

Узнав про гибель Олега, Владимир бежит за море, к варягам. Никаких сообщений о пребывании в своих землях отлично известного им «Вальдамара Старого из Гардов» скандинавские источники не сохранили, что не мешает норманнистам рассказывать нам с уверенностью очевидцев, как Владимир вербовал войска в... Швеции.

На самом деле речь, конечно, идёт о «Поморье Варяжском в Кашубах за Гданьском», по выражению русской летописи — на южном побережье Балтики, где все источники и упоминают варягов, верингов, варангов.

В те времена как раз на «Поморье Варяжском» правили христианские оккупанты из-за Лабы. В их приёмах насаждения «евангельской вести любви и милосердия» на землях варяжских предков Святослава будущие крестители могли почерпнуть немало полезного для себя.

И, как в любой земле в мутное время иноземного засилья, наверняка было немало народу, готового идти за кем и куда угодно — лишь бы отсюда. То есть, готовых дружинников для беглого князя.

Затем последовало возвращение. Водворившись в Новгороде, недавний беженец тут же посватался к уже просватанной за его брата-противника полоцкой княжне Рогнеде. Её отцом был правивший в Полоцке Рогволод, «пришедший из-за моря».

Наши норманнисты не были бы норманнистами, если бы тут же не «поняли» всё «правильно» и не объявили беднягу Рогволода с дочерью, которых ни одна летопись даже варягами не называет,

«конунгом Рагнвальдом» и его дочь «Рагнхейд».

На самом деле имя Рогволода насквозь славянское, такое же встречается у чехов (Rohvlad) и поляков (Ругволод).

Имя же его дочери, в летописи воспроизводимое, как «Рогънеда», состоит из славянского корня «Рог», очевидно, родового для полоцких правителей, и женского имени Неда, по сей день бытующего у сербов и болгар¹⁹ народов, в норманнских контактах не замеченных.

Ещё яснее происхождение полоцкой династии делается из ответа Рогнеды на сватовство Владимира: «Не хочу разуть робичича (сына рабыни. — Л.П.), а хочу за Ярополка».

Разували жениха невесты у славян; у скандинавов и германцев, наоборот, именно жених разувал невесту.

Невзирая на всё это, наши и зарубежные норманнисты наперебой выдают перлы о «призвании (?! — Л.П.) полочанами князя из Скандинавии» или даже о том, что «в Полоцке издревле (?! — Л.П.) правила норвежская (?! — Л.П.) династия».

Злополучное упоминание о приходе князя Рогволода «из-за моря», столь губительно повлиявшее на некрепкие умы иных учёных, может быть как обычным фольклорным штампом, так и говорить о его (Рогволода) временном — как у самого Владимира — пребывании за морем (последнее наиболее вероятно в свете упоминания о «волоости», то есть, законном владении Рогволода в Полоцке).

Наконец, не стоит забывать и о страшном жупеле наших норманнистов — цивилизации балтийских славян, мореходов, купцов и морских разбойников.

Уязвлённый «в лучших чувствах» напоминанием о своём происхождении и месте, Владимир напал на Полоцк, захватил его (очевидно, в отличие от отца, робичич не затруднял себя объявлением войны) и, изнасиловав на глазах у отца и братьев полоцкую княжну, тут же убил своих свёкра и шуриев.

После этой первой победы началось триумфальное шествие к Киеву, первые стычки с войсками великого князя, благополучные для хазарского полукровка, но, очевидно, не вполне — Добрыня всё же счёл необходимым подстраховаться и вступил от имени племянника в тайные переговоры с новым воеводой Ярополка с выразительным именем Блуд.

Владимир обещал киевскому полководцу за предательство государя отеческие почести и многие дары. В результате Владимир вскоре подошёл к Киеву.

А Блуд, недавно уверявший Ярополка, что тот вот-вот небольшими силами разгромит презираемого собственными воинами за низкое происхождение брата, теперь нашёптывал князю, что киевляне за его спиной сговариваются с Владимиром (и даже не

¹⁹ В некоторых летописях есть вариант этого имени «Ярогнеда», и вовсе снимающий любые подозрения в норманнстве.

врал ведь, иуда, вот только конкретное имя сговаривавшегося с врагом киевлянина, понятно, не назвал) и вот-вот откроют ворота.

Моральный дух в киевском войске после чреды поражений и впрямь был не на высоте, а Ярополк ещё и недолюбливали из-за доверия, оказываемого христианам. Поверивший предателю Ярополк, покинул свою столицу с небольшой дружиной, оставив Мать городов русских полухазарину.

Печальная ирония судьбы — пренебрегавший воинственными Богами пращуров, мирволивший христианам Ярополк нашёл убежище в древнем культовом центре полянской земли — городе Родень в устье Роси, капище Бога Богов восточных славян — Рода.

К сожалению, причину своих несчастий доверчивый и мягкосердечный государь захватил с собою. Теперь Блуд, преобразившись из недавнего пламенного «ястреба» в «голубя мира», стал склонять великого князя к тому, к чему тот и сам, собственно, стремился всей душой — к миру с братом.

Напрасно здравомыслящий и верный дружинник Варяжко отговаривал государя от этого решения, предлагая бежать к печенегам.

Послушав Блуда, великий князь Киевский и государь Руси Ярополк Святославич вступил в переговоры с братом, получил заверения в собственной безопасности, отправился на личную встречу и... был поднят на мечи в сених терема варяжскими дружинниками Владимира.

На несколько веков это братоубийство вошло на Руси в поговорку: «Беда, как в Родне — брат брата убил».

Добрыня вполне мог просветить племянничка по поводу обычаев народа своей сестры и его матери, согласно которым родство могло считаться только по материнской линии.

Рождённые от другой матери, Ярополк и Олег не были для будущего «святого» не то, что братьями — даже и людьми-то, собственно, не являлись. Акумы-язычники, животные, которым господь Абрахама, Ицхака и Яакова, дабы не оскорблять взоров своих избранников, придал человеческое обличье...

История сама по себе не слишком приглядная (и, естественно, до неузнаваемости искажаемая апологетами и панегиристами «святого» князя, начиная с романа А.Ш. Вельтмана и заканчивая недавним мультфильмом).

Но, более того, есть основания считать, что это не вся правда о войне братьев, а её приукрашенный вариант.

Археолог и историк А.Л. Никитин обращает внимание на пересказ истории Рогнеды в летописной статье 1128 года. Там, вне жизнеописания равноапостольного князя, он избежал зорких глаз церковных цензоров и сохранил некоторые поразительные подробности тех кровавых событий.

Так вот, в этом пересказе о «сватовстве» Владимира к полоцкой княжне и последовавшей за ним трагедии рассказывается вне всякой связи с предыдущим бегством «в варяги», гибелью Олега и про-

чим.

Там говорится, что посватался за Рогнеду Владимир ещё сидя в Новгороде, «детску сущю». Между тем, в 968 году, когда Владимира взяли на княжение новгородцы, ему просто не могло быть меньше 4-5 лет.

По официальной версии событий, история с Рогнедой происходит спустя двенадцать лет, и Владимир в этом возрасте никак не ребёнок, а скорее отрок. Основным действующим лицом и вдохновителем Владимира тут предстаёт Добрыня, его «уй» — дядя по матери.

Именно он «повеле» Владимиру изнасиловать пленную княжну на глазах у родичей. И Андрей Леонидович приходит к выводу, что первоначально в летописи причиной распри между братьями было именно сватовство Владимира к Рогнеде и захват Полоцка.

И уже потом, чтобы хоть как-то обелить будущего «святого», монахи-летописцы попросту перенесли этот рассказ в разгар войны между сыновьями Святослава.

Действительно, это многое объясняло бы. Потому что мне, честно говоря, трудновато иначе понять испуг Владимира и бегство его за море в официальной версии происшедшего.

Уже знакомый нам биограф Владимира Алексей Карпов в недоумении разводит руками: «Бегство Владимира кажется необъяснимым. Чего испугался он? Ведь Ярополк, насколько нам известно, не успел предпринять никаких шагов, враждебных новгородскому князю».

То есть, Владимир и в будущем не явит, говоря милосердно, примеров потрясающей храбрости. Но подобное паническое бегство выглядит даже для него чем-то неестественным.

Непонятно и поведение Добрыни — ведь, проявляя беспричинную трусость, его племянник навсегда ронял себя в глазах возможных воинов и союзников.

Вспомним, что в русском эпосе Алёша Попович, который «не силой силён, а напущиком смел», входит в первую тройку героев, а калика Иванич, которого не кто иной, как Илья Муромец признаёт втрое сильнее себя, но который при этом несмел, презрительно поименован «дураком».

У поведения Владимира должна была быть какая-то вменяемая причина!

Да даже если бы и предпринимал государь Ярополк враждебные шаги — смею напомнить, что в подсылке наёмных убийц такие шаги стали выражаться много позднее, уже при сыновьях Владимира, когда «Русь озарилась светом христианской веры».

Языческая же Русь времён сыновей Святослава под такими шагами могла подразумевать, разве что, двинувшееся на Новгород войско во главе с князем.

Ну, не мог — не Владимир, так Добрыня! — не знать, что Ярополк нерешителен и потрясён смертью брата, что бывалый прежний воевода Свенельд вышел из доверия государя — если не ушел

из жизни.

Печенежская конница Ярополка в болотах и лесах Новгородчины оказалась бы совершенно беспомощна (вспомним, что до Новгорода не дотянулись даже конные армады Батыея). А уж новгородцы-то накрепко бы встали за своего, ими выпрошенного у Святослава князя.

Они, спустя десятилетия, даже Ярослава Хромого, которого тогда никто не звал Мудрым, не бросят в войне с Киевом, несмотря на то, что тот буквально накануне устроил их лучшим мужам резню! В чём дело?!

А версия Никитина очень хорошо объясняет все события этой войны. После истории с несчастной Рогнедой, у Владимира были все основания опасаться мести брата и государя, чью невесту он изнасиловал.

Новгородцы, в свой черёд, отойдя от «праведного» гнева — ведь их князя «робичичем» обозвали! и возразить, что самое обидное, нечего, — могли к насилию над княжной и убийству её родни отнестись весьма неоднозначно.

Вот и пришлось пересидеть за морем реакцию подданных, пока посадники-наместники Ярополчи их не доведут до вывода, что лучше уж какой-никакой, да свой князь. А за это время и история с Олегом могла приключиться, на радость Добрыне Хазарину и его воспитаннику.

Ваше дело, читатель, соглашаться с версией Никитина или нет. Лично мне она кажется вполне убедительной, но и в официальной версии Владимир, как вы уже, надеюсь, убедились, далёк от того сусального образа, коим потчуют нас авторы панегирических книжек — или разрекламированного «шедевра» отечественной мультипликации.

Ни простоты, ни отваги. И «злое язычество» тут ни при чём. Ни про изнасилование невест на глазах родителей, ни про братоубийство промеж язычниками-русью сочинённая монахами (!) летопись что-то не говорит.

Про то, как Владимир старался откупиться от Богов постройкой роскошного капища, я уже рассказывал в другой своей книге²⁰ и повторяться здесь не буду.

Скажу сейчас одно — утверждения о какой-то «религиозной реформе» Владимира, о какой-то попытке внести якобы порядок в «хаос» религии предков, есть целиком и полностью домысел историков.

Владимир возвёл святилище очень древнему, возможно, индоевропейскому культу Пяти Богов, следы которого сохранились и у галлов, и в Индии.

Кроме того, Владимир «отблагодарил» варяжскую дружину, принёсшую ему победу, отказавшись наградить её за одержанную победу, и отправив, после месяца лживых обещаний, в Константинополь.

Попутно в Царь Городов ушло письмо Владимира, советовавшее самодержцу Восточного Рима не держать посланных возле себя, а раскидать их

по окраинным гарнизонам — «не то сотворят тебе зло — такое же, как и здесь».

Какое, любопытно, зло сотворили варяги Владимиру — добыли ему престол?

Впрочем, иных варягов Владимир оставил при себе и даже раздал им грады в кормление. Можно предполагать, что оставшиеся на Руси варяги были как раз не самыми рьяными сторонниками древних Богов — раз уж монах-летописец величает их «мужами добрыми и смыслеными».

Не из них ли был варяг-христианин Фёдор с сыном Иоанном, через несколько лет попавшие под жеребёвку жертв Перуну?

Дальнейшее описание деяний Владимира тёплых красок в его образ не добавляет. Пять жён (из которых одна²¹ — беременная супруга убитого им брата), восемьсот (!) наложниц. Ежегодные нападения на соседние народы. Вятичи, радимичи, ятвяги.

Что характерно, все — либо славяне, либо предельно близкие славянам балты, поклонявшиеся практически тем же божествам — Диву-Диевсу, Перуну-Перкуну, Велесу-Велсу, Ладе.

Я не в силах избавиться от впечатления, что Владимир (или Добрыня) тогда уже приучал своих бойцов видеть врагов в воинах, взывающих к Перуну, рубить заслоняющихся деревянными чурами стариков, за косы оттаскивать от алтарей кричащих девушек.

В 985 году Владимир нападает на волжских болгар. Народ, кстати, тоже с изрядной славянской примесью. Ибн Фадлан, лично посетивший их страну, попросту называет их «саклаба» — славянами.

Описанные им обычаи земледельческого народа, любящего купаться в реках и париться в банях, платящего дань правителю шкурками пушных зверьков и приветствующего его, снимая шапки, тоже не очень похожи на тюркские.

Ал-Ауфи называет титул правителя булгар — «владавац». Вам, читатель, ничего знакомого в этом слове не слышится?

Ибн Димешки ещё в XIV веке, повстречав группу волжских булгар, отправлявшихся в хадж — паломничество к мусульманским святыням (в результате чего окончательно становится ясно, что речь именно о волжских болгарях, мусульманах, а не дунайских, православных христианах), поинтересовался, что они за народ, и услышал в ответ, что булгары — смесь «саклаба» (славян) и тюрок.

Некоторые названия городов волжских булгар тоже звучат по-славянски — Жукотин, Басов, Изболь, Очель, Брягимов, Тухчин.

Всё это ещё в XIX веке вызвало у многих историков (в том числе и такого почтенного специалиста, как Д. Иловайский) подозрения, что волжские булгары были народом, по крайней мере, отчасти славянским.

В конце XX века археологи обнаружили, что возникновению Волжской Булгарии предшествова-

²⁰ См. «Тайны киевского Пятибожия».

²¹ А возможно, и не одна — неясно, был ли старший сын Рогнеды Изяслав сыном Владимира или первого жениха княжны.

ло долгое существование на её землях культуры земледельцев, пришедших с берегов Днепра, так называемых именьковцев, которых большинство исследователей-археологов считает славянами.

По-видимому, кочевники болгары ещё на Дону сроднились со славянскими племенами антов²² и разбитые хазарами, предпочли откочевать в края, заселённые сородичами давних союзников и соседей — на Дунай и в земли расселения именьковцев.

Но нам сейчас интересно не происхождение волжских болгар, а поведение Владимира и его воспитателя во время этой войны.

После первых же стычек Добрыня подходит к Владимиру и заявляет: «Посмотрел я пленных, все в сапогах, эти дани платить не будут. Пойдём, поищем лапотников». Владимир соглашается — и заключает мир с болгарями.

Его отец снёс с лица земли разбухшую от поща покорённых и крови непокорившихся вампирью тушу Хазарского каганата, провёл границу Русской земли по Волге, в одну осень взял восемьдесят болгарских городов на Дунае и нагнал такого ужаса на столицу Восточного Рима, какого не удавалось никому ни до, ни после него.

Его дед был первым из полководцев земледельческих народов Европы, нанёсшим поражение кочевникам в их родной степи, покори́вшим Руси буйные печенежские племена, при нём Дон назывался Русской рекой, а Чёрное море — «Русским, потому что никто, кроме русов, не смеет плавать по нему» (Ибн Русте), он не устрасился «напалма Средневековья» — византийского «греческого огня» и едва не вырвал его секрет у Восточного Рима, отправив экспедицию в нефтеносный Бердаа (за что, по всей видимости, и был убит наёмниками Византии).

Воспитатель деда, Вещий Олег, вымел хазар из Приднепровья за Дон и прибил щит на воротах Восточного Рима, столицы мировой державы, мегаполиса раннего Средневековья.

А их наследник выбирает врага небезопаснее, ищет в противники безответных «лапотников».

Что тут ещё скажешь? Ведь ещё до сих пор многие, даже люди, называющие себя язычниками (родноверами, ведистами и так далее), всерьёз уверены, что Владимир по крайней мере и впрямь был смелым полководцем.

На самом деле по поводу его отваги никто из современников не питал никаких иллюзий — в исландской «Саге о Бьорне» креститель Руси выведен трусоватым «конунгом», который сам говорит про себя, что «не привык к поединкам».

Проклятие, даже в Исландии было известно, что этот человек — трус! И, судя по летописи, отлично известно это было и восточным соседям Руси, печенегам — впрочем, мы опережаем события.

Пока же, напоследок, отметим то обстоятель-

²² О чём, в частности, свидетельствуют очень рано, ещё до перехода через Дунай, появляющиеся в болгарском именослове бесспорно славянские имена, вроде Телец, Безмер, Гостун, Кормисош. В антский именослов, напротив, рано попадает тюркское имя Идар.

ство, что, поклявшись булгарам в «вечном мире», «доколе камень тонет, а хмель плавёт», Владимир потом несколько раз напал на прикамское государство.

Собственное слово для этого человека не значило ничего — впрочем, чего ещё ждать от лживо заманившего в смертельную ловушку родного брата?

Время конца X века было особым временем во многих отношениях. Христиане ожидали скорого конца «ветхого» мира, второго пришествия Христа, Страшного суда в тысячном году.

Ожидание это, однако, как мы уже говорили в предисловии, не было и вполнину настолько тревожным, как то, что охватило Европу и Русь пять веков спустя.

Грань между грехом и добродетелью, погибелью и спасением лежала для христиан, современников языческих государств, не внутри людских душ. Она казалась вполне очевидна — это была граница между христианством и язычеством.

Христианские проповедники практически за век до тысячного года использовали надвигающийся Страшный суд в качестве основного аргумента — а язычники видели в христианстве слишком много похожего на мифы о Рагнарекке — гибели Богов.

Язычникам Северной Европы христианская церковь, называвшая себя кораблём, а своих служителей — умершими для мира, живыми мертвецами, напоминала адский корабль мёртвых с восточных земель, Нагльфар.

Сам Христос, спускавшийся в ад, сравнивал себя с медным змием Моисея — «женовидного» лживого красавца Локи, распятого в аду-Хель за преступления другими Богами, которому предстоит вырваться и возглавить войско мертвецов и демонов, поднявшееся против Богов, отца чудовищного Змея-Иормунганда, в схватке с которым погибнет Громовержец Тор.

На эти чувства и ощущения накладывались и обстоятельства вполне земные — воинская знать языческих народов, особенно — правители, всё более тяготилась непререкаемостью древних обычаев, освящённых волею Родных Богов, хранимых Их жрецами.

Особенно это касалось правителей не слишком высокого происхождения, таких, как князь Мечислав, Мешко, потомок пахаря Пяста, крестивший Польшу лет за двадцать до описываемых событий²³.

Что уж говорить про сына хазарской рабыни — для него, живого воплощения нарушения норм языческого кастового общества, сына женщины из враждебного племени, братоубийцы, старая Вера была особенно непереносима, низвергнуть её было особенно важно.

Благо самые рьяные приверженцы древних Богов пали в походах Святослава, в междоусобице Святославичей — а себя Владимир окружил выход-

²³ Любопытная параллель — династия Маурьев в Индии, отвергшая Богов Вед и на тысячу лет (!) сделавшая государственной религией Индии буддизм, происходила от... шудры!

цами с крестимого немцами Поморья Варяжского, да дружинниками, натасканными на славянские святыни в вечных походах на сородичей.

Перед окончательным решением Владимир, согласно летописи, то приглашал к себе представителей разных конфессий, то отправлял посольства в страны, уже давно живущие по той или иной религии (вспомним загадочного Смеру).

Шаг, кстати, вполне разумный — как давно ни существовали бы в Киеве христианская, мусульманская и еврейская общины, а беседа со знающими проповедниками и знакомство с жизнью стран, где представляемые ими религии всеильны, были очень полезны.

Характерно, что без приглашения к Владимиру явились иудейские учителя-рабби.

Если они надеялись на родство по матери с правителем Руси, то горько просчитались — сменить авторитет всеильных жрецов на авторитет всезнающих рабби, жёсткие рамки племенных обычаев на ничуть не менее суровые предписания Талмуда (по сути, в общем-то, другой племенной религии) было последним, о чём мог мечтать молодой сын рабыни.

Очень возможно, что для повзрослевшего племянника религия сородичей дяди ассоциировалась с его опекой, от которой Владимир скорее всего уже начинал уставать.

Владимир в очередной раз показал, что на всякого мудреца довольно простоты — не дав рабби возможности блеснуть глубинами иудейской философии, он попросту «срезал» их незамысловатым вопросом: «Где земля ваша?»

Крыть, что называется, было нечем — древнее Иудейское царство почти тысячу лет лежало в руинах, а Хазарская империя была на памяти вопрошавшего и вопрошаемых сметена отцом Владимира.

Не нужны были Владимиру и западные христиане с их сильной церковной организацией, сильно напоминавшей жреческую касту. Да и повышенное внимание западного общества к родовитости сына рабыни могло отпугнуть.

Тут потомок рабыни-хазарки вспомнил о своих варяжских предках по отцу, насмерть рубившихся с римскими христианами на Лабе: «Отцы наши не приняли этого».

Мусульмане не подходили из-за осложнявших жизнь запретов на свинину и вино: «Руси есть веселые пити, не можем без того быти».

Оставалась, собственно, одна вера — византийское христианство, столь привлекавшее дорвавшегося до власти сына рабыни своей покладистой готовностью сносить любые измышательства светской власти, благословлять любую её затею.

Чего стоил пример одного только императора Михаила, правившего за век до крещения Руси, но многим в империи запомнившегося надолго.

Тот шатался по улице в компании пьяных прихлебателей, которым роздал шутовские церковные чины, вырядил в ризы священнослужителей и слонялся с ними по столице, распевая похабные па-

родии на богослужебные песнопения.

Святотатец не пощадил и родной матери, сделав её участницей гнусного розыгрыша, заставив слабую глазами старуху «исповедоваться» наряженному патриархом собутыльнику сына, Гриллу.

«Исповедь» закончилась тем, что Грилл, развернувшись к простёршейся ниц, испрашивая благословения, престарелой государыне, громко испустил ветры. Оба подонка от души веселились.

Церковь, сносившая от правителей такое (добавим, что официальным титулованием правителей Восточного Рима было «агиос деспоте» — «святой государь»), была для Владимира попросту находкой.

Да и с родовитостью никаких проблем тут не возникло — правившие в Константинополе императоры были потомками крестьянина Василия, лет за сто до описываемых событий явившегося в Город царей, нанявшегося в конюхи и в поразительно короткие сроки ставшего приближённым государя (того самого «шутника» Михаила). После чего убил своего государя и благодетеля и воссел на его престол.

Его сын Лев VI Философ (современник нашего Вещего Олега), очевидно, высмеивая взгляды варваров или античных язычников на родовитость, замечал, что, мол, только те, кто сами ничего не стоят, могут интересоваться родословными и ссылаться на них.

И он был не одинок в подобных суждениях — в Византии можно было повстречать патриарха-хазарина, императора-армянина, патриция из печенегов и даже придворного-негра.

А смешанная кровь даже приветствовалась — в теории из распространённого уже тогда заблуждения о якобы особой одарённости полукровок, на практике же из простого соображения, что полукровка, не связанный верностью никакому народу, всегда будет удобным орудием правителя-деспота.

Можно представить, насколько такие «перодовые» воззрения влекли нашего «робичича».

Но он не просто принял христианскую веру — он ещё и вытребовал себе у византийских императоров Василия и Константина их сестру Анну. Попутно он осадил мятежный Херсонес — древний город неподалёку от современного Севастополя.

И взял его — с помощью предательства одного из горожан, по одним источникам, варяга Ждиберна (не иначе из тех отправленных им к императорам Константинополя, и озлобленного на нового нанимателя, заслывшего его из столичной роскоши в крымскую глухомань — о «сопроводительном письме» от Владимира варягам, естественно, не сообщили).

По другим, предателем был местный священник (!) Анастас.

В любом случае, из летописей вырисовывается впечатление, что крепости Владимир брал исключительно с помощью измены. По-другому не умел.

После захвата Херсонеса переговоры с властями Восточного Рима пошли на лад и сошлись

на следующем: новому «архонту россов» выдаётся невеста с приданым, а он, в свою очередь, обращается в христианскую веру и отправляет на помощь борющимся с очередным мятежом императорам русские дружины...

Я был там. Возможно, виною всему моё воображение — но мне казалось, над брусчаткой Андреевского спуска в Киеве, тогда, больше тысячи лет назад, носившего имя Боричева взвоза, ещё стоит незримое пламя и шумная толпа, толкущаяся у лотков с сувенирами, инстинктивно держится подальше от середины свободной от машин улицы — улицы, которой проволокли в Днепр изваяние Бога Олега, Игоря и Святослава, Бога Русских побед.

Здесь тащили Его вслед за конскими хвостами, здесь грохотали по дубовому телу двенадцать палок в руках двенадцати мужей. Мёртвый каганат мстил Богу своих победителей руками полукровки.

Люди плакали. А когда днепровские воды приняла и понесли прочь от Матери Русских Городов её супруга и покровителя, толпа ещё долго бежала по берегу с отчаянными криками: «Выдыбай, Боже!»

Кумир, словно услышав, пристал к берегу — там сейчас Выдубичи. Теперь это район Киева и странно слышать это древнее имя в вагоне ки-

евского метро — эхо давней трагедии.

Кумир вновь и вновь выкидывало на берег — словно Днепр Славутич отказывался принимать участие в святотатстве, словно Русская земля не желала отпускать своего исконного, извечного Защитника.

Княжеские дружинники теснили толпу, скидывали изваяние Громовержца обратно в Днепр и проводили Его до Днепровских порогов, словно желая убедиться, что грозовой дух, вдохновлявший походы князей-язычников, покинул Русь.

И вскоре, по воле вероотступника, объявившего своим личным врагом всякого, кто не придёт на реку креститься, киевлян погнали к водам Днепра — на крещение.

Вы наверняка слышали, читатель, а то и сами употребляли Выражение: «Что ты кричишь, как оглашённый?» Вот только, многие ли знают, что оглашённым в православии называют ведомых на крещение?

Сам Киев кричал в те дни. Кричал, как оглашённый, оплакивая своих Богов, оплакивая умирающую эпоху языческой Руси.

Начинались другие времена, нелёгкие для тех, кто желал остаться верным предкам и их Богам.

Глава 2. Столетняя гражданская (X-XI вв.)

«Огнём и мечом». Свидетельствуют летописи. Свидетельствует археология. Свидетельствует византийский топарх. Свидетельствуют народные предания. Участь богоотступника. За что «окажали» Святополка? Всеслав Чародей. «Мятежи волхвов» — правда и клевета. Муромские святогоны. Последствия: два предания об отроках. «Земли неизвестные». Восемь веков, отнятые у империи. Странное «уважение» единоверцев. Постскриптум Аль Марвази

*Небо твоё, Небо моё —
Кровью залить и поделить...
Небо твоё, Небо моё,
А под ногами плачет земля.*

Никола Емелин. «Хватит стрелять!»

*...Пока монах один, чернее сажки,
О всепрощеньи что-то бормоча,
Не всыпал яд в языческую чашу...
Отведал Русь — и стаял, как свеча.*

*Его связали кушаками туго,
Перунов крест сорвали со шнура,
И меч — грозу ублюдочного юга —
Ублюдок сбросил с берега Днепра.*

*Змея-монах, стращая божьей карой,
Траву усыпал фосфором луны,
И, обезглавив дерзкие драккары,
Их превратил в смиренные челны.*

*Стелился дым, удушливый и рваный...
Нерусской плотью пахнувшая мразь,
Напялив латы с солнцами и львами,
В палатах села, Русью нареклась.*

А. Широпаев. «Пленник»

Сейчас о долгом и кровавом пути новой веры по Русской земле вспоминать не модно. Сейчас в моде другие авторы — кто возносит Владимира за великую мудрость, из-за которой принятие христианства не сопровождалось-де «социальными потрясениями», ознаменовавшими принятие христианства в Польше, Венгрии, Скандинавии.

Кто утверждает, что уже время сына крестителя, Ярослава, было «временем очевидного расцвета христианства» на Руси.

Тем, кто осмеливается вспоминать про «огонь и меч» киевских дружин, суровые бородатые (и не очень) публицисты пеняют за «клевету на церковь», за «повторение задов советского агитпропа» и так далее.

Я не называю ничьих фамилий, интересующийся темой читатель сам назовёт не одну и не две, да и не в фамилиях дело, право слово, не в отдельных личностях — в настроении, в моде, в «атмосфере», как говаривал Г.К. Честертон.

Между тем, задолго до октябрьского переворота писали о насильственном характере крещения и не какие-нибудь воинствующие безбожники или профессиональные революционеры, а церковные историки, зачастую сами из числа архипастырей.

«Не все, принявшие тогда у нас святую веру, приняли ее по любви, некоторые — только по страху к повелевшему» (архиепископ Макарий, «История русской церкви», СПб., 1868, С. 27).

«Не желавших креститься было весьма много в Киеве, так и вообще по всей Руси.(...) Всякое правдоподобие (блаженные времена, когда исследование считалось не с «линией партии» или «историографической традицией», но с правдоподобием] — Л.П.) требует предположить, что было некоторое, а может быть, и немалое количество таких, которые остались глухи к проповеди и в глазах которых князь и бояре были отступниками от святоотеческой веры.

Одни из таких людей могли быть заставлены повиноваться угрозами или даже прямо силой, а другие, вероятно, не были заставляемы никакими средствами или искали спасения в бегстве, или сделались, так сказать, языческими мучениками» (Е.Е. Голубинский, «История русской церкви», т. 1, ч. 1. М., 1901. С. 168-169).

Но ярче всего сказал об этом автор статьи «Политическая и общественная деятельность высших представителей русской церкви (X-XV вв.)» в церковном журнале «Звонарь», № 8, 1907 года:

«Язычество было ещё сильно, оно не отжило ещё своего времени у нас на Руси, оно сопротивлялось введению христианства; поэтому правительство принимает насильственные меры в деле распространения христианства, прибегает к огню и мечу с целью внедрения евангельского учения в сердца язычников. И служители Христовы не вооружаются против таких средств, напротив, они их оправдывают и на трупах воздвигают крест Христов».

Не знаю, так ли плохо, что имя автора статьи осталось неизвестным. В противном случае, не ми-

новать бы ему нынче обвинений в «клевете», «атеистической пропаганде», а может быть, и «жидама-сонстве».

Мы видим, что сторонники «мирного» крещения Руси неправы, по крайней мере, в одном — «огонь и меч» — не выдумка советских безбожников, не социальный заказ атеистического государства.

Скорее уж в советские и последующие времена церковные авторы старательно затушёвывали в истории своей церкви всё, мешавшее созданию выгодного образа «кроткой невинной страдальницы», а не иллюстрации к русской пословице «чем аукнется...». Или, если угодно, евангельской истине: «какою мерою мерите, таковой и вам отмерено будет».

Источники, однако, говорят не в их пользу. Даже в Киеве, по словам младшего современника крестителя Илариона (митрополита, кажется, трудно заподозрить в симпатии к язычеству), «аще кто не любовью, но страхом повелевшего крещася, понеже бе благоверие его со властью сопряжено».

За пределами стольного града события разворачивались несколько по-иному. После крещения, по свидетельству летописи, «весьма умножились разбои».

И «разбои» эти были таковы, что к Владимиру с требованием введения смертной казни обратились отчего-то не бояре, не дружина, не «градские старцы», а епископы. Владимир отвечал с издевательским смирением: «Боюсь греха».

Во всяком случае, лично мне трудно усмотреть в этом ответе что-либо кроме злой насмешки — не мог современник не знать, как мало «боятся греха» душегубства «святые государи» богоспасаемой Византии.

Чего стоил один только шурина Владимира, в честь которого тот принял крестное имя Василий, император Василий II, вошедший в историю под звучным прозвищем Болгаробойцы.

Он устроил посреди града святого равноапостольного Константина на ипподроме кровавую потеху столичной черни, казнив в честь триумфа над единоверцами-болгарами 48 тысяч пленных.

Он, во время похода на Грузию, объявил награду за грузинские головы и складывал жуткие трофеи, в неисчислимом множестве натащенные наёмниками, в пирамиды по сторонам дороги, которой шло по православной стране православное воинство, на полтысячи лет предвосхитив азиата Тимура.

Кто-то может сказать — мол, на войне, как на войне. Придётся обратиться к семейным обычаям свояков крестителя.

Сам Василий пришёл к власти, отравив в сговоре со своим тёзкой, главой придворных евнухов, своего отчима Иоанна Цимисхия. Вслед за Иоанном юный государь отправил чересчур ушлого скопца — на всякий случай.

Впрочем, и сам Иоанн мало походил на невинно убиенного праведника — к власти он пришёл, зарезав в дворцовой спальне предыдущего от-

чима Василия, своего двоюродного брата Никифора Фоку.

Когда Иоанна помазывали на царство, окочевшее тело его невезучего родича валялось на заднем дворе, в грязи и снегу.

В убийстве Фоки приняла посильное участие матушка Василия, Феофано, имевшая в таких делах некоторый опыт — незадолго до того она расчистила трон для самого Фоки, отравив отца Василия, Романа II — муж, пристрастившийся с подачи дружков к противостественным порокам, стал пренебрегать ласками пылкой жёнушки.

Впрочем, был ли он отцом Василия, дело тёмное — императрица, извлечённая когда-то будущим мужем из портового кабака, в строгой нравственности современниками замечена не была, а Василий вырос совершенно не похожим не только на Романа — на византийца вообще.

Современники описывали белокурого атлета с ледяным взором синих глаз, с буйным, необузданным нравом. Поневоле вспоминается, что месяцев за девять до рождения Василия в Константинополе побывала русская княгиня Ольга с многочисленной, в том числе мужской, свитой.

Тогда ещё был жив дед Василия, знаменитый Константин Багрянородный, вскоре отравленный собственным сыном и снохой...

«Боюсь греха»?!

Вся эта кровавая «Санта-Барбара» была прилежно и без особых эвфемизмов описана придворным летописцем Львом Диаконом. Более того, в соседней Болгарии она стала основой для первого болгарского бестселлера «Повесть о злой жене» (в виду имелась, разумеется, матушка Василия).

Так что, не зная о родниковой чистоте и свежести источника «истинной» веры, от которого причастился, Владимир, надо думать, просто не мог.

Не будучи отважным воителем или талантливым полководцем, он, тем не менее, был неглуп, жесток и решителен, его войска приняли участие в подавлении мятежа Варды Фоки в Византийской империи, так что, никаких иллюзий по поводу места «христианской кротости» в управлении государством у крестителя Руси тоже не могло быть.

И иди речь о «просто разбойниках», Владимир не стал бы дожидаться вмешательства епископов. Упоминание о них показывает, что «разбои», «весьма умножившиеся» после крещения, задевали прежде всего интересы церкви.

Я, мягко говоря, не сторонник распространявшейся в последнее время моды на охоту за «цитатами» из библии в «Повести временных лет» и других памятниках русского Средневековья.

Но просто невозможно не заметить, что повествование о крещении Руси ими действительно перенасыщено. Зачастую цитируется «Книга книг» более чем рискованно — так, про поругание кумира Перуна, который протащили, колотя палками, по Боричеву взвозу и бросили в Днепр, сказано: «Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем».

А ведь это слова Евангелия, и не о ком-то, а о

Христе, которого вели по улицам Иерусалима, колотя палками, римские legionеры. Параллель, согласитесь, не совсем благочестивая.

Так вот, в Евангелии от Иоанна сказано — «все, сколько их ни приходило передо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их» (Ин. 10:8).

Разбойники — это те, кто был «перед» Христом, прежние учителя и наставники, прежние духовные отцы, которых не должно слушать «овцам» Христовым.

В одном из средневековых поучений против язычества языческие Боги — Троян, Хоре, Перун — как раз и определены, как «не добрые люди суть, но разбойницы».

Вот, какие «разбои» умножились после крещения Руси. Вот, кого призывали пытаться и казнить кроткие служители милосердного Христа — тех, кто не желал отречься от отчих Богов, тех, кто словом или с оружием в руках защищал Веру пращуров.

Много веков спустя «Слово о посте великом» перечисляет «пагубные, господом ненавидимые и святыми проклятые» вещи: «разбой, чародейство, волхование, наузоношение (ношение языческих оберегов), кощун (мифов) бесовских пение и плясание (ритуальные пляски)».

Именно так, кстати, сообщение летописи принимал выдающийся русский историк С.М. Соловьёв: «Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдалённые леса и жить за счёт враждебного им общества».

Ну, с последним заключением Сергей Михайлович погорячился — из-за собственной убеждённости в «убогости и бесцветности» русского язычества, его неспособности противостоять христианству (в то время, впрочем, модной).

Мы с вами ещё увидим, читатель, что язычники отнюдь не таились в «отдалённых лесах» от «враждебного им общества» — ещё век спустя после «крещения» не какие-то простые «язычники», а волхвы объявлялись в крупных городах.

«Общество» же никакой «враждебностью» к ним не пылало и либо с интересом внимало им (Киев), либо и вовсе охотно шло за ними (Новгород и Верхнее Поволжье).

Кстати, снова отметим — о сопротивлении крещению и насильственным мерах введения новой веры говорит отнюдь не советский присяжный атеист, а солидный дореволюционный историк православной Российской империи.

Епископы, само собой, княжеской иронии предпочли не расслышать и отвечали вполне серьёзно: «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на милость. Подобаает тебе казнить разбойников и пытаться».

Владимир, как свидетельствует летопись, внял наставлению епископов. Вот, что пишет о крещении русских земель Игорь Яковлевич Шрянов:

«Распространение христианства за пределами Киевской земли прослеживается по историческим источникам фрагментарно и с большим трудом. Особенно скупы на рассказы о крещении подчинённых Киеву земель летописцы. Их молчание понятно: летописатели — люди, как правило, духовного звания, старались не говорить о тёмных сторонах христианизации Руси, а светлых было мало».

Можно заметить, что о второй, после крещения, половине правления Владимира мы вообще знаем очень мало. Летописи почему-то молчат и убедительнее всего это молчание объясняют приведённые только что слова И.Я. Фроянова.

Однако кое-что всё же дошло до нас — в очень поздних списках, но дошло. Речь прежде всего о летописи, известной, как Иоакимовская. Она сохранилась только в пересказе В.Н. Татищева.

Согласно этой летописи, «уговаривать» креститься новгородцев прибыл дядя крестителя Руси, наш старый знакомец Добрыня Хазарин (кроме имени, повторяю, ничего общего с былинным витязем не имевший) и некий Путята. С ними прибыл и епископ Иоаким Корсунянин.

Вместе с крестителями — для пушей убедительности словес о «мире и любви» — прибыло немалое войско из киевской дружины и ростовчан. Последних в особой ревности к христианской вере заподозрить нелегко.

Позже мы увидим, сколь упорны будут жители Ростова Великого в отрицании новой религии. Дело тут в другом — Ростов в конце X века был колонией Новгорода, пригородом, как тогда это называли.

Боюсь, что Добрыня Хазарин едва ли не впервые в истории Руси сыграл на пресловутой тяге к свободе — лучшим орудии поработителей.

Новгородцы на вече клялись не пускать крестителей в город. Разметали Великий мост через Волхов, отрезав сторону с городским детинцем, позднее нареченную Софийской, от плохо укрепленного Славенского конца, над которым нависала княжеская крепость Рюриково городище, сразу же распахнувшая ворота князю войску.

К остаткам моста подкатили две метательные машины — «пороки», как их тогда называли на Руси. Добрыня увещевал и грозил карами, но для новгородцев, видно, слово верховного жреца словен, Богомила Соловья, воспрещавшего им покоряться, звучало громче голоса дядьки князя-отступника.

На захваченной пришельцами стороне Новгорода крестили несколько сот человек (выше летописец со средневековым простодушием поясняет, как именно крестили: «людие невернии вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху»).

Тысяцкий (выборный глава земского ополчения) Угоняй ездил по улицам оставшейся свободной части Новгорода, крича: «Лучше нам помереть, чем отдать Богов наших на поругание!»

Сквозь века звучит голос свободного русского человека, славянина, предпочитающего честную смерть бесчестию отступничества.

Дом Добрыни разметали, двор разграбили — короче, поступили с его жильём так, как спустя века в Новгороде поступали с домами изменников. Плохо пришлось и его супруге, и некоторым (надо заметить, что не всем) родственникам.

В ответ воевода Путята с отборной полутысячей ростовчан ночью переправился украдкой на другой берег выше по течению и вошёл в город. Ни речью, ни обликом ростовчане — потомки новгородских колонистов — не отличались от местных жителей.

Возможно, «муж смысленный» Путята выдал своих воинов за подкрепление, подошедшее к сторонникам древней Веры. Во всяком случае они беспрепятственно дошли до двора Угоняя, где, схватив его вместе с другими «передними мужами», послали сигнал Добрыне.

Около пяти тысяч новгородцев пыталось освободить своих вождей. Путята во дворе Угоняя держал оборону.

К сожалению, многие новгородцы переключились на более безобидные объекты для «борьбы за Веру», принявшись громить дома христиан и разметав по брёвнышку церковь Преображения на Розваже. Сжечь, конечно, было бы проще — но пожар в деревянном городе был страшен всем.

Добрыня это прекрасно понимал и, переправившись по знаку Путяты через Волхов, первым делом приказал подпалить стоявшие у берега дома, после чего ударил на горожан, осаждавших Путяту, с тыла.

Обезглавленные, рассредоточенные, напуганные разгорающимся пожаром горожане оказались стиснуты между полутысячей отборных бойцов Путяты и полчищами Добрыни Хазарина. Кстати, вряд ли и численное преимущество горожан было так велико, как изображает летописец победитель.

Новгородцы запросили мира. Добрыня, собрав своих воинов, уже начавших грабить захваченный город, приступил к уничтожению идолов. Над скорбевшими почитателями оскверняемых святынь Хазарин смеялся: «Что, безумцы, жалеете тех, кто сам себя оборонить не может? Какой пользы от них ждете?»

Такие «методы ведения полемики» русский публицист наших дней Алексей Широпаев заслуженно назовёт хамскими и проведёт прямую аналогию с кошунствами комсомольцев 1920-х, «опровергавших» существование Христа, сжигая иконы и оскверняя храмы.

«Какою мерою вы мерите...»

«Доказав» таким комсомольским способом «ложность» русских Богов, Хазарин потребовал крещения новгородцев. Не желавших гнали и волюкли его воины.

«Оттого люди поносят новгородцев: Путята крестил мечом, а Добрыня — огнём», — удовлетворённо заключает летописец.

Так отблагодарил сын хазарки город, сделавший его князем, людей, что своей кровью проложили для него дорогу к престолу.

За два с лишним века изучения Иоакимовской летописи пришлось претерпеть немало обвинений в «недостоверности», даже «подделке» — уже и автора ей «нашли», хотя решительно никто не мог объяснить, кто и зачем в XVIII столетии стал бы сочинять истории о расправах христиан и сторонников древних Богов, строки, пышущие ненавистью к язычнику Святославу и, наконец, описывать кровавое крещение Руси. Кому и зачем подобное могло бы понадобиться?

В XX веке точку в споре о достоверности данных Иоакимовской летописи поставила наука археология.

Она подтвердила не только нигде, кроме опальной летописи, не встречающиеся сведения о разрушении церквей в Киеве во второй половине X века, во времена Святослава (обломки разрушенной церкви обнаружены в фундаменте возведённого Владимиром капища), но и рассказ о крещении Новгорода «огнём и мечом».

После этого, уж не знаю, как вы, читатель, а я лично отношу упрямых скептиков, продолжающих твердить о «подделке XVIII века», к тому же разряду, что и «общество сторонников плоской Земли», по слухам, существующее где-то в Америке.

Советский археолог и историк Валентин Лаврентьевич Янин обнаружил в ходе раскопок у перекрёстков улиц Хлопской и Козмодемьянской с Великой улицей Неревского конца следы страшного пожара, бушевавшего в Новгороде в 989-990 годах.

Только в раскопе площадь пожарища превышала девять тысяч квадратных метров.

Конечно, пожары в городах Северной Европы того времени не были редкостью — даже Париж и Лондон, едва ли не до времён Крестовых походов оставшиеся в основном деревянными, нередко выгорали дотла, и ограничились открытие Валентина Лаврентьевича только этим, скептики имели бы полное право рассуждать о «совпадении».

И даже то, что под остатками сгоревших домов обнаружили два клада серебряных монет, за которыми некому оказалось вернуться, тоже ни о чём особенном не говорило. Вот только в одном из этих кладов был найден... медный крестик.

Хозяин усадьбы был христианином, а сама сгоревшая усадьба располагалась неподалёку от церкви Преображения на Розваже улице.

Таким образом, подтверждались сообщения летописи о существовавшей накануне крещения в Новгороде общине христиан вокруг церкви Преображения, разгромленной расвирепевшими язычниками, и последовавшем вслед за этим огромном пожаре в 989 году.

Было в Новгороде «крещение огнём и мечом» — отрицать это теперь невозможно. И это отнюдь не было отдельным эпизодом, «эксцессом».

Я уже приводил в нескольких своих работах одну цифру, читатель, но здесь я расскажу про неё подробнее — слишком уж серьёзное дело, да и отношение к теме книги эта цифра имеет самое непосредственное.

Вот, что пишет историк В.В. Пузанов со

ссылкой на сборник «Древняя Русь. Город, замок, село» (М., 1985, с. 50): «Из 83 стационарно исследованных археологами городищ IX- начала XI в. 24 (28,9%) «прекратили своё существование к началу XI в.»²⁴

Разумеется, исследователь из всех сил старается не видеть, что, собственно, он утверждает, рассуждая о «становлении единого государства Руси», «усмирении» каких-то невнятных «племён».

Но факты, как говорится, упрямая вещь — ни один источник совершенно ничего не говорит об «усмирении» кого бы то ни было в последние десятилетия власти будущего «святого».

К концу X, началу XI столетия источники относят не карательные экспедиции против «племён», а крещение Руси. Такова была цена «просвещения благой вестью» восточнославянских земель — **28,9%** русских поселений. Почти треть.

Разумеется, не все они были поголовно вырезаны крестителями. Кто-то просто, бросая всё, уходил в леса. Рождалась «славная» традиция, расширявшая Русь ещё семь веков.

Традиция, когда страну расширяли отнюдь не государевы люди, а люди, от этого самого государства бежавшие — будь то уходившие к Белому морю от московского гнёта новгородцы или уходившие от крепостного ярма или новин царя-антихриста беглые крепостные и старообрядцы.

Но, учитывая, что и в переживших крещение городах шла резня (вспомним рассказ Иоакимовской летописи, подкреплённый, как мы видели, беспристрастной памятью земли), можно смело считать, что количество жертв крещения было именно таково.

Пожалуйста, запомните это, читатель. Запомните хотя бы число, если уж не дано нам с вами знать имена. Запомните это, как помните пресловутые двадцать миллионов Великой Отечественной.

ТРЕТЬ ЖИТЕЛЕЙ РУСИ.

Это трудно представить... ну, вообразите, читатель, улицы родного города, где каждый третий когда-то жилой дом — пуст и мёртв. Может, лежит в руинах.

Может, смотрит на улицы глазами выбитых окон, и ветер, бродя по его комнатам, скрипит выбитой прикладом дверью, перелистывает прошитые очередью страницы книги, ворошит волосы раздавленной солдатской подошвой детской куклы... представьте, каково было бы жить в городе, ставшем могилой для трети своих жителей — и тогда, быть может, вы лучше поймёте кладбищенское молчание летописцев о последних годах правления Крестителя.

Треть жителей Руси...

Люди, которые могли бы повторить вслед за тысяцким Угоняем: «Лучше нам помереть, чем отдать Богов своих на поругание».

²⁴ Пузанов В.В. «Главные черты политического строя Киевской Руси X-XI вв.»//Исследования по русской истории. К 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб. — Ижевск, 2001. С. 31.

Воины, до последнего вздоха дравшиеся, ре-завшиеся, грызшиеся на стенах и улицах родных крепостей с цепными псами хазарского ублюдка-рабёныша... старухи, в темноте запертых изнутри изб, под тихий плач внучек и успокаивающий шёпот-дочерей и снох, сухонькими руками выбивавшие из огня искры над зорохами щедро рассыпанной по полу сухой соломы... старики, до последнего старавшиеся перекрыть звуками древнего песнопения торжествующий рёв победителей и треск рушащихся ворот святилища...

Это именно их требовали казнить кроткие служители милосердного палестинского бога.

Треть.

Жителей.

Руси.

Просто помните, читатель. Просто — помните это. Помните их.

Исследователь первых веков христианства на Русской земле О. Рапов считал, что именно ко временам крещения относятся данные так называемого «письма византийского топарха» о могучем «царствующем на север от Дуная» и «гордящемся силой в боях» правителе, воины которого разрушили «10 городов и 500 деревень».

Историю эту я подробно рассмотрел в своей книге, посвящённой жизнеописанию отца-крестителя, и особенно задерживаться здесь не буду, скажу только одно: гораздо убедительнее для меня мнение тех исследователей, что именно к нему, к Святославу Храброму, относят это свидетельство, считая рассказ о разрушенных его «варварами» городах и сёлах отголоском крушения Хазарского каганата.

Хотя бы потому, что никакой «силы в боях», как уже говорилось, сын хазарской рабыни не проявил.

Покойный Рапов попросту попал под гипноз многовекового воспеания «заслуг» Владимира церковными и светскими авторами.

И, если церковные восхваления этому историческому деятелю были ещё хоть как-то обоснованы, то попытки превратить его в великого воителя, достойного преемника славы первых князей Киева, не имеют ни малейшего отношения к действительности.

Однако показательно, что учёный готов был отнести рассказ о разгроме чужой державы к крещению Руси, и совершенно неудивительно — в свете жутких данных археологии.

Как неудивительно и отголоски тех времён в народных преданиях — так, в городе Турове до XX века жила легенда о том, как когда-то речка Припять потекла кровью вместо воды и по этой крови приплыли к городу каменные кресты.

Страшный в своей меткости образ — эти кресты, приплывшие по крови, крови, переполнившей русские реки.

Трагичной была для язычников именно утрата городов, самых крупных и древних — а следовательно, утрата самых крупных и древних святилищ.

Здесь мы приближаемся к любопытнейшей области, именуемой геомантикой или сакральной географией. Её основы в России заложил ещё Зорин Яковлевич Доленго-Ходаковский, поляк по происхождению, неутомимый исследователь русской старины начала XIX столетия.

Он первый выдвинул мысль о том, что городища древних славян изначально и в первую очередь были святилищами. Руководствуясь названиями мест и урочищ, он восстанавливал упорядоченную сеть святилищ-городищ, равномерно покрывавшую Славянщину.

На рубеже XX-XXI веков прозрения Доленго-Ходаковского получили самые неожиданные подтверждения, причём, с самых разных сторон.

Археологи обнаружили предсказанную им систему гнёзд поселений, кучковавшихся вокруг «городищ», не несших ни, так называемого, «культурного слоя», свидетельства постоянного проживания на них людей, ни сколь-нибудь серьёзных укреплений — не прикажете же считать таковыми валы чуть выше полутора метров и соответственной глубины рвы.

Зато на этих странных городищах часто находили следы постоянно поддерживавшегося огня и остатки загадочных «столбов», возвышавшихся невзвешенно в центре очерченного символическим валом круга.

Читатель, угадайте — что бы это могло быть?

С другой стороны, были выявлены... тут я, право, затрудняюсь подобрать определение... некоторые, назовём это так, закономерности в распределении по «лицу Земли» силовых структур.

Была даже — причём, ещё в 60-е годы минувшего столетия — идея о кристаллической структуре Земли, в «углах» коей древние и строили свои святилища, впоследствии обраставшие крепостями и посадами, превращаясь в города.

Нет, я отлично понимаю скептические улыбочки некоторых читателей — любителей поболтать насчёт «энергий», «сил» и «кристаллов» в последнее время развелось невероятное количество, право же, отстреливать пора.

Только, вот незадача — услугами этих странных людей пользуются, не особенно афишируя это, геологи и археологи. И геоманты, ориентируясь на эти не понятные никому, и прежде всего им самим, потоки сил и энергий Земли, находят месторождения и древние памятники. Находят, понимаете?

Как говаривали материалисты номер один XIX и XX столетий, товарищи Карл Маркс и Владимир Ленин соответственно, «практика — критерий истины» и «факты — упрямая вещь».

И можно считать установленным, что пращурь наши, закладывая города, прежде всего искали не места «на торговом пути» или в безопасности от врагов. Выбор места для поселений — старше сколь-нибудь активной торговли.

Первые поселения имели, как уже сказано, чисто символическую ограду. Древние искали места, отмеченного волей Богов, места, где легче общаться с небесными Предками. А уж потом, от од-

ного такого города-святилища к другому, прокладывали тропы странники и купцы.

А там возникла и потребность оградить народившиеся городки надёжным валом и тыном от чужаков.

Отсылаю здесь читателя к замечательной книге Станислава Ермакова «Тропюю забытого волшебства».

И христиане, захватывая города, били по уздам языческой сети, захватывая не просто стратегические пункты, но места Силы²⁵, источники, из которых их противники могли черпать если не мистическую Помощь (любопытно, что русские летописцы ни на мгновение не сомневаются в чудотворной силе языческих волхвов: «То не диво, что от волхования сбывается чародейство», пишет Нестор, и эхом отзывается ему Иаков Мних в похвале князю Владимиру — «немало и волхвы чудес сотворили»), то хотя бы моральную поддержку, вдохновение.

Несмотря ни на что, язычники зачастую успевали спрятать от богоотступников святыни предков. И находили их гораздо позднее. Так, в самом начале XVIII века некий гетман нашёл в Чернигове две золотые статуи языческих Богов.

Недолго думая гетман повелел отправить кумиры в Германию, на предмет переплавки в «царские врата» для храма Бориса и Глеба, во время постройки которого и были обнаружены бесценные изваяния. Даже сделать с уникальной находки зарисовки достойный преемник крестителей не потрудился.

А звали этого человека Иван Мазепа.

Кому-нибудь из читателей надо напоминать, чем он закончил? Бесславно сгинул на чужбине с клеймом предателя, если кто-то не знает. Не проходит бесследно надругательство над древними святынями.

Представляю, как хмурятся и сожалеюще качают головами одни читатели этой книги, а другие, если вообще дочитали до этих строк, злорадно усмеваются. Мол, себя-то русские Боги так и не защитили, святотатцев не покарали! Ни Владимира, ни Добрыню...

Насчет Добрыни я бы так уверен не был. Во всяком случае, после крещения Новгорода упоминания об этом человеке куда-то исчезают.

Был дядька-воспитатель великого князя, его соратник по «святому делу» обращения языческой Руси в «истинную веру», посадник Новгородский. И не стало. И тишина, что называется, «мертвые с косами стоят».

Галина Аозко в своих книгах упоминает некое «предание», согласно которому одержимый угрызениями совести Добрыня утопился в Ильмене, вот только никаких подробных ссылок не даёт — а у меня образ Добрыни Хазарина с угрызениями сове-

сти как-то плохо соотносится.

Было ли там чему угрызаться? Очень сомневаюсь. А вот судьба его племянника на некоторые размышления так-таки наводит.

Дело в том, что в 1635 году киевский митрополит Пётр Могила нашёл останки «святого» в саркофаге из красного шифера. Мощи Владимира были в страшном состоянии — буквально разодраны на части.

И ещё одно обстоятельство — на очень многих старых иконах, начиная с фресок XII века в соборах Владимира, Владимир изображён с очень характерным крестом в руке. С атрибутом мученика.

На это впервые обратил внимание в середине XX века ассиролог-эмигрант, любительски занимавшийся древнерусской историей Александр Куренков, опубликовавший свои исследования под псевдонимом А. Кур.

Сам он давал ответ на эту загадку в русле своих весьма эксцентричных воззрений на первые века русской истории. Их мы целиком оставим в стороне (интересующиеся могут обратиться к собственным трудам Куренкова), но наблюдения его от этого не утрачивают точности.

Креститель Руси принял смерть тяжкую, смерть мученическую, об этом знали и даже отражали это знание на изображениях равноапостольного. Но отчего-то об этом хранила глубочайшее молчание вся русская церковная книжность.

Только смутно упомянули, что останки новопреставленного князя вынесли из терема тайно, завернув в ковёр, — почему же именно в ковёр-то?

Уж не в тот ли самый, на котором крестителя Руси настигла внезапная и мучительная кончина, и не оттого ли, что разодранный на части труп надо было поскорее скрыть от людских глаз? А ведь это почти необъяснимо.

Допустим, князя-вероотступника убили, мстя за поругание праотческих святынь, язычники — так разве не было бы это поводом ещё पुше прославить князя, не только принесшего на Русь «свет Фаворский», но и отдавшего собственную жизнь на алтарь утверждения «истины» Христа?

Скажем, младший современник Владимира, конунг Олаф Трюггвасон, крестивший Норвегию методами, ничуть не уступавшими Владимировым, меконек попался в руки «благодарных» земляков и погиб — так это было отражено и в житии, и в десятках изображений!

Допустим, с престарелым отчимом распрылся его пасынок, сын убитого им брата и государя Ярополка Святославича, Святополк. Ну и что мешало вставить это в список приписываемых «Окаанному» князю злодеяний?

То есть, братоубийство на Руси иногда ещё встречалось, но убийство отца — пусть даже приёмого! — было в глазах русичей вовсе за пределами злодеяния и вполне укладывалось бы в старательно создававшийся монахами-летописцами (немного терпения, читатель, скоро мы разберёмся, как и зачем) образ «нового Каина».

Нет, ни та, ни другая версии не объясняют то-

²⁵ Необходимость пользоваться выраженьицами из арсенала Кастанеды или брошюрок по фэн-шуй вызывает у меня глубокое отвращение; но что поделать — чтобы современные русские лучше поняли древних своих предков, приходится прибегать к китайским и тольтекским премудростям.

го молчания, что окружило обстоятельства смерти сына хазарской рабыни, молчания, непроницаемого, как ковёр, в который второпях завернули клочья его растерзанного тела.

По правде говоря, есть у меня подозрение, как надо это понимать, уважаемый читатель. Только предупрежу сразу — ежели вы относитесь к реликтовой породе твердолобых материалистов, вам это объяснение не понравится. Что ж, попытайтесь отыскать иное. Удачи!

И искренне надеюсь, что объяснение ваше не будет похоже на большинство «шедевров» так невесть с чего называющегося «рационального» мышления — вроде попытки объявить рисунки первобытных людей своего рода доисторическим тиром, где, мол, не добычу заклинали, а меткость юных охотников тренировали.

Я уж не буду упоминать, что следы ударов, символических или материальных, несут от силы 2% изображений животных, сделанных охотниками каменного века.

Ну, хоть бы подумали, какой «тир» может выйти из тесных пещер, на жаргоне спелеологов выразительно называемых «ракоходами» и «шкуродёрами».

Или, скажем, о том, что мишень можно изготовить и более простым способом, чем выскребая — камнем по камню! — дивные барельефы лошадей, бизонов, быков во тьме подземелий.

Напомню напоследок, что англичанин Оккам, воспрещая умножать сущности, многозначительно закончил: «сверх необходимости». И конечно, брату Уильяму, монаху ордена доминиканцев, и в голову не пришло бы считать «лишними сущностями» мир духов.

Нет спора, можно объяснить мир, не прибегая, по выражению Лапласа, к «этой гипотезе». Так же, как человек может в принципе прожить, лишившись конечностей, глаз и половых органов. Но сознательно и добровольно калечить себя, да ещё величаться перед здоровыми своим «здравомыслием»... увольте, право.

Впрочем, вернёмся к обстоятельствам смерти Владимира. Дело в том, читатель, что, согласно учению православной церкви, крещёный человек, тем паче — святой, находится под защитой Христа и неуязвим для воздействия «бесов» (к коим церковь причисляет и языческих Богов) и колдунов.

И если смерть крестителя Руси наводила на мысль о вмешательстве сверхъестественных Сил, Сил, враждебных христианству и однозначно определяемых им, как «нечисть», то говорить вслух об этом для церкви было более чем нежелательно.

Надо было либо признать, что Владимир не был никаким святым, — либо сознаться, что христианский бог не в силах спасти даже самых своих преданных и заслуженных рабов от прямой расправы разгневаных старых Хозяев. В общем, читатель, вы можете думать что хотите.

Я же самым серьёзным образом полагаю, что сына хазарской рабыни, братоубийцу, труса и клятвоступника, осквернителя святынь Родных Бо-

гов, повинного в чудовищном истреблении собственных подданных, настигла заслуженная кара, от которой его не смогли спасти ни мечи наёмников, ни толстые крепостные стены, ни византийские иконы в красном углу.

И ничуть не удивлюсь, если подобная же участь постигла и вдохновителя и участника большинства злодеяний, Добрыню Хазарина²⁶.

И когда те, кто пришёл за братоубийцей, оставили ошметки его плоти на пропитавшемся кровью ковре, кто-то из ближних бояр ринулся сбивать замок с поруба, в котором томился сын и, в общем-то, законный наследник законного государя, подло убитого узурпатором.

Святополк Ярополкович, которому предстояло войти в историю Руси с клеймом «Окаянного».

Давайте-ка, вспомним, читатель, как излагают события, развернувшиеся после смерти Владимира, русские источники. Вот, что говорит, словно бы очнувшись от семнадцатилетнего молчания, «Повесть временных лет».

Перед смертью Владимир отправил одного своего сына, Бориса, в степь против печенегов. Вскоре он умирает, а Святополк, находящийся в это время в Киеве, скрывает его смерть, тайно вынеся тело через пролом в стене.

Кстати, так выносят из дома тех, в отношении кого возникают подозрения — не надумает ли покойничек вылезать из могилы и навещать скорбящую родню полнолунными ночами? Ещё одно подтверждение мысли, что креститель Руси умер, скажем так, нехорошей смертью.

А вот на «тайное» это погребение походит мало — ладно ещё тайно вынести завёрнутое, как мы помним, в ковёр тело старого государя, но вот тайно ночью пробить каменную стену великокняжеского терема... что ж, киевляне оглохли всем горлом, что ли?

Итак, Святополк сидит в Киеве, раздаёт подарки, киевляне подарки берут, «но сердце их не лежало к нему» (референдум проводили?).

Войско Бориса уговаривает князя идти на Киев и захватить трон, но Борис идти по стопам равноапостольного батюшки не желает, и разочарованные воины расходятся, оставив миролюбивого князя с несколькими «отроками»-дружинниками (если подобное поведение показывает любовь воинов к вождю, то я, очевидно, чего-то не понимаю в людях).

Тем временем Святополк «тайно» собирает своих людей в Вышгороде — летописец, невзирая на тайну собрания, уверенно называет имена приближённых Святополка — это Путша, Галец, Еловит, Ляшко. Да что там имена, он дословно переска-

²⁶ Возможно, впрочем, что он попросту пал очередной жертвой племянника, не оставившего своей «благодарностью» ни одного из тех, кто помогал ему взойти на престол — ни варягов, ни новгородцев... следующим по списку шёл как раз Добрыня, а пример византийского шурина, утопившего возведшего его на престол Второго Рима придворного-евнуха, у Владимира был перед глазами.

зывает все речи собравшихся.

Вышгородцы, кстати, выражают готовность сложить свои головы за князя — а киевляне его якобы не любят, оттого что их родня, мол, ушла под знамёнами Бориса на печенегов. А жители соседнего Вышгорода от призыва уклонились, так надо понимать?

Святополк направляет этих решительных уклонистов навстречу Борису, с целью его убить. Упомянутые четверо пришли на реку Альту (либо они уже были извещены о разбредшемся войске Бориса, либо надеялись справиться и так — что называется, «безумству храбрых поём мы песню») и услышали в ночи, что Борис поёт заутреню — его уже известили (?!!), что приближаются убийцы.

Не смутившиеся этим убийцы перебили отроков Бориса, в том числе некоего угрина (венгра) Георгия, заслонявшего господина своим телом — правда, почему-то уже после того, как убийцы пронзили его тело. Неужели знаменитая финно-угорская заторможенность тогда распространялась и на венгров?

После этого негодяи, завернув тело Бориса в шатёр, возложили его на телегу и повезли, но он, проткнутый копьями, ещё дышал. Святополк, узнав об этом (любопытно, каким образом?)

Впечатление такое, как будто в Древней Руси пользовались мобильными телефонами), послал двух варягов добить брата, и те, подъехав к телеге, на которой везли тело Бориса, проткнули его мечами. Так сказать, контрольные варяги.

Затем наступает очередь Глеба. Сей юный князь сидит в Муроме, ещё не подозревая, что стал сиротой. Коварный Святополк, которому необходимо отчего-то истребить и этого князя, сущего мальчишку, владельца дальнего глухого удела, толком не признанного собственными подданными, посылает к нему известие — мол, отец захворал, зовёт тебя к себе.

Доверчивый князь отправляется в Киев вместе с дружиной, невзирая на то, что сестра всех вышеупомянутых князей Предслава послала вестника о смерти Владимира к Ярославу в Новгород, а тот, в свой черёд, уже зная не только о смерти отца, но и тайном (однако же Святополк очень плохо хранил свои секреты — то летописец цитирует его тайные речи, то братец в далёком Новгороде оказывается полностью в курсе его тайных дел!) убийстве брата, послал предупредить Глеба.

Получив это известие под Смоленском, Глеб принимается плакать и молиться, в этот момент появляются посланные Святополком убийцы во главе с неким Горясером и при полном непротивлении Глебовой дружины захватывают корабль, на котором находился в этот момент будущий святой. По их приказу Глеба зарезал его собственный повар Торчин.

Дальнейшего описания событий мы пока не касаемся. Просто предлагаю читателю перечитать ещё раз всю эту историю и высказать своё мнение. Моё же укладывается буквально в два слова. В знаменитое «Не верю!» Станиславского.

Не верится в тайные собрания, известные ле-

тописцу до последнего слова.

Не верится в стремительных вестников, порхающих туда и сюда по необъятным просторам Руси, в это время, напомню, на треть обезлюдевшей и терзаемой «умножившимися» разбойниками.

Странные чувства вызывает в этом описании Борис, которого равнодушно покидают на произвол судьбы недавно бившиеся с ним бок о бок воины — а ведь утверждается, что его любили и уважали!

Столь же изумительно равнодушие дружинников Глеба к судьбе господина — а ведь это не только его, это и их судьба тоже — кому нужны дружинники, при которых беспрепятственно режут их князя?!

И смерть его от руки собственного повара — что ж это, на этот раз люди Святополка побоялись белы рученьки замарать?

Впрочем, как раз люди Святополка производят здесь наилучшее впечатление — они верны господину, кланутся сложить за него головы, беспрекословно отправляются по его приказу вчетвером против дружины — если не против всего войска. Они и потом не бросят побеждённого, бегущего, одержимого бесом князя.

Кстати, судя по всему, одержим бесом он стал задолго до военного поражения — иначе объяснить убийства князей младше его годами, а значит, и имеющих меньшие права на престол²⁷, а также, судя по описанному в самой летописи поведению их приближённых, не пользующихся практически никакой любовью подданных, никак не возможно.

Святополк убил их из чистого злодейства — бешеный какой-то, право слово! Маньяк! Одно слово — окаянный!

География летописного рассказа словно позаимствована из мультфильма «Князь Владимир». Только там, наверное, ездили из Мурома в Киев через Смоленск. Это, в общем-то, всё равно, что ехать из Москвы в тот же Киев через Санкт-Петербург.

Только там, готовясь найти убийц для едущего с юга, из печенежских степей Бориса, поехали бы из Киева на север, в Вышгород. И только там в числе слуг киевского князя, не имеющего никаких выходов к Варяжскому морю, могут оказаться два варяга.

Не добавляют доверия к повествованию обильный слезоразлив положительных героев, постоянные длиннейшие благочестивые речи, которые они произносят, причём, душегубы терпеливо перетаптываются в сторонке, позволяя им договорить и помолиться, дожидаясь, очевидно, разрешения их всё же убить — каковое оба мученика и дают им.

Всё это я сократил, во-первых, из-за недостатка места, во-вторых, из-за полнейшей неважности для нашего повествования этих длинных гирлянд цитат из Ветхого и Нового Заветов, а в-третьих — чтоб у читателя не появилось слишком уж сильное сочувствие к убийцам (спокойно выдержать та-

²⁷ Кроме того, сын старшего брата князя, по обычаю русов, так называемой «лествице», имел больше прав на престол, чем его сыновья — право Святополка в любом случае было неоспоримым.

кие потоки елея может разве что человек, сам близкий к святости)²⁸.

Пожалуй, хватит зубоскальства. Недостоверность летописного рассказа об участии Бориса и Глеба и его источника — «Сказания о Борисе и Глебе» — очевидна, в общем-то, для большинства исследователей.

Обычно таких резких слов не говорят, особенно сейчас, после перестройки и вошедшего в моду кокетничанья с христианством. Обходятся округлыми фразами о «литературном характере повествования».

И при этом продолжали твердить об убийстве Бориса и Глеба Святополком с уверенностью очевидцев, хотя единственный повествующий об этом источник представляет, как, надеюсь, убедился читатель, нагромождение нелепостей самого разного толка — от географических до психологических.

Не помогал даже очевидный факт — ещё полвека спустя в княжеском роду Рюриковичей бытовало имя Святополк. То есть, князья имели свой, отличный от летописного взгляд на его «окаянство», иначе не стали бы нарекать детей именем описанного летописцем патологического маньяка-изверга.

Любопытно и то, что Титмар Мезербургский, современник событий, ни слова не говорит о злодеяниях «киевского короля» Святополка, которому польский «герцог» Болеслав помогал в войне с его, Святополка, братом, «королем новгородским» Ярославом.

Кстати, становится понятно, что, собственно, Святополк делал к Киеву в момент смерти отчима — по словам немецкого хрониста, он там сидел, но отнюдь не на престоле, а в тюрьме. Вместе с ним ели горький хлеб неволи его жена, дочь Болеслава и её духовник, немецкий (если в землях восточных славян церковь в те времена была представлена в основном греками, то в землях западных — немцами и чехами) епископ Рейнберн²⁹, каковой в той темнице и скончался.

Впрочем, никакой особой ясности в события

²⁸ Любопытна и совершенно необъяснима крайняя скудость рассказа о кончине третьей жертвы Святополка — Святослава. Ни малейших подробностей, бедняга даже в святые не произведен.

²⁹ У нас как-то положено видеть в поляках исконных кознодеев Руси, озабоченных лишь тем, как напаковать православным. Не без влияния известных событий Смутного времени появилась версия, что Рейнберн-де вкупе со Святополком и его польской женой готовил переворот, рассчитывая обратить Русь в католичество. Такие идеи и применительно к XVII веку сомнительны, а в X, к тому же, что забывают обличители «польской интриги», никакого отличного от православия и враждебного ему католичества не существовало. Никаких доказательств злодейских предательских умыслов Святополка и завоевательных — его польского тестя тоже нет. Надо ли говорить, что немалую роль в возникновении этой версии сыграло твёрдое убеждение исследователей, что кроткий и мудрый Владимир посадить сына, кровиночку, мог только за какое-то сверхъестественное и обязательно антирусское злодейство, на которое Святополк — маньяк же, Окаянный! — только и был способен.

рассказ Титмара не внёс. Но только в 1957 году советский историк Н.Н. Ильин высказал одну очень любопытную идею. Он решил проверить данные летописи сообщением так называемой «Эймундсаги».

Этот памятник исландской словесности о похождениях в далёкой Руси-Гардарике двух норманнских удальцов, Эймунда и его сородича Рагнара, перевёл на русский язык ещё современник Пушкина Осип Сенковский, известный современникам как «Барон Брамбеус».

При переводе «барон» столкнулся с некоторой трудностью. Дело в том, что в саге, ясно рассказывающей о борьбе за власть на Руси сыновей Вальдамара-Владимира... ни словом не упоминается Святополк! То есть вообще! Ярислейву-Ярославу противостоят полоцкий правитель Вартилаф-Брячислав (вообще-то не брат, а племянник, но норманны в тонкостях взаимоотношений чуждого им семейства Рюриковичей разбирались плохо) и правитель Кенуграда-Киева, некий... Бурислейф.

После многих битв, выигранных Ярославом исключительно благодаря отваге и ратной хитрости земляков-сказителей (кто бы сомневался... сразу вспоминается один бравый барон из Германии, чьей отваге и неподражаемой находчивости Россия только и обязана, понятно, победами над турками — один разведывательный полёт верхом на ядре над турецкой крепостью чего стоит), Бурислейф отчего-то и не думает отступать, и наконец, два наёмника заявляют новгородскому князю, что пока Бурислейф жив, будут продолжаться «эти суматохи».

Князь отвечает уклончиво, но вроде бы положительно — и скандинавские головорезы отправляются в путь. Подобравшись к стану Бурислейфа, норманны ночью нападают на шатёр, убивают спящего Бурислейфа, забирают его голову и пускаются наутёк.

Однако обещанной награды они не получили, и, хотя скандинавские «джентльмены удачи» пытаются в рассказе «держат марку», можно догадаться, что им пришлось бегством спасаться от «благодарного» нанимателя, решившего сделать их (благо пример отца был памятен) «крайними» в этом деле. Бежали наши киллеры-викинги в Полоцк.

На дворе стояли неласковые к вольномыслию времена Николая Павловича, и Сенковскому менее всего хотелось иметь неприятности со Святейшим синодом из-за «кошунственного» пересмотра душщипательной истории двух юных князей, погибших от рук злодея-брата.

Посему он, не мудрствуя лукаво, дописал в тексте перевода «Бурислейф (Святополк)», благо к таким методам Сенковский, старый норманист, представитель той славной школы, что не моргнув глазом уже третий век населяет страницы книг химерическими сочетаниями вроде «Варяги (норманны)», или пытается нас убедить, что там, где в летописи написано Перун, надобно читать Тор или Один³⁰, был привычен.

³⁰ Сенковскому и его современным братьям по разуму, право, стоило бы обратить внимание, что сага, при

Хотя имя убитого норманнскими наймитами «конунга», ей-же-ей, нимало не напоминало Святополка. Между тем имя Святополка было в Скандинавии прекрасно известно. Его там произносили, как «Свантеплок», и даже позаимствовали его у славян (как и Владимира-Вальдамара). Сокращенно оно звучало, как Сванте — сказочник Сванте Аррениус, таким образом, оказывается тезкой киевского князя! Ничего ровным счетом не напоминало описанную летописью участь «Окаянного» князя и в рассказе об убийстве норманнами Бурислейфа. Зато рассказ об убийстве князя в шатре посреди чистого поля двумя выходцами из-за Варяжского моря до боли напоминал обстоятельства одной, описанной в летописи смерти. Да и само имя Бурислейф есть не что иное, как скандинавская огласовка славянского Борислав, сокращенно... Борис!

Так вот, ознакомившись с данными саги, советский ученый Н.Н. Ильин и сделал в 1957 году напрашивающийся вывод — настоящий убийца Бориса отнюдь не Святополк, а... Ярослав! Наш современник А.Л. Никитин пошёл дальше и сделал смелое — на мой взгляд, даже чересчур смелое — предположение, что Борислав, Борис это не что иное, как крещёное, христианское³¹ имя... Святополка (и Сенковский, получается, неожиданным для себя образом оказывается прав).

Благо культ Глеба, складывается впечатление по древнерусским находкам, чуть не на век старше культа Бориса. Всё же я погожу присоединяться к такому мнению — представить себе, что одного и того же человека восславляли как святого и проклинали как «Окаянного» за убийство его же самого... у меня, честно скажу, от таких выражений кружится голова.

Однако всё же — кто убийца, кому верить, летописи или саге? Лично я предпочитаю сагу — её рассказ жизненнее, её герои не напоминают плаксиных и болтливых героев и безмозгло-злых злодеев из латиноамериканских сериалов. Она больше считается с реальностью. Кроме того, её правдивость (там, где речь не идёт о неустанном хвастливом подчёркивании заслуг земляков) подтверждает даже археологией.

Летопись утверждает, что Ярослав Владимирович был хром с детства, сага — что он охромел в битве. Найденные останки Ярослава (по черепу ко-

всём неопишемом бахвальстве и восхвалении своих соплеменников, и не думает намекать на скандинавское якобы происхождение варяжской династии русских князей, а «Ярислейф» говорит: «вы, норманны», ясно показывая, что себя-то к выходцам из Скандинавии не относят. А ведь от Рюрика его отделяют каких-то три поколения! Да и матерью его была, по летописи, полоцкая княжна Рогнеда-Горислава, как помнит внимательный читатель, если верить тем же норманистам, дочь «полоцкого конунга Рагнвальда». Исследование сохранившегося черепа князя (по которому сделан знаменитый скульптурный портрет по методу Герасимова) также не выявило в нём генетических признаков скандинава.

³¹ В христианский именованное имя Борис вошло еще в IX веке, заслугами первого царя Болгарии и ее крестителя, истребившего пятьдесят два знатных семейства за отказ предать прежних Богов и ослепившего родного сына Владимира по той же причине.

их сделан известный каждому школьнику скульптурный портрет князя) не обнаруживают следов какой-то врожденной болезни или детского увечья, зато на костях ноги — след полученного и зажившего уже в зрелые годы ранения.

А ещё меня настораживает одно обстоятельство в отношении Ярослава Владимировича. Как и все знатные мальчики и юноши Европы (и не только Европы) того времени, Ярослав рос у одного из приближённых отца, «кормильца», как тогда говорили.

Кормильцем Святослава был Асмунд, кормильцем самого Владимира — Добрыня. А знаете, читатель, как звали кормильца Ярослава?

Блуд. Тот самый злополучный воевода несчастного Ярополка, предавший своего государя сыну хазарской рабыни. Соучастник братоубийства. Как хотите, читатель, а к воспитаннику такого типа у меня как-то маловато доверия.

И если среди подозреваемых в братоубийстве оказывается воспитанник соучастника такого же преступления — то кому как, а мне этого и без «Эймунд-саги» достало бы, чтоб заподозрить новгородского правителя.

Любопытно, кстати, что «Мудрым» Ярослава потом уже нарекли историки, с подачи певших «распространителю православной веры» хвалы летописцев. Современники называли его Хромцом. А европейский хронист, современник Ярослава, Роджер, переводит, очевидно, его прозвище на латынь — Малескло-дус. Злой Хромец.

Летопись, кстати, сохранила упоминание об ещё одном подозрительном деянии (точнее, злодеянии) «Злого Хромца». Незадолго до того, как он объявил народу Новгорода, что великий князь Владимир умер, его варяжский отряд был полностью перебит «стихийно взбунтовавшимися» новгородцами на дворе какого-то Парамона — судя по имени, ревностного христианина — в быту-то у большинства русичей, пусть и крещёных, христианские имена не войдут в обиход ещё очень долго.

Потом новгородцы отправляются на двор Ярослава, судя по всему, ничуть не ожидая какого-то недовольства князя истреблением его наёмников. Немного странное для бунтовщиков поведение, вам не кажется, читатель? Тут победителей варягов, однако, ожидает гибель — князь люди убивают их. Эта череда умертвий напоминает времена «святой» Ольги.

Вовремя, очень вовремя ускакали Эймунд и Рагнар в далёкий Полоцк. Не то и им лежать на Парамонем дворе, как и их друзьям по варяжской ватаге (на востоке, в Византии-Микльгарде и на Руси-Гардах, норманны обычно вливались в отряды варягов).

Вина же последних могла состоять только в том, что они могли что-то слышать от исполнителей убийства — а потом, пушей надёжности для, под нож пустили и их убийц.

И всё же — в чём же причина того, что убийство Бориса (Глеба пока оставим в стороне) приписали именно Святополку? Отчего летопись и «Сказание о Борисе и Глебе» пышет в его адрес такой

яростью?

Конечно, Ярославу и его потомкам надо бы понадежнее опорочить свергнутого и загубленного законного государя. Но ведь князья-то, потомки Ярослава, называли своих детей Святополками — а вот Ярославом ещё долго, кстати, не называли — значит, не в князьях тут дело! А в ком, если не в них? В церкви?

Но чем же Святополк провинился перед церковью, что та, позабыв и точно такое же деяние «святого» Владимира, и полнейшую обыденность убийства ближайших родичей (не только братьев, но и отцов, и матерей!) в «богоспаваемой» Византии³², откуда пришла на Русь «благая весть мира и любви», начинает вдруг языческой вельвой выкликать проклятия «братоубийце»?

Предупрежу сразу, читатель, — прямого ответа на этот вопрос в источниках нет. Но есть целый ряд подозрительных обстоятельств.

Летописец, расписывая злодеяния «Окаянного» Святополка, в сердцах проговаривается — тогда «не знал», что кроткий царь Давид (кстати, «прославившийся» массовым истреблением пленных и впервые в мировой практике использовавший для этих целей печи — за тысячи лет до Освенцима — 2-я Книга Царств, 12:31) в псалмах сказал по поводу подобных деяний то-то и то-то.

Как странно, однако же — собиравший со всей земли на предмет обучения книжной, в первую голову, конечно, библейской, премудрости детишек Креститель не удосужился обучить оной собственного, пусть и приёмного, сына?!

В летописи же, во время описания взятия войсками Ярослава Новгородского Киева, сказано: «погоре церкви». Лев Николаевич Гумилёв предположил, что жгли церкви воины Ярослава, и сделал на этом основании чересчур далеко идущие выводы — о чуть ли не язычестве ещё не провозглашённого Мудрым князя.

Однако это мнение не подтверждается ни одним источником — и русские, и скандинавские, и германские, и византийские источники знают Ярослава как убеждённого христианина. Если его «обращение» состоялось в Киеве, церковные авторы не оставили бы без внимания столь излюбленного ими (от Бравлина и Аскольда до Владимира) сюжета — язычник и разоритель христианских святынь, одержав физическую победу, сам побеждён могуществом «истинной» веры.

А может, речь шла о том, что во взятом Киеве были погоревшие, разрушенные церкви? И не надо лицемерного негодования по поводу вандализма язычников! Во-первых, это не их учили подставлять правую щеку, схлопотав по левой, «любить врагов своих» и «благословлять ненавидящих их».

Чужаки и отступники рушили их святыни — не их ли правом было воздать святотатцам по справедливости? В конце двадцатого века кроткие и всепрощающие христиане предпочитали, дорвав-

шись до власти, вместо того, чтоб выстроить новые церкви, отнимать у городов музеи и детские кино-театры. Кто кричал о вандализме в те дни — пусть бросит камень в воинов Святополка.

Во-вторых, церкви как раз и ставили сплошь и рядом именно на тех местах, где стояли разрушенные языческие святилища. А место для этих святилищ было — в глазах язычников, по крайней мере — не человеческим произволом, а волей Богов. Они, в отличие от христиан, не могли построить храм где вздумается. Приходилось расчищать места. Только и всего.

Летописи восславляют Ярослава за неимоверные заслуги в деле распространения христианства на Руси — при нём-де оно начало «шириться и укрепляться». Простите, но он, по тем же летописям, построил всего лишь четыре церкви — в чём же состояли его заслуги в «расширении и укреплении» христианства?

В годы, последовавшие за победой Ярослава, летописи сообщают об освящении нескольких, ещё вроде бы при Владимире возведённых церквей. В их числе ни много ни мало — возведённая Владимиром на месте повергнутого Громовержца Десятинная церковь, первая церковь православной Руси. Может, их пришлось святить заново?

Наконец, в саге об Эймунде советник «конунга Ярислейфа» сообщает ему о противнике: «Я слышал, — и это очень вероятно! — что он отступится от христианской веры». Правда, говорится это про Бориса-«Бурислейфа».

Есть такой интересный вид источников — миниатюры Радзивилловской летописи. Понятно, их не по разу перерисовывали и правили, и на них вполне можно встретить, скажем, варяжского воина в рыцарском шлеме с подвижным забралом XV века.

Но там же можно увидеть и классический каролингский меч эпохи викингов и варягов в руках Святослава, и корчагу X века. На миниатюре, посвящённой убийству Андрея Боголюбского, у него отрублена правая рука, а в тексте — левая. Исследование останков князя показало — миниатюра ближе к истине.

Там же отражено участие в убийстве жены князя — про которое текст летописи молчит, но не молчат другие источники.

Так вот, на миниатюре, повествующей об убийстве Бориса, святой князь простёр в молитве руки к столбу шатра, на котором висит маленькая иконка с осьмиконечным крестиком (любопытно было бы поработать с оригиналом миниатюры — не дорисовка ли?) и... меч.

Борис молится на меч, по древнему скифскому обычаю? Георгий Михайлович Филист, автор замечательной книги «История «преступлений» Святополка Окаянного», полагает, что Борис был как раз сторонником прежней религии и союзником Святополка. Но возможно, в саге отразились просто сведения о пристрастии к старой вере киевского государя.

Что до Бориса-Борислава, то его облик, канонизированный церковью, даже на уровне внешнего

³² Начиная с самого «равноапостольного» и «святого» Константина и до последних императоров Византии включительно.

облика далёк от исторического. В источниках при его описании говорится, что князь «ус млад имел», ибо сам был, мол, не в великих летах — а ни про волосы, ни про бороду ни слова не говорят.

Оно и понятно, русские князья того времени — и Ярослав (судя по изображению на его печати, найденной в Новгороде), и Святополк (на его монетах), и их отец (на монетах же), как и великий дед их Святослав, брили бороды, оставляя усы, да и волосы сбрасывали, кроме прядей-чуприн на макушках.

Но христианскому праведнику такой облик иметь не пристало — и иконописцы снабдили Бориса византийскими кудрями до плеч и византийской же круглой бородкой...

За что был брошен в темницу вместе с женой князь Турова — того самого Турова, в который вплыли по потёкшей кровью Припяти кресты — своим равноапостольным отцом? Не повторил ли он судьбу Владимира Болгарского? И о чём думал, когда верные вышгородцы сбили замки с темницы — и шёпот холопов тлел по тёмным углам перепуганного государева терема, над сочащимся алым ковром?

Нужны ли ещё другие причины для объяснения ненависти церкви к этому человеку? Вам, читатель, — возможно. Мне — нет. Но чему поражаюсь — так это хитроумию церковных иерархов. Замолчал язычество Святополка, они хитроумно «повесили» на него как раз преступление, могущее пуще всего отпугнуть язычника — убийство братьев.

Желающих разобраться во всех перипетиях той войны отсылаю к труду Филиста — там они, по моему мнению, изложены наиболее убедительно. Для меня же важно одно: распря за киевский престол оказывается эпизодом развязанной отцом братьев гражданской войны за крещение Руси.

В этой войне государь Руси, Святополк Ярополкович, законный наследник и правитель Руси, оказался на стороне Родных Богов и предков. Подобные примеры вполне известны — сын христианки Ольги Святослав был язычником, как и сын крестителя Болгарии Владимир, как и его внучатый племянник Боян Симеонович.

Возможно, к Святополку примкнул и другой сын крестителя Руси, Борис — но врагам удалось убрать его и возвести вину за убийство на Святополка. Сказалось византийское просвещение!

Кстати, слово «Окаянный» к Каину имеет отношение только в фантазии летописцев. Оно происходит от русского слова «Каяти» (в «Слове о полку...» — «кают князя Игоря»). Прозвище это можно понимать или как «проклятый», или же как... обвиненный, оклеветанный. Охаянный, проще говоря.

Кто же убил Глеба? Тут всё совершенно неясно. Иноземные источники о юном князе вообще молчат. Не был ли он как раз христианином, бежавшим от язычников в Новгород — как раз в этом случае логично оказаться недалеко от Смоленска. Или, при виде приближающейся ладьи со знаком Святополка на парусе, повар Торчин внезапно полоснул по горлу юному князю?

Ещё меньше ясности со Святославом и с тем обстоятельством, что его смерть осталась неопи-

санной, сам же он не был удостоен звания святого — ну не оттого же, что церковникам ещё икалось от имени свирепого язычника, его тезки и деда?

Не Святополк, однако, был последним сторонником древней веры среди крупных князей. И последней жертвой клеветы летописцев был не он.

Где-то в это же время, когда дружины, осенённые стягами с изображениями, с одной стороны, креста и ликов святых и символов Солнца и Грома — с другой, сходились на кровавых полях, у племянника Святополка, Борислава-Бориса, Глеба и Ярослава, Брячислава Изяславича Полоцкого, внука несчастной Рогнеды, родился сын Всеслав.

Про него в летописи сказано, что родился-де полоцкий князь «от волхвованья». Якобы на его голове всю жизнь оставалась какая-то «науза» — языческий амулет, и в результате этого полоцкий князь был «жесток на кровопролитье».

От какого «волхвованья» был зачат Всеслав, понять трудно, но несколько раскрывает глаза на происходящее одна много более поздняя история: когда великий князь Московский Василий III женился на юной Елене Глинской, сам при этом будучи в весьма почтенных летах, ему якобы пришлось прибегнуть к помощи чародеев, чтоб зачать молодой жене сына.

От этого-де сын, Иван Васильевич, будущий первый царь Руси, которому суждено было остаться в её истории под прозвищем Грозного, вырос жестоким и кровожадным.

Если кровожадность православного царя (вскользь заметим, что жертвы этой кровожадности за все годы царствования Ивана Васильевича уступали в числе едва ли не годовому «урожаю» смертных приговоров, «без гнева и пристрастия» вынесенных скучными серенькими стряпчими в Англии того времени) несомненна, то доказательств «жестокости на кровопролитие» полоцкого государя в летописях не найти.

Напротив, жестокими там выглядят его противники, князья Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод. Впрочем, всё по порядку.

Полоцкой летописи до нас не дошло. По некоторым сведениям, она погибла в пожаре Москвы 1812 года, том же, что поглотил рукопись «Слова о полку Игореве» и множество других бесценных источников. Об этом, конечно, можно только сожалеть, ибо, без сомнения, в ней мы могли увидеть совсем иное отражение взаимоотношений полоцкого князя и Ярославичей.

Однако кое-что можно вычитать и в «Повести временных лет» — монахи Киево-Печерского монастыря, где создавалась летопись, находились в сложных отношениях с киевскими князьями, да и искажать события люди Средневековья умели плохо, до изощрённого вранья XX века им было ещё очень и очень далеко.

Так, битва Ярослава с Брячиславом, отцом Всеслава, на реке Судоме подана летописью как победа «Мудрого» князя. Вот только после этой «победы» в руках полочан ни с того ни с сего оказываются такие стратегически важные пункты, как Витебск и Усвяты.

Поневоле вспомнишь, как в трудах греческих историков Льва Диакона и Иоанна Скилицы православные войска Второго Рима одерживают победу за победой над язычниками-«россами», а те почему-то после каждой «проигранной» битвы оказываются всё ближе и ближе к столице православной империи..

Уже знакомая нам «Сага об Эймунде» вносит некоторую ясность — не без помощи всё тех же удалых побратимов Брячислав исхитрился захватить в плен жену Ярослава, шведскую королеву и ободритку по матери, Ингигерд. С такой ценной заложницей Брячислав сумел выторговать у опасно-го дяди мир.

Слагавшие саги норманны не подозревали, очевидно, об очередной, хоть и невольной, заслуге Эймунда и Рагнара перед новым нанимателем. В руках Брячислава находилась не только жена Ярослава, но и свидетели его злодеяний, исполнители его приказов.

В результате властолюбивый «Злой Хромец» скрепя сердце вынужден был смириться с независимостью Полоцка, независимостью не только политической, но; возможно, и духовной. В частности, хотя первый епископ, Мина, был отправлен в Полоцк ещё при Ярославе, епископия в нём установилась почти столетием позже.

Нет сведений, чтобы Мина был изгнан местными жителями, как целый ряд муромских епископов, или убит ими, как Леонтий Ростовский. Вероятно, епископ попросту проживал на княжеском дворе Полоцка, как живой символ лояльности, местных князей киевской власти и новой вере.

В Полоцке благодаря Эймунду с Рагнаром, скорее всего, знали подлинную историю убийства Борислава-Бориса. Всеслав назовёт Борисом одного из своих сыновей — а ведь культ святого Бориса к тому времени ещё не сложился, да и с христианством полоцкий владыка был, как мы ниже сможем увидеть, в сложных отношениях.

Скорее всего, это было своего рода напоминанием киевским Ярославичам — в Полоцке знают и помнят тайну их отца. Отношение же к киевской власти вполне определялось памятью о Рогнеде и её отце, в честь которого был наречён ещё один сын Всеслава.

До какого-то периода отношения Полоцка с Киевом были мирными. В середине XI столетия из степей к русским пределам подошли новые кочевые племена, родственные печенегам гузы, или, как называли их на Руси, торки.

Всеслав Брячиславич не остался в стороне от общерусского дела, вышел на реку Рось, навстречу кочевникам, с другими князьями. Впечатлённые русской силой, торки просили мира и получили его, поселившись в качестве союзников у русских границ, южнее реки Рось — теперь граница Руси с кочевым миром пролегла здесь, в одном конном переходе от Киева.

Времена Олега, Игоря, Святослава остались в прошлом, времена побед над кочевниками, пусть и более скромных, Владимира Мономаха ещё не настали.

Несколько позднее Всеслав предпринял поход на Псков. Псков, как и родной город Всеслава Брячиславича, был населён кривичами — одним из восточнославянских народов.

В XI столетии складывание современных восточнославянских народностей, великороссов, белорусов и малороссов-украинцев, ещё не только не было закончено, но даже не началось — в городах местная родовая знать смешивалась с пришлой дружинной русью, прежние малые державы-«княжения» не только не объединялись, но скорее дробились на города-государства, «волости».

Всеслав, судя по всему, пытался восстановить союз племён, «княжение» кривичей. Возможно, впрочем, он пытался всего лишь освободить псковского князя Судислава, возможного соратника в борьбе с киевскими князьями.

Ему воистину не за что было любить Ярославичей — в своё время «Злой Хромец» бросил его в темницу в его собственном Пскове, где несчастный и просидел двадцать четыре года. Впрочем, хорошо было уже то, что беднягу оставили в живых — он был слишком близким соседом Новгорода, чтобы его смерть можно было спихнуть на происки «ока-янного» Святополка.

В 1059 году его «освободят» Ярославичи — и немедленно постригут в монахи. Умрёт злополучный князь в 1063 году. По некоторым летописям, Судислав был сыном даже не Владимира, а его старшего брата — Олега Древлянского.

Что ж, если это так, то этому княжескому роду, мягко говоря, не везло. Безуспешным остался и поход на Псков полоцкого князя — как раз после него Ярославичи поспешили заточить злосчастного дядьку в монастырь.

В 1066 году Всеслав ударил на Новгород. Этот город тоже был частью Кривичской земли, и один из трёх старейших городских районов-концов, Людин, или Гончарный, заселяли, по мнению археологов, именно кривичи³³.

Новгород Всеслав взял. Несколько странно, что, безуспешно осаждая Псков, в те годы совсем крохотный, полоцкий князь добился полного успеха под стенами Новгорода. Очень возможно, что ему помогали изнутри — те же жители Людина конца, для которых правитель Полоцкого княжества был их, кривичским, государём.

В Новгороде Всеслав разгромил выстроенный Ярославом храм Святой Софии. Он снял с неё колокола и светильники-паникадила, как бы выколов глаза и отрезав язык главной христианской святыне Новгородской земли.

Колокола и паникадила были отправлены в Полоцк и нашли себе место в выстроенной отцом Всеслава в 1040-х годах Софии Полоцкой — соборе-тёзке знаменитых храмов Константинополя,

³³ Другой, Словенский, как видно из названия, заселяли словене, потомки пришедших с южного берега Балтики варягов-ободритов. А самый старый, с постройки мостовой конца VIII-начала IX века, принадлежал балтскому племени нереве, и так и назывался — Неревский. Остальные два конца, Загородный и Плотницкий, появились много позднее времён Всеслава.

Новгорода и Киева.

Построив этот храм, Брячислав Изяславич скорее выражал величие родного города, его способность быть если не равным, то хотя бы сопоставимым с этими городами мирового значения. Впрочем, возможно, он-то и был истовым христианином, тут всякое бывает — иной раз сын такого христианина оказывался не менее ревностным приверженцем старой веры.

О Святославе, сыне «святой» Ольги, Владимире, сыне «святого» Бориса, и сыне пусть и не святого, но вполне благочестивого христианина, Симеона Великого, Бояне, мы уже говорили.

Сам Всеслав Брячиславич в друзьях новой религии не значился совершенно определённо. Иначе не объяснишь ни, не побоюсь этого слова, ритуальную расправу с христианским собором в Новгороде, ни ауру языческих легенд о «волхвованье», наузах, оборотничестве вокруг полоцкого князя, якобы способного в ночи, «окутавшись синей мглой», то «лютым зверем»³⁴, то волком, преодолевать чудовищные расстояния — от Дудуток под Новгородом, где, очевидно, расположился его стан, до белорусской речки Немиги, от Киева до крымского Тмутороканя, в Киеве слышащего звон родных полоцких колоколов.

После его посещения в новгородском Софийском соборе остались следы кострищ — очевидно, в главном храме новгородских христиан справляли языческие обряды. Учёные даже предполагали, что «Волх Всеславич», князь-оборотень из русских былин, это и есть Всеслав Полоцкий, да вот только реальных доказательств этому, кроме темы оборотничества и созвучия Всеславич-Всеслав, не нашли.

Волх из былин имеет много больше общего с легендарным Волхом или Волхвом из новгородских легенд, сыном не менее легендарного Славена-Слава, прародителя ильменских словен, возглавившего переселение племени на ильменские берега³⁵.

Братья Ярославичи равнодушными к походу полоцкого язычника не остались. Очень скоро их войско обрушилось... нет, не на Всеслава, на оставшуюся без защиты Полоцкую землю. Напав на богатый город Менск (ныне Минск), христоролюбивые братья разграбили его дотла, истребили мужское население, а детей и жён угнали в плен.

³⁴ О том, что за «лютый зверь» такой, учёные спорили немало. Позднее так называли иногда волка, иногда рысь — но, не говоря уж о том, что и того, и другую часто называют собственным именем в одном ряду с таинственным «лютым», с этим не согласуется, например, упоминание Владимира Мономаха о том, как лютый зверь, прыгнув к нему во время охоты на бедро, опрокинул князя вместе с конем. Предполагали какого-то хищного зверя породы кошачьих, впоследствии вымершего, даже реликтового пещерного льва, сохранившегося-де на Руси через тысячи лет после ледникового периода. Но, скорее всего, прав советский учёный Мавродин, предположивший в «лютом» леопарда. Его изображения в искусстве Восточной Европы часты — от знаменитых скифских пантер до картин охоты на леопарда на фресках Софии Киевской.

³⁵ Подробно об этих персонажах можно узнать в моей книге «Времена Русских богатырей».

Вообще нападения киевских князей на Полоцкое княжество описываются в летописи — Киевской! — как небывало жестокие для войн между русичами. Тот же Всеслав, хотя и называет его летописец «немилостивым на кровопролитие», в захваченном Новгороде не вёл себя столь свирепо. В чём же дело?

И.Я. Фроянов видит в подобных методах ведения войны наследие язычества, но, к сожалению, в доказательство своего суждения может привести лишь ссылки на труды де Кюланжа, который в XIX веке (!) писал это про античных (!) язычников.

Однако, повторяю, именно Всеслав, который, по словам летописцев и автора «Слова о полку Игореве», есть «рождённый от волхвованья» оборотень, носящий языческие наузы, творящий ворожбу, не замечен в подобном поведении, в нём замечены именно христоролюбивые Изяславичи, не оставившие в городе в живых «ни челядина, ни скотины».

И именно таким образом за век до разорения Минска король восточных франков Генрих I Птицелов, взяв город полабских славян-язычников из племени гломачей, Гане, перебил всех взрослых, угнав в рабство детей и подростков.

В 1468 году рать московского князя Ивана Васильевича будет точно так же «пустошить» языческую Черемисскую землю, посекая людей, коней и «всякую животину».

То есть война, которую Ярославичи вели с Полоцким княжеством, шла по тем правилам, по которым воевали христиане с язычниками. И правда такой войны заданы не где-нибудь, а в самой Библии. В книгах Исход, Числа, Второзакония, Иисуса Навина, Царств...

«Когда же введёт тебя господь, бог твой, в ту землю, с большими и хорошими городами, которые ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, и будешь есть и насыщаться» (Втор., 7:10-11),

«А в городах сих народов, которые господь, бог твой, даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор., 20:16),

«и взяли город... и все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Ис. Нав. 6:19-20),

«а всю добычу городов тех и скот разграбили сыны израилевы себе; людей же всех истребили мечом, так что истребили всех, не оставили ни одной души» (Ис. Нав. 17:14),

«опустошал Давид ту страну, и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины» (2 Кн. Цар. 27:9).

Какое же счастье, что ни тевтонские короли, ни наши князья не набрались «христианской кротости» воплощать все эти примеры из Святого Писания в жизнь до конца!

Нам же важно подчеркнуть, что война христиан Ярославичей с Всеславом Чародеем была ещё одним эпизодом столетней гражданской, развязанной сыном хазарской рабыни в 988 году.

Услышав о разорении своей земли, полоцкий

князь ринулся навстречу захватчикам. На реке Немиге полоцкая рать столкнулась с киевской.

Летопись приписывает победу Ярославичам... вот только вслед за этим она говорит отчего-то не о походе киевского князя с братьями на Полоцк, не о преследовании бегущего оборотня, а о... переговорах с Всеславом, на которые его просят прийти, о переговорах, происходящих за пределами Полоцкого княжества, в Рше — современной Орше.

Кажется, мы снова имеем дело с синдромом Скилицы, читатель, как предположил бы я именовать этот способ изложения исторических событий по имени особенно склонного к нему хрониста православного Константинополя.

Итак, Всеслава вызвали на переговоры, и все трое Ярославичей целовали крест, то есть присягали на кресте, заверяя полоцкого государя в его полной безопасности. Поверив, Всеслав прибывает на переговоры с сыновьями — Борисом и Ростиславом — и... попадает в ловушку. Князя и двух княжичей, заковав в кандалы, отправляют в Киев. Там бы ему и сгинуть, но...

Но в 1068 году у границ Руси появляется новый враг — половцы (на западе их называют куманами, на востоке — кипчаками). Тюрки, как и печенеги с торками, они принадлежат всё же к другой ветви тюркских народов.

Язык половцев, кипчакский, был предком современных татарского, башкирского, казахского и киргизского языков. В то время как ближайшей родней языка печенегов и гузов считается туркменский, турецкий и азербайджанский.

Если печенеги носили, по свидетельству арабского автора X века, Абу-Дулефа, длинные усы и бороды, а киевский отрок в 968 году сумел пробраться сквозь их лагерь, не вызывая ничьих подозрений (стало быть, не сильно кочевники рознились обликом с киевлянами), то половцы, судя по многочисленным ими же оставленным скульптурам, «каменным бабам», были уже типичными монголоидами — с тяжёлыми плоскими лицами, приплюснутыми носами, узкими щелями раскосых глаз.

Навстречу ордам половцев хана Шарукана вышло киевское войско, возглавляемое Изяславом, Святославом и Всеволодом. На реке Аьте противники встретились, и оказалось, что резать и грабить оставшихся без княжьей защиты минчан несколько труднее (*легче?* — Д.Б), чем справиться с сильным противником.

Войско трёх князей было разбито наголову, Святослав вместе с младшим, Всеволодом, и с остатками дружины бросился в Чернигов, а старший, Изяслав, в Киев. Половцы, не торопясь лезть в конном строю на городские укрепления, принялись грабить богатые южные сёла.

Киевляне собрались на вече и потребовали у Изяслава выдать им коней и оружие — самим сразиться с кочевниками. Требование, честно говоря, очень странное — нигде более в русских летописях не говорится, чтобы свободные горожане Руси вынуждены были обращаться за оружием и конями к князю.

Здесь, похоже, некоторая недомолвка. Потре-

бовали также выдать на расправу некоего княжеского приближённого, воеводу Константина, Коснячку (известного также как один из авторов законодательного свода, так называемой «Правды» Ярославичей), которого, очевидно, винули в поражении киевских войск.

Прямо с вечевой площади толпа повалила на воеводский двор, но Коснячко не стал дожидаться своих обвинителей и попросту сбежал. После этого киевляне разделились на две части — одна отправилась спасать из княжьей тюрьмы какую-то загадочную «дружину нашу», другая — ринулась через мост на двор самого киевского государя.

Услышав рёв толпы, к князю поспешил его приближённый, некий Туку, брат Чудина. Вышегородский боярин Чудин, наряду с Коснячкой, участвовал в составлении «Правды» Ярославичей. Было ли его имя всего лишь прозвищем или отражало действительно нерусское, финно-угорское происхождение, непонятно.

Могло быть и второе — в Вышгороде, согласно летописи, находилась резиденция княгини Ольги, уроженки граничащей с чудскими племенами эстов и сету Псковской земли, которую (Ольгу, а не землю) на переговорах с Восточным Римом в 944 году представлял некто Искусеви.

Это имя большинством исследователей считается эстонским по происхождению. Может быть, Чудин и Туку были дальними потомками этого Искусеви.

«Дело плохо, — сказал Изяславу «горячий чудской парень» Туку, — пошли к Всеславу, пусть подзовут его к оконцу и проткнут мечом». Изяслав, к чести его будь сказано, заколебался и не спешил следовать столь коварному совету, киевляне же, очевидно, дождавшись подхода остальных горожан с освобождённой загадочной «дружиной», ринулись к порубу, где томился Всеслав.

Увидев это, Изяслав, вместе с сыном Мстиславом, кинулся бежать. Очевидно, потрёпанная половцами дружина представлялась ему недостаточной защитой от взбешённых жителей столицы.

Всеслав с сыновьями были освобождены из поруба. Полоцкий князь, потомок старшей ветви сыновей Владимира, а если наши предположения о том, что Святополк в своей «двуотцовщине» был не одинок, верны, то и старшей ветви сыновей Святослава, взошёл, по праву старшинства и воле народа, на киевский престол. Это произошло 15 сентября 1068 года.

О семи месяцах, проведенных князем-волкодлаком на престоле Матери Городов Русских, летопись говорит крайне скупо. Решительно ничего не сказано о том, что случилось после водворения Всеслава Брючиславича на киевский престол с воинственными настроениями киевлян.

Если верить летописцу, половцев разбил... Святослав Ярославич Черниговский. Вот именно что — «если верить». У меня, читатель, такого желания не возникает. Уж больно странно получается — три князя вместе были наголову разбиты половцами, а потом один из них, хозяин не самого крупного города, вдруг взял, да тех же самых половцев

победил.

Верится? Мне — не очень.

А «Слово о полку Игореве» смутно упоминает о каком-то не то набеге, не то походе Всеслава «от Киева до кур Тьмутороканя». Комментаторы «Слова...» обычно настаивают, что-де Тьмуторокань здесь — просто-напросто символ какой-то очень удалённой земли — ведь летопись, мол, молчит о каких-то походах Всеслава в том направлении.

Но летопись, как вы уже могли убедиться, читатель, много о чём молчит. А в «Слове о полку Игореве» походом на Тьмуторокань обозначается не просто некое странствие за тридевять земель, в тридевятое царство, а поход на половцев.

И скорее всего именно ополчение киевлян во главе с князем-чародем отшвырнуло кочевников от столицы — ну а черниговский Святослав мог и впрямь перехватить какую-то шайку бегущих с поля битвы захватчиков и приписать себе победу.

Впрочем, это мог сделать за него летописец Киево-Печерской обители, чей игумен, Никон, откровенно симпатизировал черниговским князьям.

И ещё один заслуживающий внимания факт — в том же «Слове о полку...» сообщается, что «Вселав князьям города делил». А после возвращения Изяслава внезапно оказалось, что в Новгороде и Смоленске, городах, оставленных Ярославом Владимировичем своему старшему сыну, преспокойно восседают родственники младших Ярославичей, Всеволода и Святослава.

Не эти ли города «делил» князьям ставший киевским князем Вселав? Но в таком случае приходится признать, что младшие братья изгнанного Изяслава сочли выбор киевского веча вполне законным и признали право полоцкого оборотня наделять их городами.

Если так — это лишний довод в пользу того, что Вселав приложил руку к разгрому орды Шарукана, и приложил очень серьёзно³⁶. Но победа далась нелегко — а с запада уже двигалась на Киев новая гроза.

Изяслав с сыном Мстиславом даром времени не теряли. Они бросились в Польшу — очевидно, не рассчитывая на поддержку в Русских землях. В лесах и болотах Полесья до XIX столетия молились Перуну и Яриле, а в Волынских землях только после монгольского нашествия угасли жертвенники огромных святилищ, так что это были не те края, где можно было бы искать управы на князя-оборотня, князя-чародея.

С востока шли половцы, на юге лежала легко доступная их конным ордам степь, на севере — владения кривичей, подданных оборотня — там-то Ярославичей, пожалуй, встретили бы ещё «теплей», чем в половецкой степи. И потомки «Злого Хромца» кинулись искать прибежища в ближайшей христианской столице — польском Кракове³⁷.

³⁶ Благодарю коллегу Georg'a с Форума альтернативной истории за указание на эти факты.

³⁷ Просили они помощи и у германского императора, обещая стать его вассалами — но у того хватало

В Польше Изяслава поняли очень хорошо. Ещё живы были люди, помнившие великое языческое восстание Маслава, едва не восстановившего в Польше древнюю, веру, променянную на прелести юной богемки Дубравки отступником Мешко I.

Тогда, кстати, по сообщениям «Великой польской хроники», в отрядах Маслава дрались и русичи. Наши комментаторы не без обиды замечают, что киевский князь Ярослав как раз помогал «законной» власти польских князей-христиан, приведших с собою немецких и венгерских карателей.

Верю, помогал — да вот только на Руси и помимо «Злого Хромца» жило немало людей, и возможно, воины-язычники оклеветанного и загубленного им брата, Святополка Ярополковича, подались на запад, под знамёна Маслава.

Повторение тех лет было для власти и костела страшнее любых ночных кошмаров. А вокняжение на Руси полоцкого оборотня ощутимо пахивало именно такой перспективой.

Дело в том, что рассказ о восстании 1068 года полон странных, глухих недомолвок. Почему у киевлян не оказалось ни оружия, ни коней, почему они пришли требовать их у князя, какая «дружина» пребывала в заточении и за что?

Очень интересно и ещё одно обстоятельство — именно в этом году в Киеве был убит новгородский епископ Стефан, задушен собственными холопами.

На этом обстоятельстве хочется остановиться чуть-чуть подробнее. У нас часто можно прочесть, что христианство и церковь на Руси радели об облегчении участи рабов, смягчали сердца жестоких хозяев и так далее и тому подобное.

Всё это не более чем беллетристика, сентиментальная художественная литература. Нигде, даже в христианских житиях, нет примеров жёсткого отношения славян-язычников к рабам. Совершенно напротив — византийский автор Маврикий Стратег, например, говорит о том, что рабство у славян не было постоянным, и по прохождении некоторого срока пленнику дозволялось либо вернуться на родину, либо обзавестись своим хозяйством и жить в славянском племени.

Спустя три столетия араб Ибн Русте говорит про руссов, что они «к рабам относятся хорошо и заботятся». Слова для обозначения раба и ребёнка, подростка, в славянских языках почти одни и те же — отрок, хлоп(ец), роб, паробок и пр.

Напротив, где в летописи заходит речь о свирепой расправе господина над рабом, там обязательно упоминается христианский иерей, зачастую — высокого сана. Предшественник Стефана, Лука Жидята (показательные прозвища носили первые иереи православной Руси, ничего не скажешь!), отрезал своему холопу Дудике язык и отрубил руки.

собственных мятежников, и приобретать новые, охваченные смутой, области, он не спешил. Просили помощи даже у римского папы — фактически крестового похода на Русь! На счастье, папа уже два года как провозгласил Первый крестовый поход в совсем другом направлении, на Святую Землю, и дробить силы воинства Креста ради далёкой варварской страны не пожелал.

Прославился кровавыми казнями, увечащими пытками ростовский епископ Феодор, живший столетием позже — по его приказу выжигали глаза, «язык урезая», даже распинали на стенах. Его современник Варлаам Хутынский отписал Спасскому монастырю земли «с челядию и с скотиною» — рабы-челядины для этого иерея были на одном уровне со скотом.

Да и странно было бы ожидать чего-то другого — ведь христианские проповедники несли на земли Руси не какую-то абстрактную «культуру», а вполне определённые обычаи и законы Восточной Римской империи.

Той самой империи, где некогда раб определялся как «говорящее орудие» — в одном ряду с «орудием мычащим» (рабочей скотиной) и «орудием немым» (инструментами и сельхозинвентарём). Изменило ли что-то принятие христианства?

Изменило, как же — вот только характер этих изменений может удивить читателя, привыкшего мыслить категориями романтических сказок о кротком христианстве и жестокой языческой Римской империи.

Так, император-язычник Адриан (117 — 138 гг.) запретил хозяевам убивать рабов или позволять убийство. Знатную римлянку, по пустячной прихоти насмерть замучившую свою рабыню, Адриан отправил в ссылку на пять лет.

Первый же христианский император, «святой» и равноапостольный Константин, в 326 году так называемым Сирмийским декретом запретил судьям дознаваться, намеренно или нет хозяин убил раба, и освободил рабовладельцев от всякой ответственности.

Церковники ничуть не противоречили императору — Элвирский синод налагал покаяние на госпожу, избившую свою рабыню, лишь в том случае, если та умирала в течение трёх дней. Если же несчастная невольница испускала дух на четвёртый или оставалась жить покалеченной, то госпоже, по мнению святых отцов, не в чем было и каяться.

И ни один источник не приписывает господам-язычникам, будь то в Риме или на Руси, тех чудовищных изуверств над холопами, которые творили в христианских странах две крещёные душегубки — княгиня Эржебет Батори и Дарья Салтыкова.

И новгородского владыку собственные холопы удавили тоже вряд ли за ангельскую кротость и братолюбие. Однако нам сейчас любопытно то, что именно в Киеве, именно в год вокняжения Всеслава, холопы решились отомстить преподобному мучителю.

Бесправные «скоты», «говорящие орудия» решились на убийство хозяина-церковника — не оттого ли, что почувствовали возможность сделать это безнаказанно, не оттого ли, что в Киеве вошли в силу люди, недоброжелательные к вере, столпом коей был архиепископ Стефан?

И ещё одно сообщение, полезное для разьяснения загадок 15 сентября 1068 года. В летописи оно стоит под 1071 годом, в ряду сообщений о деятельности волхвов в конце XI века (мы поговорим о них чуть позднее), но когда именно в реальности

происходили события, описанные в нём?

Рассказы в летописях иногда совершали настоящие «путешествия», оказываясь за век-два от той поры, к которой в действительности относились.

Вспомним историю с Рогнедой, которую летописец вспомнил, разбираясь в причинах вражды киевского и полоцкого княжеских домов спустя полтора века после трагедии полоцкой княжны. А уж в пределах одного-двух десятилетий... многие учёные так и считают, что эпизод этот надо отнести ко временам перед нападением половцев в 1068 году и восстанием в Киеве.

Итак, в Киеве нежданно-негаданно объявился волхв, пророчествовавший о великих потрясениях и переменах. О них, говорил служитель древней Веры, ему поведали Пятеро Богов — не иначе те самые, которым поставил в 980 году капище на Киевском холме будущий отступник.

Летописец сообщает, что «невегласи (язычники. — Л.П.) внимали ему, а верные (христиане. — Л.П.) смеялись, говоря: «Бес тобою играет на погибель тебе». Вскоре волхв сгинул бесследно, подводит черту летописец.

Так-таки уж бесследно? А не в ту ли тюрьму, из которой киевляне кинулись освобождать своих людей («дружину свою») в смутный осенний день 1068 года?

Странные события того дня содержат красноречивые следы другой, недавней смуты — некие друзья-«дружина» киевлян, томящиеся в тюрьме, отсутствие коней и оружия у оставшихся на свободе.

Здесь явно отголоски какого-то столкновения киевлян с княжьей властью, печально для них закончившегося. Киевляне оказались безоружны³⁸, часть (скорее всего — заводилы, или даже заложники, взятые из киевских родов) — заперты в княжьей темнице.

О сути столкновения нам говорят два факта — во-первых, рассказу о событиях 1068 года летописец предпосылает длительное поучение о губительности языческих заблуждений. Во-вторых, приближённые великого князя, как мы помним, при первых признаках нового мятежа советуют ему избавиться от Всеслава — значит, видят в нём возможного вождя восставших. Им он впоследствии и становится.

Так чего ради киевлянам делать своим вождём человека с другого края необъятной Руси, правителя края, который они недавно жестоко разорjali? Чем привлекателен для них низвергнутый государь дальнего Полоцка? И кому в Киеве он мог быть нужен?

³⁸ Некоторые исследователи полагают, что коней и оружие киевляне потеряли в битве с половцами. Любопытно, а эти учёные мужи когда-нибудь пробовали убежать на своих двоих от всадника-степняка, вооружённого луком и арканом? Конечно, кто-то из киевского войска в той битве потерял коня и оружие. Но вслед за этим несчастные потеряли, конечно, и жизнь, как минимум — свободу.

Напрашивается один ответ. Всеслав Чародей. Волкулак. «Рождённый от волхвованья». И ратовали за него те же «невегласи», которые внимали киевскому жрецу Пятерых.

Наконец, о сути замолчанных составителем «Повести временных лет» событий, предваривших «мятеж велик» 1068 года, яснее всего говорит сам факт замалчивания. Судя по обыкновению описывать события, привязывая их к тому или иному урочищу в Киеве, автор «Повести...» сам был киевлянином, а будучи к тому же и монахом — тщательно изымал любые намёки на неоднозначность в отношении своей веры и любимого города.

И из рассказа о Кие с братьями (хотя, казалось бы, речь о языческих временах), в том месте, где новгородские летописцы и армянский автор VII века Зенобий Глак упоминали о почитании основателем города «идолов», вместо этого словно бы с обидой вставляет: «были же мужи мудры и смыслены, нарицахся поляне». И крестились-то киевляне с радостью и умилёнными слезами.

15 сентября 1068 года в городе Киеве произошёл не просто «мятеж велик». В городе, в котором убили епископа и выбрали в князя волкодлака из дремучих полоцких лесов и болот, в которых ещё восемь веков будут славить Перуна и Ярилу, произошёл языческой переворот.

Грозно гудящая толпа поднималась на киевскую Гору, к дворам князя и городской знати, по тому самому Боричеву взвозу, которым, по приказу деда Изяслава, волокли в Днепр изваяние Громовержца. Словно Он Сам, «выдывавши» из Днепра, шёл отомстить потомкам отступника.

Не оттого ли так цепенел, медлил в тот день жестокий и решительный Ярославич?

И в Кракове этого не могли оставить без внимания. Слишком свежи были в памяти польской крещёной знати дни Маслава. Слишком непрочна была власть князей-католиков над собственными окраинами — ещё и двумя веками позже будут молиться своим Богам мазуры-мазовшане, жители края на востоке Польши.

Вместе на Киев двинулись православные князья Ярославичи, Изяслав вместе с сыном, Мстиславом, и рыцари князя-католика Болеслава. Распри между уже разделившимися и успевшими взаимно отлучить друг дружку церквями были отложены в сторону перед лицом пробудившегося общего врага — древней Веры славян.

А в восставшем Киеве в это время не будет князя. Где был Всеслав, в походе ли на половцев — если уж действительно был его целью дальний город Тьмутаркань — или, как утверждает летописец, кинулся в свой край, лежавший на пути карателей, я сказать не могу.

В первом случае это было просто неудачей. Во втором — трагической ошибкой. Впрочем, легко нам судить полоцкого государя, вознесённого мятежом на престол чужого ему города, с изрядно побавившимся после битв с кочевниками войском, когда с запада шёл с сытой, отдохнувшей и окрепшей дружиной прежний киевский владыка, а с ним — отряды польских рыцарей, а рядом, в кон-

ном переходе, сидел за стенами Чернигова его брат!

«Велик зверь, а головы нет — так и многие полки без князя», — напишет сто лет спустя Даниил Заточник. Летописи знают случаи, когда русские войска бросали броды наступающим половцам — только потому, что с ними не было князя, «а боярина не все слушают».

А ведь шли не половцы, шёл свой, киевский князь. А самые верные Всеславу были рядом с ним или лежали в ковылях Дикого Поля...

Вновь собралось вече, только тех, кто требовал оружия и коней, на нём уже не слушали. Говорили другое. Предлагали «повиниться» перед Изяславом, может, мол, простит. Слали послов в Чернигов, к Святославу, прося его посредничества в переговорах с братом. Наконец, послали к самому Изяславу. Тот целовал крест, что не причинит киевлянам вреда...

На что они надеялись? Совсем недавно этот же Изяслав целовал крест не кому-нибудь, не взбунтовавшейся черни, но собственному двоюродному племяннику Всеславу — и легко преступил «крестное целование».

Впрочем, не то Изяслав посчитал произошедшее вслед за тем клятвопреступничеством божьей карой (справедливости ради надо заметить, что не сдержавших клятвы на кресте полоцкому волкодлаку Ярославичей осуждали и многие христиане, в том числе игумен Киево-Печерского монастыря Антоний), не то по иной причине, но действиям своим на сей раз постарался предать хотя бы видимость приличия.

Сам он действительно не наказывал киевлян. Но первым в Мать Городов Русских вступил не он, а его сын Мстислав. А тот, собственно, никому креста не целовал шадить мятежников — как не обещал и его отец удерживать сына.

Семьдесят горожан были казнены по обвинению в освобождении Всеслава (само по себе примечательно — не в том вина, что взбунтовались против князя, а в том, что выпустили на волю языческое чудище-волкодлака!).

В первый раз на Руси ослепили множество причастных к восстанию (вот она, византийская культура — поневоле вспоминаешь, как Василий, современник крестителя Руси, пленных болгар ослеплял чуть не полками, оставляя на сотню ослеплённых пленных одного одноглазого — в провозжатые).

Тех, кого попросту, безо всякого суда, зарубили каратели Мстислава Изяславича, никто не считал. Летописец просто говорит — «без числа».

Это было последнее сражение столетней гражданской войны за стольный Киев. По трупам киевлян поднялась на Гору и водворилась на ней власть преемников отступника Владимира и принесенная им чужая вера.

Вечевая площадь была перенесена указом победителя Ярославича на ту самую Гору — чтоб собиравались люди не на Подоле, где ещё действовали языческие капища, а под боком у белокаменного исполина-собора Святой Софии, под строгим

надзором нового бога.

Всеслав ещё долго сражался. Но дело кончилось не в его пользу. Родной удел он отстоял — Полоцкому княжеству предстоит пасть двумя веками позже, под напором литвинов и тевтонских рыцарей-крестоносцев.

Я уже рассказывал о жутких событиях, происходивших в Полоцке в те годы, когда он в очередной раз был в изгнании и ставленник Ярославичей, тот самый каратель мятежного Киева, Мстислав Изяславич, сидел на полоцком столе.

«В Полоцке ночью по улицам со стонами бегали бесы», — передаёт летописец. Погибал всякий, кто осмеливался высунуться из ворот двора на стук конских копыт и пронзительные стоны нечисти. По утрам на улицах находили следы копыт.

Современные комментаторы обычно объясняют это какой-то заразой, моровым поветрием, обрушившимся-де на полочан. Однако никакой такой хвори в ту пору по Руси не гуляло, особенно способной замертво уложить человека на месте, да и столами и стуком копыт эпидемии обычно не сопровождаются.

Люди приписывали напасть навьим — языческой нежити. В конце концов испуганный Мстислав покинул захваченный силами мрака город, и князь-чародей утвердился на престоле предков. Но уже его сыновья были примерными христианами, про которых никто не говорил, будто они способны перекидываться волком или «лютым зверем», проноситься в ночи чудовищные расстояния...

Времена чародеев и навьев в Полоцке подошли к концу. Через век после Всеслава поэт-язычник завершит рассказ о князе-оборотне словами другого оборотня и чародея — Бояна, Велесова внука: «Ни хитрому, ни гораздому, не знающему знамения птичьи, не избежать судьбы».

Победив врагов на полях сражений, полоцкий государь проиграл Судьбе, или, если угодно, истории³⁹.

И в те же годы, когда бурлил стольный Киев, по западным окраинам Руси рыскал со своею дружиной князь-оборотень, не было покоя и на востоке, и на севере.

И если в завоёванных варягами-русью землях сторонниками старой веры выступал кто-то из самого княжьего рода — будь то Святополк «Окаян-

³⁹ Однако вот, что удивляет — в самом конце XX века в России появляются два произведения, в которых утверждается, что князь Всеслав, чародей и оборотень, жив до сих пор. Разумеется, это фантастика — огромный девяти томник Андрея Валентинова «Око силы» и маленький, первый и самый лучший рассказ из цикла Ника Перумова «Русский меч». В одном вещей князь — настоящая нечисть, хладнокровный садист, повелитель оборотней и упырей. В другом — хранитель спрятанного в заповедной глуши от чужаков священного Русского меча — воплощённой судьбой России. И всё же невольно настораживают такие вот совпадения. Отчего именно он в двух вещах авторов, вряд ли охотно читающих друг друга, превращается в бессмертного, шагающего через века, где-то рядом с нами храня языческую память тысячелетий? Фантастика, конечно. Но всё же...

ный» или же Всеслав Чародей, то на севере, на землях, собственно и заселённых почти сплошь варяжскими колонистами, восстания против чужого бога возглавляли волхвы (в южных землях скорее всего истреблённые сыном хазарки Малки ещё в первые десятилетия после крещения 988 года — не их ли летописец и выводит под видом «разбойников?»).

Первыми (если не считать Богомила Соловья, вдохновлявшего новгородцев в 989 году на сопротивление крестителям) взбунтовались против новой веры волхвы Суздальской земли.

В 1025 году, под руководством волхвов, жители Ростовского края начали истреблять местную родовую знать, называемую в летописи «старой чадью» (новгородские летописи уточняют, что среди знати истреблению подвергались «бабы» — суть этого уточнения мы рассмотрим ниже).

Именно она, эта «старая чадь», была, по мнению языческих жрецов, повинна в исчезновении «гобина» — волшебной силы, сообщающей удачу людям и плодородие земле. Именно по их вине на «Понизовье», как именовали тогда Северо-Восточную Русь, царили засуха и неурожай. И уже после расправы с знатными людьми отправились за хлебом к булгарам.

В чём была вина местной знати, предположить легко — если вспомнить, что жители Ростовско-Суздальских земель, вряд ли не по её воле, помогали Добрыне и Путяте крестить Северную Русь.

Примерно той же простой логикой руководствовались англусы королевства Мерсия в VII веке, сочтя принятие новой веры повинным в разразавшемся вскоре море, а в XIX столетии схожим образом рассуждали представители племён Прикамья, видя причину неурожая в крещёных соплеменниках. Богов прогневали!

Для заподозренных, как легко догадаться, в обоих случаях это обошлось так же, как и в Поволжье 1025 года...

А ведь было — и моровые поветрия, и голодные годы враз за крещением... и в седьмом столетии, и в десятом, и в девятнадцатом...

И ещё одно — не было ли поволжское выступление последним отзвуком языческой реакции Святополка Ярополковича?

Князь Ярослав (тот самый, «Злой Хромец») обрушился на повстанцев с дружиной. По сообщению «Повести об основании града Ярославля», у капища Велеса неподалёку от будущего города князь лично зарубил секирой священного «лютого зверя» (на сей раз, похоже, под этим определением надо понимать обычного медведя). В честь этого события на гербе Ярославля и изображается по сей день медведь с секирой.

Странновато, право же — словно христианский мученик с орудием своего мученичества в руках.

Капище было разрушено, на его месте — возведена первая в этих краях церковь. А рядом встала княжеская крепость, принявшая имя князя, секирой проповедовавшего жителям Медвежьего Угла — это не обозначение, а название поселения, стоявшего

го в языческие времена на месте будущего Ярославля — новую веру.

Волхвы бежали или были казнены. Уж не знаю, произносил ли и впрямь перед их казнью сын крестителя те речи, которые вложил в его уста чернец-летописец — о всеведении божьем, о бессилии человеческого разума.

Мол, и голод, и мор, и засуха — всё это посылает за грехи людям христианский бог, а смертным человекам нечего даже и пытаться что-то изменить — только терпеть и смиряться.

Гораздо подробнее описаны события, вошедшие в летопись под 1071 годом. Там два волхва от Ярославля (не иначе, от того же Велесова капища) пошли по погостам (так тогда обозначали не кладбища, а центры округ, укрепленные поселения) во время очередного голода.

«Мы знаем, — говорили они, — кто обилье держит!» Обилье здесь — то же «гобино». К волхвам, пришедшим в «погосты», сама «старая чадь» приводила своих «жён, сестёр и матерей». И волхвы, по выражению летописца, «в мечте» (как сказали бы сейчас, «в изменённом состоянии сознания») прорезали женщинам «за плечами», вынимая то мёд, то жито, то рыбу.

Так они прошли по всему огромному краю, от Ярославля до Белоозера. По пути к ним присоединялись огромные толпы народа — летописец называет число в три сотни человек, конечно, условное, но дающее представление о масштабах выступления язычников.

В эти же годы Киево-Печерский патерик сообщает о гибели в Ростове от рук «невегласей»-язычников епископа Леонтия.

Впоследствии появилось и житие епископа — написанное по заказу Андрея Боголюбского через сто лет после жизни будущего святого, оно изображает его победителем в борьбе с язычниками, но этому можно давать столько же веры, как и факту назначения Леонтия епископом в Ростов непосредственно из Константинополя, минуя ненавистный Андрею Киев.

Из Киева же Леонтий пришёл в Ростов, о чём в житии умалчивается, вместо этого доверчивому читателю рассказывают об отроке, родившемся и выросшем в Царьграде, при этом хорошо знавшем русский и... мерянский языки.

Сильно подозреваю, читатель, что успехи Леонтия в борьбе с «неверием», описанные автором жития, в отношении исторической действительности стоят на той же доске, что и царьградский мальчишка, невесть где изучивший язык полудикого племени из лесов и болот Поволжья.

Скорее всего Леонтий пал жертвой именно приверженцев двух волхвов. Предшественники Леонтия, Федор и Иларион, были изгнаны из Ростова. Помогавшие Добрыне и Путяте обращать в заморскую веру новгородцев жители Ростова отнюдь не торопились сами отказываться от старых Богов — Каменное изваяние Велеса в Ростове будет низвергнуто в следующем, XII столетии, неким Авраамием.

Однако в Белоозере волхвы столкнулись с дружиной воеводы Святослава Ярославича, Яня Вышатича — кстати, прямого потомка Добрыни Хазарина. Толпа общинников не в одну сотню оказалась бессильной перед несколькими десятками профессиональных воинов.

Единственной жертвой отряда киевского воеводы оказался... походный поп. Обозлённый Янь потребовал от белоозерцев, назвав их «смердами своего князя», выдачи волхвов, угрожая в противном случае остаться у них «в гостях» вместе с дружиной.

Судя по всему, угроза годового соседства с буйными молодцами Вышатича всерьёз перепугала белоозерцев. Волхвов они выдали, а остатки рассеянных воинами княжеского воеводы повстанцев, видимо, не смогли защитить своих вождей.

Из последующего рассказа о допросе волхвов Вышатичем сделано много самых невероятных выводов — так, найдя сходство между якобы поведенным волхвами «мифом» о сотворении человека богом и сатаной (!!!) и позднейшими преданиями, записанными у мордвы, многие поспешили заключить, что и волхвы-то были некими «финно-уграми».

По разным причинам это устроило очень многих — православные славянофилы радовались возможности объявить, что христианству сопротивлялись и приносили жертвы Богам не русичи, крещёные-де ласково и тихо, «как младенец», а «чухна лесная».

Западники-прогрессисты, вроде небезызвестного Аничкова, в очередной раз радостно оповещали, что «эти русские» даже идолов и колдунов позаимствовали у финских дикарей — куда им самим чего-то выдумать!

Я далёк от шуток, читатель. Тот же Аничков, вполне разумно заявив, что заимствуют обычно неразвитые народы у развитых, в следующей строчке, не моргнувши глазом, чёрным по белому пишет, что-де из этого неопровержимо следует, что славяне должны, мол, были заимствовать волхвов у финских племён, ведь славяне же были ПРИМИТИВНЕЕ ФИННОВ.

Если это не Русофобия, то что, спрашивается, русофобией называть?

Учёным стоило бы лучше обратить внимание на следующее сразу за рассказом о творении человека поразительное «признание» волхвов. Лесные кудесники, по милости летописца, открытым текстом заявили-де воеводе, что поклоняются «Антихристу», который «сидит в бездне».

Разумеется, никакого понятия об «Антихристе» — как и о сатане из мифа — ни волхвы, ни их паства не имели и иметь не могли. Миф такой существовал не только у мордвы — возник он на Балканах, у еретиков-богомиллов, от них распространился на Русь, а оттуда — и в Поволжье.

Многие предания мордвы носят следы славянского влияния. Но во времена составления «Повести временных лет» скорее всего в Поволжье такой легенды ещё не знали — рассказ о создании человека приписал волхвам не то сам Янь, не то лето-

писец.

И никакими «финнами» волхвы, конечно, не были. Поведение волхвов и их земляков прекрасно укладывается в сообщения Ибн Русте, арабского автора X века, о «знахарях», почитаемых русами, и немецких хронистов — о могуществе и власти жрецов прибалтийских славян-варягов, дальними потомками колонистов-находников которых были и ростовчане, и жители Белоозера⁴⁰.

А если пробраться сквозь залежи крошечной лжи, нагроможденные вокруг истории волхвов христианским летописцем и его информатором, то станет очевиден, прежде всего, суеверный страх Вышатича перед волхвами.

Им забивают в рот кляпы-обрубки — очевидно, чтоб помешать им проклясть палачей. Им выдирают, зажав в «расщеп», бороды — символ колдовского могущества и жреческого сана. И даже после этого, натешившись вдосталь, каратель не смеет сам убить волхвов — он приказывает родичам принесенных в жертву знатных женщин: «Мстите!».

Есть в рассказе о восстании и гибели волхвов очень сильный эпизод, который не поняли ни исследователи, ни, похоже, сообщивший его летописец. Когда палач, видимо, приказав вырвать на минуту кляп изо рта пленных кудесников, глумливо полюбопытствует — что-де сказали им Боги (а куда подевались восседающий в бездне «Антихрист» и единственный бог, на пару с сатаной клепавший человека в «мифе»? очевидно, туда, откуда и пришли — в область фантазий монаха-летописца), жрец выдохнет окровавленными, разодранными губами:

— Встать нам перед Святославом!

Янь, как сказано, был воеводой Святослава Ярославича. Учёные поняли слова волхва так, что он требовал-де «законного» княжьего суда. Да какое дело было до князя-христианина, до законов веротступников жрецу древних Богов?

Неужели о нём он вспоминал перед лицом неотвратимой и мучительной смерти, словно булгаковский Иешуа, на кресте бормочущий «Игемон...»? Вы, читатель, как хотите — а я не верю в это. Не верю ни секунды.

Совсем другого Святослава поминал обречённый кудесник. Святослава Храброго, неколебимого поборника родных Богов, ужас христианской Византии, победителя хазарских предков Вышатича. С ним ждал встречи, закончив все свои земные пути...

Волхвов повесили на дубу, в междуречье Волги и Шексны. Дуб — почитаемое дерево у славян-язычников, а на мысах у слияния рек обычно возводили капища, так что место казни скорее всего было выбрано неспроста.

Так в Риме при «равноапостольном» Константине и «святом» Феодосии христиане убивали и зарывали в храмах Светлого Митры Его служителей, тем самым оскверняя святыню. Так потом комиссары будут расстреливать в алтарях священников и

⁴⁰ О волхвах и жрецах Руси подробно рассказано в моей книге «Тайны Киевского Пятибожия».

иноков, насиловать и убивать в церквях монахинь...⁴¹

«Какою мерою вы меряете, таковою и вам отмерено будет».

Правда, вслед за этим летописец сообщает, что висящие на дереве трупы волхвов снял, «угрызая» верёвки, и куда-то «снёс» медведь. Поведение, настолько не типичное для этого зверя, который вообще-то мертвечину не ест в принципе, что впору вспомнить: медведь вообще-то считался воплощением... Велеса.

Того самого скотьего Бога, в честь которого стояло капище в родных для казнённых волхвов Ярославских землях, кумир которого возвышался ещё в Ростове... ещё в XIX веке медвежий череп считался мощным оберегом и мог заменять над дверями хлева или в обряде опашки села... икону святого Власия или Николы Угодника.

Такой череп в русской деревне именовали скотьим Богом — как будто не прошло тысячи лет с тех пор, как скотьим Богом клялись Вещий Олег и Святослав Храбрый.

Так кто же — или **Кто же** — пришёл за волхвами, служителями Велеса, и куда их унёс?

Игорь Яковлевич Фроянов даже сравнивает посмертную участь волхвов с воскресением и вознесением — в языческом, разумеется, варианте.

Третьим — считая с киевским — выступлением волхвов в конце XI столетия было явление волхва в Новгороде в 1071 году.

Впрочем, И.Я. Фроянов, со ссылкой на данные дендрохронологии, высказывает предположение, что происходило всё несколько позднее, к концу семидесятых годов XI века. По стволам деревьев археологи обнаружили, что несколько неурожайных, засушливых лет прошли по Северу Руси именно тогда — а подобные условия были наилучшими для выступления приверженцев родной веры.

В Новгороде, по сообщению летописи, «стал волхв, «творяся аки Бог, многы прельсти, мало не всего града». Волхв обещал перейти, «аки посуху», Волхов, хулил христианскую веру и призывал «погубить» епископа Федора, преемника злополучного Стефана.

«Вси яша ему веру», отмечает летописец. Чтобы оценить значение этого «вси», надо помнить, что речь-то не просто о городе, уже сто лет как крещённом «огнём и мечом». Речь — о буйном Господине Великом Новгороде, чья история, как государства, началась со слов «и восста род на род, и не бысть в них правды» и закончилась распрей сторонников Москвы и Литвы, конец которой положил лишь приход московского войска.

Иные примеры единогодушного выступления новгородцев на чьей-либо стороне припоминаются с трудом. То есть весь город поддержал мысль об

⁴¹ Особо надо отметить любопытное истолкование размещения останков волхвов на дубу и последующее похищение их медведем у И.Я. Фроянова. Исследователь видит в подвешивании останков убитых кудесников на дубе их почётное погребение, символ их посредничества между Землёй и Небом.

отходе от новой веры и казни её верховного служителя.

Вокруг поднявшего крест Фёдора сгрудилась только оцетинившаяся клинками дружина князя-черниговца Глеба Святославича — люди, чужие Новгороду. А с другой стороны, за волхвом был весь город. Настолько непрочно оказалась в сердцах новгородцев пришедшая с «огнём и мечом» в северные края вера.

Особенно останавливаться на летописной версии того, как произошло-де убийства волхва, мы не станем. История о мнимом мудреце, не сумевшем предугадать собственную смерть, известна от Китая до Франции. Этой расхожей историей летописец прикрыл неприглядную истину — убийство жреца на переговорах.

Разумеется, не имеют особого смысла и рассуждения о каком-то особом языческом менталитете, по которому-де гибель волхва показала новгородцам его неправоту. Не могло быть таких убеждений в вере, великий защитник которой сказал: «Мёртвые сраму не имут!»

А то, что люди после гибели волхва не решились вступать в бой с княжеской дружиной, — ну, во-первых, гибель вождя, на людей любой веры действует угнетающе. Незадолго до новгородских событий в Англии, во время битвы при Гастингсе, нормандские рыцари-христиане, прирождённые воины, едва не кинулись бежать, решив, что их вождь, герцог Вильгельм, убит.

Тому пришлось идти на смертельный риск, сорвав в гуще сражения закрывавший лицо шлем, чтоб предотвратить бегство войска. Насколько ж тяжелее пришлось новгородцам, большинство которых были мирными людьми?!

А во-вторых — кто сказал, что не было стычки? Летописец-монах? Не знаю, как вы, читатель, а я вполне допускаю, что «людие разошлись по домам» под настоящим воздействием дружины князя Глеба, притом многие из них угодили в тот же «дом», что и несчастный кудесник.

Во всяком случае Новгород не простил — ни князю-убийце, ни вдохновителю вероломства — епископу. Очень скоро после этих событий Глеб был изгнан — изгнан, судя по всему, не миром — князю, по выражению летописи, пришлось бежать в земли чуди заволочской — кстати, веское доказательство, что убитый кудесник никакого отношения к этой чуди не имел, чего ради, в ином случае, его убийце искать укрытия в землях соплеменников жертвы?

Там он и обрёл бесславный конец. Недоброй смертью помер и епископ Федор — владыку, по сообщению Новгородской летописи, загрызли свои же псы.

Кто же из них не предвидел своей бесславной гибели на самом деле?

Однако попытки выступления волхвов в большинстве крупных городов Руси оказались подавлены — чем бы ни кончилось это для подавивших. И выступления благоволивших к язычеству князей, таких как чародей Всеслав или «охаянный» Святополк, и попытки волхвов поднять народ за-

хлебнулись в крови.

Города, эти узлы Земных сил, вместилища древних святынь, остались в руках приверженцев новой веры.

Впрочем, не все крупные города оказались под христианами. В результате ли деятельности волхвов, или по другим причинам, очень упорен в вере оказался стоящий на Волжско-Балтийском торговом пути город Муром.

Полтора столетия муромцы упорно изгоняли от себя, крестителей и святителей, начиная с сына Владимира Отступника — Глеба, перед которым горожане захлопнули ворота. Пришлось юному князю поселиться за городской стеной, поодаль.

Непреклонность жителей этого города даже снискала им на века прозвище «святогонов», державшееся ещё в XIX столетии. Однако, как говорится, сила ломит и солому — когда в XII столетии к непокорному городу подошёл князь Константин и, взяв его штурмом, принудил уцелевших креститься, прийти на помощь муромцам оказалось некому.

И вновь не чудеса святых, не слово проповедника, а простая грубая сила княжьей дружины проложила путь Христу в последний оплот язычества.

Штурм Муромы и крещение его жителей завершает кровавую эпоху первой гражданской войны на Руси.

В последний раз сошлись в схватке художественно сопоставимые силы язычников и христиан — городское ополчение муромцев и дружина Константина. Последний крупный центр вооружённого сопротивления насаждению новой религии был подавлен.

Пора, читатель, подвести итоги этой войне. Как введение новой веры сказалось на Руси, на её силах, на положении в мире, на уважении соседей.

Сравним, для начала, два широко известных сказания из «Повести временных лет», часто цитируемых во всевозможных книгах по истории. Оба повествуют о войнах с печенегами, герои обоих названы отроками.

Но действие одного происходит до крещения Руси, при Святославе, действие второго — после него, при Владимире. Вы наверняка сталкивались с ними, читатель, — это сказание об отроке, спасшем город Киев от печенегов в 968 году, пробравшемся из осаждённого Киева сквозь печенежский стан с уздечкой в руке и приведшем на подмогу осаждённым воеводу Претича.

Второе предание — об отроке-кожемяке, что в поединке у брода на реке Трубеж одолел печенежского богатыря.

Эти предания часто цитируют, но никому не приходит в голову сравнить их, и особенно — сравнить отразившееся в них отношение кочевников к Руси, к её князю.

В первом предании печенеги, едва услышав звуки труб в предрассветье, обращаются в повальное бегство, а их вождь, вернувшись и услышав от Претича, что перед ним — человек князя, идущий перед войском «в сторожах», то есть в разведотряде, торопится с ним побрататься, поменяться оружием.

Само имя князя-язычника наводит страх на печенегов, и их правитель почитает за честь для себя побратимство с воином Святослава.

Во втором — князь на месте, и дружина на месте, но печенеги не думают бежать, а их вожак обращается к Владимиру — не с предложением побратимства, нет, но с оскорбительным вызовом: пусть, мол, сойдутся в поединке бойцы, и если победит печенег — то кочевники будут три года беспрепятственно грабить и разорять Русь, если же одолеет русич — так уж и быть, уйдут назад в степь.

Чувствуете вы, читатель, какое-нибудь уважение к правителю Руси в этих словах? Лично я — нет. Впрочем, я уже говорил — трусость Владимира «прославила» его до далёкой Исландии. Печенеги, от которых недостойный сын Святослава прятался под мостом, наверняка знали о ней не хуже скандинавов.

Что характерно — во всём войске крестителя Руси не нашлось человека боеспособнее ремесленника-кожемяки. Вообще все предания летописи о войнах Владимира с печенегами отдают каким-то изумлением — неужели победили?

Победили хитростью, победили чудом — как на броду через Трубеж, как под Белгородом, как на месте будущего Василева — как раз там, где крещённый именем Василия сын хазарской невольницы спрятался под мост.

Между прочим, в летописи же утверждается, что дед крестителя Руси, Игорь, «повеле» печенегам атаковать Болгарию. Современник Игоря, Ибн Русте, называет Дон Русской рекой, а Чёрное море — Русским, «потому что по нему никто не смеет плавать, кроме русов».

«Киммерийский Босфор» — Керченский пролив — современник Игоря и Святослава Лев Диакон называет той базой, откуда Игорь совершал походы морем на Константинополь.

Ибн Хаукаль называет при Святославе Русской рекою уже Волгу и рассказывает, что недобитая хазарская знать, спасавшаяся от русов в Ширване, впоследствии просила, при посредничестве ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада аль Азди, у русов дозволения вернуться на условиях полного подчинения⁴².

Из этого следует, что русы не просто разрушили каганат, а взяли под контроль его территории, раздвинув до Волги свои границы. Тот же ибн Хаукаль пишет, что печенеги — это «острие в руках русов», которое те направляют против своих врагов.

А при Владимире вчерашние покорные вассалы деда, бегавшие от одного имени отца, те, чьи князья считали за честь побрататься с русским дружинником, каждый год приходят в земли под Киевом, и приходится возводить против них крепости — не на Волге, не на Дону, а на Ворскле, Суле, том же Трубеже, даже на Десне — в дне пути от столицы!

Теперь здесь проходит граница Руси с хищ-

⁴² Подробнее об этом — в моей книге «Кавказский рубеж».

ным миром кочевников Великой степи⁴³.

В «Слове о полку Игореве», когда описывается вступление Игоря с дружиной на вражескую землю, говорится: «Дивь кличеть връху древа, велить послушати земли незнаеме: Вльзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьский бльвань».

Трудно избавиться от впечатления, читатель, что автор великой поэмы сознательно внёс в список «незнаемых» для крещёных русичей земель места, славя их предков-язычников. Список возглавляет Волга — Русская река ибн Хаукаля, по которой водили корабли торговцы-русы времен Игоря.

В Поморье здесь надо, конечно, видеть не «Поморье Варяжское» и тем более не берега Белого моря, а побережье Чёрного моря, Русского моря X века. О том, что русы жили на этих берегах, ясно свидетельствует договор Игоря Старого с Восточной Римской Империей, Византией, в 944 году.

Сула, речка, впадающая в Днепр слева, была освоена славянами, самое позднее, с антских времён. Сурож — город, который взяли штурмом дружины князя Бравлина в конце VIII века. В Корсунь, Херсонесе, как мы помним, ещё Константин-Кирилл видел книги, написанные русским письмом.

Наконец, Тьмуторокань, древний русский город на месте современной Тамани, тоже вошёл в XII столетии в список «незнаемых» земель.

Очень трудно не почувствовать в этом перечислении привкуса горькой усмешки — ведь постоянно упоминающий «Трояновы века» язычества, упоминающий готов, «хинову»-гуннов и Буса, князя антов, автор «Слова...» не мог не знать, что все эти «незнаемые» земли были отлично известны русским язычникам всего лишь пару столетий назад.

И уже безо всякой усмешки, любовно, почти ласково — «дремлеть въ поле Ольгово хороброе гнездо; далече залетело!». Далече... а ведь ещё только «Игорь къ Дону вой ведеть»! нечего говорить про более дальние походы, вроде того же закавказского Бердаа. Пройдёт ни много, ни мало — девять столетий, прежде чем нога русского воина вновь ступит на землю Закавказья.

Покойный Вадим Кожинов, при всей своей православной правоверности, констатирует, что на те рубежи международных отношений, на которых стояла языческая Русь накануне её крещения, христианская Россия вышла лишь к XVIII столетию.

Черноземные земли Поднепровья и Подонья не стали житницами Руси — это одно изменило на века историю восточного славянства. Более того, они не просто остались в запустении. Потерянные Русью земли стали на несколько веков прибежищем гнёзд кочевых хищников.

Половцы сменяли печенегов, татары — половцев. Лишь в XVIII веке Румянцев, Суворов, Потёмкин раздавили последние логова разорителей русских сёл, торговцев голубоглазым, белокурым

⁴³ Очевидно, нужно добавить, что именно при Владимире был совершён первый набег норманнов на Русь, набег удачный — некий ярл Эрик разграбил Ладогу и с добычей ушел восвояси.

двуногим товаром — ногайцев и крымских татар.

Сколько русичей погибло, сколько было уведено в плен за восемь веков? Это — тоже цена, которую мы заплатили за кровавое крещение.

Сознавая, что выдвинул против своего любимого православия довольно сильное обвинение, Кожин оговаривается — мол, силы были переключены на «внутреннее устройство». То есть когда православные исследователи фиксируют истребление или запустение трети русских поселений в конце X века, то это объясняется «укреплением государства», а когда обнаруживают, что были потеряны огромные земли, то принимают за твердь о «внутреннем устройении».

Истина же, как читатель мог убедиться, состоит в другом: государство настолько «укрепилось», что уже не помышляло о войнах с империями вроде Византии или Хазарского каганата, а с трудом отбивалось от разбойных шаек кочевников и викингов.

Граница со степью с Волги откатилась на Десну и Трубуж, степные разбойники убивали и грабили под стенами Киева, морские разбойники жгли Ладогу, — вот как выглядело «укрепление» государства. «Внутреннее устройство», в свою очередь, состояло в размножившихся разбойниках, опустошённых городах и сёлах.

Но, может быть, принятие новой веры, за которое мы заплатили столь страшную цену, принесло нам хотя бы уважение соседей?

Во всех учебниках и статьях, посвящённых крещению Руси, неизменно отмечается, что принятие Русью христианства поставило-де её в ряд христианских стран, что с нею стали считаться, её стали уважать. Проще говоря, перестали относиться к русам, как к варварам.

Увы, перед нами очередной миф, постоянно поминаемый в литературе (это называется забавным словосочетанием «историографическая традиция»), но не имеющий никаких оснований в источниках.

Уж, казалось бы, кому проникнуться к русам братскими чувствами после обращения их в православную веру, как не византийцам. Но вот что пишет в середине XI века Михаил Пселл: «Это варварское племя всё время кипит злобой и ненавистью к ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет повода для войны с нами» (Хронография, Зоя и Феодо-ра..., ХСІ).

Нельзя сказать, чтобы Пселл относился к уже несколько десятилетий как крещённым русам с большим уважением. Впрочем, точно так же за полвека до Пселла император Никифор Фока отозвался о православных болгарях: «Грязное, во всех отношениях низкое племя... одетый в звериные шкуры вождь, грызущий сырые кожи».

Это последнее, если кто не понял, про царя болгар, к моменту произнесения исторической фразы уже век как православных, одевавшегося и кушавшего по последней византийской моде.

Просто бездна уважения...

Кстати, о бездне. Ещё один блестящий пример «уважения» православных византийцев к рус-

ским «братьям во Христе» — фреска Страшного суда в южноитальянском городе Торичелло. Согласно православному канону, внизу фрески изображён Сатана — пока без «архитектурных изгибов» вроде рогов, копыт или птичьих когтей, просто в виде тёмного страховитого старца с косматой бородой и длинными встрёпанными волосами.

У ног нечистого — как раз «бездна преисподняя», в одном из разделов которой из пламени торчат головы женщин с косами и мужчин... с чубами и усами на обритых головах. Из всех народов, известных византийцам, такую причёску носили только русы, начиная, как минимум, со времён Святослава и заканчивая XIII веком.

Венгерский монах Юлиан, странствовавший по Восточной Европе перед самым Батыевым нашествием в поисках прародины своего народа, видел подобные чубы на бритых головах русской православной знати в Матреге, как называет он русский Тъмуторокань, современную Тамань.

К моменту создания фрески в Торичелло прошло уже почти два столетия с момента, как с киевской Горы, по грязи и конскому навозу Боричева взвоза, проволокли в Днепр Бога русских побед, Бога Олега Вещего, Игоря Старого, Святослава Храброго, перед которыми трепетала империя.

Но русы остались в глазах «братьев во Христе» из Второго Рима проклятым, богоненавистным «народом Рос», племенем гогов и магогов, место которым — в «езере огненном и серном».

Для того чтобы оценить степень «братских чувств» новообретённых «родственников» из Восточного Рима к нашим предкам, надо знать, что сам собор стоял на землях Южной Италии. Землях, которые империи удалось отвоевать у византийских норманнов только благодаря православным дружинам «россов», впервые в истории исполнявшим «интернациональный долг».

В то самое время, когда где-то половецкие орды топтали нивы, чёрным дымом уходили в небо дома и брели степною тропкой-сакмой за конями кочевников русоволосые пленницы, их заступники — отцы, мужья, женихи, братья — рубились с норманнскими рыцарями под жарким итальянским солнцем, отвоевывая богатые итальянские земли для «православных братушек». Тех, которые потом «благодарно» изобразят соратников в своих церквях в адском огне, под лапами сатаны.

Нет, не принесла измена Богам никакого уважения отступникам. Никакого и ничего.

В конце XX века в стране их потомков повторилось нечто похожее — люди решили, что если откажутся от кровожадной и бесчеловечной идеологии, за которую умирали их отцы и деды, и сменят её на так называемые «общечеловеческие ценности» (исповедовала их на деле-то даже не четверть человечества, просто она была очень уж шумной и кричала о своих ценностях так, что остальных было не слышно; да и за людей исповедующих иные ценности не считала, вот и выходило, что её ценности — «общечеловеческие»), то их перестанут бояться и ненавидеть.

Очень занимательно в этом смысле познако-

миться с сериалом про похождения Джеймса Бонда, агента 007. В ранних сериях русские показаны без особой любви, но с заметным уважением. И глава грозного «Кей-Джи-Би», генерал Гоголь (очень похожий на Андропова), настоящий джентльмен, и сам «товарищ председатель» (похожий на Брежнева) — вполне разумные и достойные люди. А вот в заключительных, уже после развала Союза снятых сериях любви не прибавилось, а вот всё уважение — исчезло.

За что же уважать того, кто сам растоптал собственные ценности, собственные святыни, подавшись в смиренные ученики к тем, кто вчера трепетал от одного его имени?

То же, я убеждён, произошло в конце X века, за тысячу лет до «перестройки». Страх исчез. Вместе с ним исчезло и уважение. Вот уж воистину, как сказал Тютчев —

**Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не сыскать признанья у Европы.
В её глазах вы будете всегда**

Глава III. Параллельная Русь (XII в.)

«Не видя» друг друга — пат религиозной войны. Кирилл Туровский. «Слово о полку Игореве» — языческий шедевр. Обмолвки летописей. «Свои поганые» и «Турова божница». «Пургасова русь» и «чернь ростовская». Бродники и святые «Чертова леса». Археология — идолы и капища крещёной Руси. «Языческий ренессанс» и его причины. Двоеверцы

*Буй да Кадуй, ковыль да крыло,
Солнцем к ладони, ветром из глаз
В расколоте Небе не хватятся нас
Буй да Кадуй, ковыль да крыло...*

Д. Фангорн «Буй да Кадуй»

К концу XI — началу XII века в смертельной войне древней, Русской Веры с чужеземной религией наступило нечто вроде пата. Во-первых, города оказались прочно захвачены приверженцами заморского бога (за немногими исключениями вроде Муррома, которым, впрочем, предстояло вскоре разделить общую участь).

Как я уже говорил, потеря городов (и крупнейших святилищ, соответственно) имела для язычников не только стратегическое, но и важнейшее идеологическое значение. Волхвы, как каста, были обезглавлены, а кое-где — практически истреблены.

Активные выступления против новой веры стало, собственно, некому возглавлять. Во-вторых, с другой стороны, княжеская власть, рассыпавшись на враждующие кланы (Всеславичи, Мономашичи, Ольговичи и пр.), была уже не в состоянии оказывать церкви надлежащую силовую поддержку в её крестовом походе против русского язычества.

Да и желания, собственно говоря, не испытывала — крещёная военная знать, истребив конкурентов-волхвов, мигом потеряла интерес к насаждению «истинной» веры и со всей энергией предалась взаимоистреблению на бесконечных «нежатиных нивах» княжских усобиц.

Именно к этому времени относятся самые первые «Поучения» против язычества — лишив-

Не слуги Просвещения, а холопы.

Замените «Европу» на «христианский мир», добавьте к слову «Просвещение» прилагательное «христианское», и вы получите точный рисунок того, что произошло с Русью и русами в конце X века.

Подытожу эту печальную главу словами араба Аль Марвази, описывавшего крещение русов:

«Когда они обратились в христианство, вера их притупила их мечи, двери добычи закрылись перед ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию».

Вольно А. Карпову, биографу крестителя Руси, приведя эти слова, бодро рассуждать, что, мол, араб-мусульманин выдает желаемое за действительное. Надеюсь, читатель, я привёл достаточно доказательств того, что прав, увы, именно Аль Марвази, а желаемое за действительное выдаёт как раз Карпов и иные воспеватели Крестителя, просветившего-де дикую Русь благодатным светом христианской истины.

шись княжских огня и меча, церковь оказалась вынуждена обратиться к слову, к проповеди, к убеждению. И дело как-то сразу застопорилось.

Не зря, очевидно, знаменитый мафиозо, дон Аль Капоне, говорил спустя восемь столетий, что добрым словом и томмиганом можно сделать гораздо больше, чем просто добрым словом.

Язычники были бессильны отнять у христиан свои древние культовые центры-города. Христиане были бессильны обратить или истребить остаток язычников в городах — не говоря уж про сельскую округу, толком не тронутую даже проповедью христианской.

Приходилось учиться жить рядом со своими вчерашними смертельными врагами. Как наши Предки выходили из этой более чем непростой ситуации?

Надо сказать, что они нашли очень любопытный способ решения вопроса. Они попросту словно бы перестали замечать друг друга. До нас дошло два памятника XII века, в которых этот подход отразился с особенной силой.

Уже известный нам своими сочинениями против ариан церковный писатель и мыслитель Кирилл Туровский в своих сочинениях подчёркивал: русичи стали истинными христианами, с язычеством покончено, «уже не нарекутся Богом стихии, ни солн-

це, ни огонь, ни источники, ни древа».

Уже, пишет он, не «заколаем идолам друг друга», не вкушаем жертвенной крови, губя душу, — но спасаемся, причащаясь крови Христовой. Если верить Кириллу, XII век — век окончательного торжества христианства на Руси. Вот только и письменных, и тем паче археологических источников, говорящих прямо противоположное, более чем достаточно.

И почитали «стихии», молясь Солнцу, Огню Сварожичу, принося жертвы у родников и деревьев, и даже человеческие жертвы приносили — как ни парадоксально, ещё чаще, чем во времена безраздельного господства древней Веры.

Впрочем, ничего тут удивительного нет — в годы, когда привычный людям древней Веры мир погибал, древние святилища были разрушены — естественно было обратиться к самым сильным и страшным средствам, о которых не вспоминали в годы сравнительного благоденствия.

А теперь поговорим об одном из величайших памятников нашей литературы. О самом, без преувеличения, знаменитом её памятнике. Не все знают о «Повести временных лет» или «Русской Правде», не говоря уж о, скажем, «Молении Даниила Заточника» или «Сказании о гибели земли Русской».

Но вряд ли есть русский человек, который ни разу не слышал о «Слове о полку Игореве», о «плаче Ярославны».

«Слово...» не одной знаменитостью своей уникально. Пушкин, родившийся почти в то же время, как открыли рукопись «Слова...», сравнил его с памятником, одиноко стоящим посреди равнины. И помимо прочего, ни один памятник не задал исследователям столько вопросов, многие из которых до сих пор ждут ответа.

Миновало почти два столетия со времён Пушкина — а загадок не то, что не ubyло, их скорее прибавилось. Кто такой Див и что такое шерешеры, стрикусы? Что означает «харалужный» меч? «Полозие» — змеи-полозы или птицы-поползни?

Кто такие «были, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы», которых поминает в войске черниговского князя певец? Где находилась река Каяла, «Кисаня дбрь», какое отношение к сюжету «Слова...» имеет постоянно упоминающийся город Тъмторокань?

И так далее, и тому подобное. Одной из загадок «Слова» — увы, немногими замеченной — является вероисповедание автора. Многим — слишком, многим! — казалось, что если уж в его творении описываются события, произошедшие почти двумя веками позже низвержения Перунова кумира в Киеве, то никем иным, нежели христианином, он быть просто не мог.

Высказывались по этому поводу, и доказательствами-то себя особенными не утруждая. Великий русский лингвист и фольклорист Фёдор Иванович Буслаев походя кинул: «Автор «Слова..... как христианин...».

Карл Маркс — без ссылки на «единственно верные» труды которого в недавние времена не по-

лагалось не то что об истории рассуждать, но и о лесоводческом хозяйстве или приготовлении вкусной и здоровой пищи — выдал следующую оценку «Слова о полку...»: «Вся песнь носит героически-христианский⁴⁴ характер».

Один из «идолов» отечественной интеллигенции недавних лет, академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, неоднократно повторял в самых разных статьях и трудах: «конечно, христианин». Вот именно так — «конечно», и точка.

Можно долго перечислять столь же авторитетные имена, растянув их список на десятков-другой страниц. А можно просто посмотреть на иллюстрации к «Слову...» Д. Бисти, И. Глазунова, В. Носкова, Г. Поплавского и многих, многих других. В этих иллюстрациях на «стягах Игоревых» неизменно плещется лик Христа — Христа, ни разу не упомянутого в поэме, появившегося на русских, знамёнах не ранее XIV века.

Но как же тогда объяснить упоминания в «Слове...» языческих Богов? Многие авторы — среди них и замечательный писатель Валентин Иванов, автор замечательной трилогии «Русь изначальная», «Повести древних лет», «Русь великая» — писали, что здесь, мол, всё просто — вот ведь и поэты XVIII-XIX веков сплошь и рядом поминали в своих виршах «Зевеса», «Ветреную Гебу», «Лучезарного Аполлона», притом не являясь язычниками. Это-де всего-навсего художественный образ, только и всего.

Согласиться с таким объяснением невозможно. Да, конечно, поэты века Просвещения не верили в Олимпийских Богов — однако они не верили и в Христа!

Именно атеизм давал им свободу равнодушно играть именами Богов, чей культ угас за тысячу с лишним лет до их рождения. На Руси XII столетия ситуация была иная, да и про существование в нашей стране атеистов в тот век нет сведений.

Во всяком случае автор «Слова...» не вольнодумец: знамения и приметы, пророчащие неудачу Игореву походу, сбываются, пренебрегший ими князь наказан, молитва Ярославны — исполнена.

Быть может, это один из «двоверно живущих» христиан, не сумевших расстаться с привычными оборотами речи?

Писатель В. Чивилихин, много лет посвятивший изучению великой русской поэмы, справедливо отмечает: «В таком случае его христианские верования проявлялись бы заметнее. В самом деле, пожалуй, при изучении «Слова...» очень полезно обращать внимание не только на то, что в нём есть, но и на то, чего в нём нет.

А нет в «Слове...» упоминаний Христа — ни единого! — креста и православной веры. Упоминается Бог — но как? Если не считать составной части в именах Даждьбога и Стрибога, он упоминается только дважды.

⁴⁴ «Если только что можно назвать неевангельским, так это именно понятие «герой» — заметил как-то, хотя и совершенно по другому поводу, Фридрих Ницше — и спорить с ним в этом вопросе трудно.

Первый — в речах волхва и оборотня Бояна, Велесова внука, обращённых к полоцкому оборотню, князю Всеславу Чародею. Очень сомнительно, что между этими персонажами мог упоминаться христианский триединый господь.

В другом случае — «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую». Тут вроде бы всё в порядке... вот только этот Бог помогает Игорю сразу после молитвы его жены (знаменитый «плач Ярославны»), обращённой к... Солнцу, Ветру и Днепру Словутичу⁴⁵. Какой Бог исполняет языческую молитву? Очевидно, не Христос.

Нет в «Слове...» таких основополагающих для христиан понятий, как страх божий, грех и покаяние, гордыня и смирение, спасение души. Душу «изроняют» из тела, умирая, её сравнивают с жемчужиной, у оборотня Всеслава «въща душа в дързе теле» (это иногда понимают как способность «вещей», колдовской души князя-колдуна вселяться в «другое» тело — очевидно, тех самых волков и «лютых зверей»), но нигде ни слова о спасении души.

церкви упоминаются — но только как географические ориентиры. Всеслав в Киеве слышит звон колоколов полоцкой Софии, Игорь, поднимаясь по Боричеву взводу к терему великого киевского князя, едет «къ святей богородици Пирогощей».

Однако в церквях герои «Слова...» никогда не молятся — как вообще не обращаются к христианскому богу. «Отдельные христианские признаки низведены на роль скромных топографических ориентиров» (Б.А. Рыбаков).

Даже истовый сторонник христианства автора «Слова...», Дмитрий Сергеевич Лихачёв, был вынужден признавать: «Меньше всего в «Слове...» той христианской символики, которая стала типичной для церковноучительной литературы. Здесь, конечно, сказан светский характер произведения».

Увы, почтенный академик лукавил. Обратимся для сравнения к двум произведениям русской литературы XII века — «Поучение детям» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника. Оба произведения заведомо светские — «Поучение» писал князь для своих сыновей-князей, «Моление» написано бывшим холопом и адресовано князю.

Даниил к тому же и не старается прикинуться почтительным к христианскому духовенству: «Ангельский на себе имея образ, а блудной нрав; святительский имея на себе сан, а обычаем похабен».

А теперь откроем «Поучение». «Аз, худый... во крещении Василий... помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих дней грешнаго допривади... Бога деля и души своея, страх божий имейте... Не могу вы я ити, ни креста преступити... взем

⁴⁵ Современные христиане тшятся в буквальном смысле за уши втащить великую поэму в свою систему ценностей и уверяют, что Ветер здесь — «Дух Святой», а Солнце, «Светлое и Трисветлое» — не то «Солнце истины», Христос, не то почему-то отдельная от «Духа Святого» Троица. Осталось только доказать, что Днепр Словутич — это не кто иной, как бог-отец, и дело в шляпе...

Псалтырю в печали, разогнух ся и то ми ся вынял: «векую печалуешься, душа моя?»).

Это всё — в первых же строках. А вот какие выражения подбирает для своих мыслей — на сей раз уже не о духовенстве, а о своей собственной жизни — вольнодумный Заточник: «Въстани, слава моя, въстани в псалтыри и в гуслех... и разбих зле, аки древняя младенца о камень... Аз бо есмь, аки она смоковница проклятая... И рассыпаса живот мой, аки ханаонский царь буестию, и покры мя» нищета, аки Чермное море фараона».

Хватит, пожалуй, — и тут остановимся на первой странице. Он и церковников-то бичует библейскими выражениями — иноки возвращаются «на мирское житие, аки пес на своя блевотины», корыстные иереи — «аки псы ласкосерды».

На фоне этого парада крестов, молитв, покаяний, божбы и цитат из Библии «Слово о полку Игореве» смотрится чем-то очевидно чужеродным. Нечего и говорить, что ни в «Поучении», ни в «Молении» ни разу не упоминаются ни трижды поименованный в «Слове...» Троян, ни — дважды — Дажьбог и Див, ни Обида, Хорс, Велес, Стрибог, Карна с Желей.

Ссылки на «фольклорность» «Слова...» тут не помогут — «Моление» Даниила Заточника перенасыщено присловьями и поговорками — тем самым «фольклором», и даже «Поучение» не совсем ему чуждо.

Да и трудно поверить, чтоб неведомый автор «Слова...», называвший «братие» князей Рюрика дома и запросто называвший их жён по отчествам (мы как-то забываем, что «Глебовна» и романтическое «Ярославна» в те времена звучало столь же подомашнему, как сегодня — Петровна, Егоровна), был ближе к «фольклору», чем бывший холоп Заточник.

Нет, всё-таки очень странно это полное отсутствие христианских реалий в «Слове о полку Игореве».

А теперь посмотрим на то, что всё же в «Слове о полку...» есть. Взглянем глазами средневекового русского христианина, благо его взгляд отражён во множестве источников.

Первыми рассыплотся построения исследователей-атеистов XX века о языческих Богах «Слова...» как «поэтических образах», используемых поэтом-христианином.

Для христианина той эпохи языческие Боги — вовсе не безобидные «поэтические образы». И Ветхий Завет и Новый равно суровы в своей оценке: «боги языцей — бесы!» (Втор, 32:16-17, Пс. 105:37, Коринф. 10:10). А потому — «Не вспоминайте имени Богов их» (Ис. Нав. 23:7) и «не помяну их имен устами своими» (Пс. 15:4).

Ведь беса-то, как известно, лучше не помнить. Церковь подхватывает запреты Писания — Ефрем Сирий, один из «отцов церкви», наставляет, что о язычестве «срам говорить»⁴⁶. Древнерусские

⁴⁶ Вот, кстати, и ещё причина, по которой летописец молчит о подлинной природе «разбоев», умножившихся в конце княжения Владимира, подлинной причине

авторы ничуть не сомневаются, в большинстве своём, в учении церкви о кумирах своих предков и многих современников.

«Память и похвала князю нашему Владимиру» Иакова Мниха говорит вполне ясно: «поганьскы Боги, паче же и бесы, Перуна и Хърса, и ины многы попра». В «Хождении богородицы по мукам»: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на боги бра-тиша, бесом злымь вероваша». И оттого-то упоминают о Богах языческой Руси крайне скудно.

Собственно, упоминание это русские средневековые авторы позволяют себе лишь по двум поводам. Первый из них — это описание далёких языческих времён — и тут уж православные авторы не устают подчёркивать в каждой строке, что поклонявшиеся «идолищам» предки — «люди погани и невелики», что жертва русским Богам оскверняет землю, что обряды язычников радуют дьявола, — короче говоря, неперемное требование «разоблачения чёрной магии» родилось задолго до булгаковского Аркадия Аполлоновича Семплеярова.

Собственно, что уж там и говорить о XII веке, если полтысячи лет спустя перешедший в православие прусский выходец Иннокентий Гизель, упомяная в «Синописе» языческих Богов, которым поставил капище Владимир в 980 году, и то именуется их «пекельными», то есть адскими, и попросту бесами, и всячески подчёркивает, что говорит об этом «бесовском отродье» единственно ради того, чтоб лишний раз подчеркнуть «безумную» и «дьявольскую» природу язычества.

Вторым поводом, по которому писатели русского Средневековья позволяли себе упомянуть имена страшных языческих «бесов», были поучения против язычников и коснеющих в «двоеверии» единоверцев. Тут уж, всякому понятно, никак не обойтись без хотя бы упоминания Тех, против кого проповедуешь и поучаешь, — однако и здесь осторожные книжники предпочитали пользоваться списками из той же летописи — всё не их грех, за святым Нестором повторяют!

Вне этих двух тем — рассказов о языческом прошлом и поучений против язычества — языческие Боги во всей древнерусской литературе упомянуты только в «Слове...». Больше — нигде. Зато в «Слове о полку... «Стрибог, Дажьбог и Велес в его поэме оказались на таком почётном месте, что совершенно заслонили собой незначительные элементы христианства», — пишет Б.А. Рыбаков.

То есть одним только упоминанием Дажьбога, Стрибога, Велеса, Хорса, Дива, Обиды и прочих без обязательного разоблачения Их «бесовской» сущности творец «Слова...» тягчайше грешит.

На этом, однако, дело не останавливается, если бы... «Слово о полку...» очень полезно читать, держа в другой руке открытыми современные ему поучения против язычества — благо они изданы ещё Гальковским, во втором томе его, в свой черед, недавно переизданной работы.

Трудно отделаться от впечатления, что созда-

тель «Слова...» сознательно и целенаправленно восхваляет запрещаемое этими поучениями, нарушает их суровые запреты — точнее, сподвигает на это своих героев. Тяжкий грех пытаться предсказывать судьбу по голосу птиц, поведению зверей.

В «Слове святого отца Кирилла о злых дусех» рассказывается о суеверных людях, которые прислушиваются к голосу «потьк», птах — дятлов, воронов. «О, злое наше безумие, добровольно лишаемся Господа и к поганым прилагаемся!» — восклицает обличитель.

Существовало особое «Правило о верующих в гады и звери», где запрещается даже слушать «еретические» речи тех, кто внимает голосам петухов, воронов, дятлов, и прочих птиц, лисиц, пытаясь угадать по их поведению «добрый» или «недобрый» исход дела.

В «Слове...» звери, птицы и вся Природа на много голосов вещуют поражение «полку Игореву» — вспомните: орлы зверей клекотом скликают на кости русские, лисицы на червленые щиты брешут, волки грозу зовут по оврагам.

И все эти приметы — сбываются, а пренебрегший ими (как, собственно, христианину и надлежит поступать) князь терпит поражение и попадает в плен.

Далее, по поучениям, толкующий сны за одно только это будет осужден вместе с самим сатаной (!), если только не покается: «иже бо сониемь и мечтаниемь веруай, безо инаго греха съ диаволомь осудитя, яко еговь слуга». В «Слове...» великий князь видит сон, просит у бояр истолковать его и получает правдивый ответ.

Тягчайший грех — путать тварь с «Творцом», поклоняться ей, почитать Солнце, реки, стихии. «Ноты (человек) Того (бога) оставив, рекамо и источникам требы полагаеши и жрещи яко богу твари бездушной».

Ещё в XIV веке «Слово святого Кирилла» наставляло читателей: «А не нарицайте себе бога на земли, ни в реках, ни в студенцах, ни на воздухе, ни слнци (в солнце)». Строгие исповедники требовали у духовных чад покаяться: «Не называл ли тварь божию за святыни: солнце, месяц, звёзды, птицы, рыбы, звери, скоты, сада, древо, камение, источники, кладезя и озёра?»

Это, опять-таки, происки «врага рода человеческого»: «вельми завидитъ диаволь родоу человеческому... и въ тварь прельсти веровати: в слнце и въ мсць и въ звезды».

В знаменитом «плаче Ярославны» супруга князя взывает⁴⁷ с городской стены к Солнцу, Ветру

⁴⁷ Любопытно, что в поэме сказано: Ярослава плачет на стене, «аркучи». Это слово переводчики торопливо и совершенно разделили надвое «а ркучи». Между тем перед нами очень древнее слово — оно имеет созвучие даже в санскрите, языке древних Ариев. Там «аркати» означает именно молиться. Отсюда же и северно-русское диалектное «аркаться» — браниться. Естественно, такой смысл древнее обозначение языческой молитвы получило уже под влиянием христианства, когда само поминание древних Богов — «бесов» — превратилось в брань-чертыхание. Отсюда же и прославленная

«Окаянства» Святополка, первопричине «мятежа великого» в Киеве 15 сентября 1068 года.

(воздуху) и Днепру Славутичу (реке), просит их за мужа, величает так, как христианину, тем паче христианскому правителю, пристало бы именовать лишь Христа — «господине» — и молитва её вознаграждена, князь спасён и от смерти, и от плена.

Вспомним — «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую». Христианский-то бог за молитвы «твари», за величание Господами Солнца, Реки и Ветра, должен бы сурово наказать — а здесь некий Бог эту молитву исполняет. Да и сам Игорь чувствует речку Донец — а Донец помогает ему в ответ.

Кстати говоря, в беседе бегущего из половецкой неволи князя с Донцом Игорь осуждает речку Стугну, не в пример помогающему Игорю Донцу погубившую молодого «уношу князя Ростислава». Погибшего юного князя вместе с его матерью оплакивает вся Природа: «уныша цветы жалобою и древо съ тугою къ земли преклонилось».

Вот только у христиан был свой взгляд на то, кто и почему погубил юного князя! Вернее даже будет сказать — за что.

А дело было так. Юный Ростислав Всеволодович направлялся из Киева в свой первый поход на половцев. Проезжая днепровским берегом, повстречал монаха Киево-Печерской лавры, на мелководье мывшего посуду для монастырской трапезной.

Князь этой встрече вовсе не порадовался — уже тогда встреча с монахом или священником стала считаться на Руси дурной приметой (вспомнив прочтённое, читатель, полагаю, не станет этому сильно изумляться).

«Аще кто бо усящеть (встретит) чернорица, то возвращается», — сетует автор «Повести временных лет», сам монах, так сказать, из первых рук знакомый с проблемой. Юный князь возвращаться не стал, но раздосадован был крайне. Первый же поход — и вот такое, с позволения сказать, благое предзнаменование! Надо ж было чернорясому выползти именно в это время!

Слова, которые услышал печерский чернец от князя, менее всего походили на приветствие смиренного духовного сына. Вполне, впрочем, возможно, что, кроме простого раздражения, князем двигала вера в обережную силу матерной брани — наследницы заклятий культа плодородия.

Ещё в начале XX века среди православного крестьянства бытовало убеждение — мол, ежели нечисть досаждаёт и крестное знамение её не страшит, надо... обложить её, проклятую, по матушке, да поярёнее. Обязательно поможет.

Монах — его звали Григорий — попытался унять разбушевавшегося князя, возможно, в духе «Слова... о веровавших в стречу и в чех»: «Кто... смрадит (оскорбляет) мнишеского чина и образа, той бо посмражает... ангела божия понеже мниси подобие носят ангельского образа».

Грозил карой Христовой. Увещевания, однако, оказали противоположный эффект. Окончательно разгневавшийся Ростислав повелел свите уто-

пить Григория, что и было исполнено — Днепр-то был под боком.

Встреча с монахом действительно оказалась для князя роковой — первый поход стал для юноши последним. Он утонул в водах той самой Стугны на переправе. Естественно, христиане восприняли эту гибель как заслуженную божью кару — ещё бы, поднять руку на монаха, земного ангела!

А вот создатель «Слова...» через сто с лишним лет безо всякого, в общем, повода вспоминает эту историю, совсем по-другому расставляя акценты. Ангелом в его описании выглядит скорее не утопленник Григорий, вовсе не упомянутый.

Ладно ещё, когда по горячим следам о Ростиславе сожалел летописец его клана, Всеволодовичей. Но ведь во времена «Слова...» раздор Всеволодовичей и «хороброго гнезда» Олега Святославича, восплаваемого автором «Слова...», насчитывал уже более ста лет — к чему ж вдруг поминать, да ещё столь прочувствованно, давнюю смерть кровника своего героя? Убийцу христианского мученика?

Причём и в смерти-то его, оказывается, виноват не обходимый молчанием Христос, и уж тем более не сам юноша-князь — виновата река Стугна.

Читатель, а вы поверите в христианство автора, оплакивающего безвременную гибель, ну, скажем, великого поэта и актёра Нерона? Вот и мне тоже что-то не верится...

Но есть и ещё более суровое подтверждение нехристианских воззрений автора великой поэмы. Вспомним строки, описывающие разгром и гибель дружин Игоря и его союзников половцами. Вспомним скорбный плач русских жён и дев по погибшим в степи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати».

Что должен был ответить на этот плач любой христианин того времени... впрочем, почему «был» и почему только того? Ещё в XX веке на знаменах православных воинств красовались знаменательные слова: «Чаем воскресения мёртвых и будущего века».

И так было с первых веков православия на Руси — ещё первый митрополит русской церкви Иларион, живший за полтора века до создания «Слова о полку Игореве», в своём «Слове о законе и благодати» выдвигает воскресение из мёртвых как основной догмат христианства⁴⁸.

Пасха — день Христова Воскресения, прообраз грядущего телесного воскресения людей — была у православной Руси самым любимым праздником. И ещё в Московской Руси переписывали «Слово святого Дионисия о жалеющих» — то есть творящих ритуальные обряды оплакивания мёртвых, чрезмерно, с точки зрения христианства, сокрушающихся об усопших.

Любому христианину естественно и даже необходимо было бы ответить на горький плач русских жён: «Не плачьте! Да, сейчас смерть разлучила вас с возлюбленными, но будет день Воскресения, и

Аркона на острове Рюген (Руян, Буян, Рус), попросту — «Мольбище».

⁴⁸ За указание на этот факт выражаю свою благодарность пономарю Троицкого собора г. Ижевска Егору Харину.

перед лицом Спасителя вы встретитесь вновь».

Автор «Слова о полку Игореве» уничтожил возможность такого утешения буквально в зародыше. Не зря древняя демоница скорби, тоски, вдохновительница погребальных обрядов Желя, по имени которой, собственно, и называлось осуждаемое авторитетом святого Дионисия «желение», несётся по страницам поэмы.

Плач русских жён он предварил страшным, с христианской точки зрения попросту чудовищно кощунственным утверждением: «а Игорева храброго пьлку не кресити!» Мало того, он впоследствии повторяет это, отвергающее основные догматы христианства, утверждение. Не будет никакого Воскресения!

Воины, ушедшие в поход вопреки явленной в знамениях воле Древних Богов, ушедшие в чужую землю без погребального обряда, НЕ ВОСКРЕСНУТ. Они никогда не увидятся с возлюбленными. Колесо перерождений раскидает их навсегда...

Что ж удивляться тому, что «Слово о полку...» дошло до нас в единственном списке? Надо удивляться, что оно дошло до нас вообще — и, удивляясь, поблагодарить неведомого инока-переписчика, дописавшего к заключительным строкам «Слова» благочестивое: «побарая за христьяны на поганья пльки... аминь».

Неважно, что в поэме, словно не знающей Христа и чуть ли не на каждой странице поминающей древних Богов, оплакивающей убийцу монаха-мученика и отвергающей основополагающие догматы христианской веры, такое окончание смотрится не более естественно, чем смотрелось бы мусульманское «бисмилляху рахмани рахим» в конце «Песни о Роланде» или «Сказаний о Мамаевом побоище».

Не будь их, мы вообще бы не знали «Слова о полку...». Так что в этом — и только в этом — смысле небезызвестный диакон Андрей Кураев прав, называя «неведомого монаха» «автором» великой древнерусской поэмы⁴⁹.

В тот день, когда чернец-переписчик «прикрыл» явно языческое сочинение добродетельной припиской, состоялось, можно сказать, второе рождение великого произведения.

Однако сомнений в подлинном вероисповедании её создателя лично у меня более не возникает.

Человек, пятнадцать раз использовавший слово «слава» (причём только применительно к князьям; для сравнения — тот же Заточник упомянул это слово лишь единожды, в цитате из Псалтыря, и, естественно, в отношении бога) и словно не знавший таких слов, как «смирение, гордыня, покаяние, грех, спасение»; верящий в приметы, снотолкования и силу языческих молитв, но обходящий презрительным молчанием силу «креста животворящего» и служителей церкви Христовой, воспевавший убийцу христианского мученика и прямо заявивший о сво-

ём неверии в грядущее воскресение мёртвых... такой человек просто не мог быть христианином, пусть сколь угодно поверхностным и «двоеверно живущим».

Если б одно, ну два прегрешения из этого списка — речь ещё могла бы идти о непоследовательности в христианстве, но наблюдается как раз последовательность — вот только совершенно нехристианская.

Перед нами, читатель, последовательный, убеждённый язычник, один из тех, кто за два столетия не смирился с торжеством чужой веры, из тех, для кого, по выражению автора «Повести временных лет», «вера хрестьянска уродство есть».

Восхищаясь древней песней Русской славы, помните, читатель, — это всего лишь крохотный осколок, отблеск языческого Солнца в обломке разбитой чаши. Вся вот эта дивная прелесть, скоро третий век как вдохновляющая лучших художников, поэтов, композиторов, — это, образно выражаясь, всего лишь одно из колец на коновязи, что стояла во дворе храма культуры языческой Руси.

Поверите ли, что сожжённый храм был «сарамем»?

Открыто выступить против христианства и Христа создатель «Слова...» не решался — всё же новая вера уже два века как господствовала в городах Руси. Он просто молчал про них — как Кирилл Туровский обходил молчанием огромные капища, на которых продолжались жертвоприношения и в его времена.

Один древнерусский писатель делает вид, что язычество на Руси полностью исчезло (и ему, увы, верят). Другой — делает вид, что христианства вроде бы и нет (чего, увы, не замечают). Два великих писателя Древней Руси — блестящий образ расколовшегося надвое народа, причём каждая из частей, отчаявшись поглотить или уничтожить другую в ходе Столетней гражданской, старательно делала вид, что её, другой, попросту нет.

Они жили рядом, но старались не замечать друг друга, не пересекаться. Рядом с известной нам по сохранившейся — в монастырях! — литературе крещёной Русью XII века существовала, по сути, другая страна (как позднее, в послепетровские времена, будет две России: народная, деревенская, и европеизированная, дворянско-чиновничья). Существовала параллельная Русь.

На самом деле летопись то и дело проговаривается об этой стране — параллельной Руси. Если знать, что искать, — урожай находок может оказаться неожиданно щедрым.

Взять то же выражение — «поганым бо вера хрестьянска уродство есть». Здесь показательно то, что слово «есть» летописец, рассказывающий вроде бы о временах Ольги и Святослава, упоминает в настоящем времени.

Значит... значит, это мнение его современников, не оставивших прежних, родных Богов, не язычников X века, а язычников века XII.

А таковых хватало даже в Киеве — не говоря про окраины вроде Волыни, Муррома, вятических

⁴⁹ Хотя в целом данное утверждение является типичнейшим выражением неискоренимой тяги христианской церкви к, по деликатному выражению самого диакона, «трофеям».

чащоб.

Ипатьевская летопись под 1198 годом рассказывает о всеобщем ликовании, охватившем киевлян при вокняжении на столе «Матери Городов Русских» князя Рюрика. «И обрадовалась вся Русская земля о княженьи Рюрикове, кияне, и крестьяни и погани, зане всех принимае с любовью; и крестьяныи и поганяны».

Видимо, столь справедливое отношение к некрещёным землякам было редкостью — но сам факт существования среди «киян» язычников, «поганых», может очень и очень удивить неподготовленного читателя.

Оказывается, даже после поражения 1069 года далеко не все жители Киева, стольного Киева, из русских городов крещённого первым, отошли от родной Веры — а ведь с дней, когда Отступник бросал кумиров в Днепр, прошло более двухсот лет!

Тут лично у меня появляются глубочайшие сомнения: а являются ли «свои поганые», упоминаемые летописью в составе княжских дружин XII столетия, так уж обязательно осевшими на землю кочевниками — торками, берендеями, чёрными клобуками и прочими ковуями — прообразом грядущих служилых инородцев Московии, как обычно понимают этот летописный оборот.

На Руси в те годы, как выясняется, хватало «поганых» вполне славянского происхождения! Скажем, воинов Андрея Боголюбского летописец несколько раз называет «погаными» — между тем никаких берендеев или торков в воинствах владыки Залесья попросту не могло быть!

В самом Киеве даже несколько раз упоминается Турова Божница на Подоле, у которой собиралось киевское вече, когда горожане собирались выступить против князя.

Историки сломали немало копий в спорах о том, что за божница такая, были даже предположения, что Туром звали одного из тех самых варягов-мучеников, погибших от рук оскорблённых ими киевлян в 986 году.

Да только доказательств никаких не нашли. И никакого святого Тура святцы не знают — ни в те времена, ни много позже. Более того, слово «божница» в летописи не применяется к православным храмам!⁵⁰

Иногда на Севере Руси божницей называли католические — то есть опять же не православные — храмы, но очень сомнительно, чтобы киевское вече собиралось у молебни чужеземцев. А то, что язычники на праздниках своих «некоего Тура сатану... вспоминают», сообщается ещё тем же Гизелем.

В Северо-Восточной Руси, над Галицким озером, стояло капище Турово. Воинственный Бог Тур упоминается и у сербов. И очень возможно, что именно в честь его стояла на киевском Подоле «божница», у которой собирались киевляне, если были недовольны князем — князем, чья власть освящалась новой верой.

И именно к ней скорее всего ходили на по-

⁵⁰ За указание на этот факт вновь приношу благодарность Е. Харину.

клон те самые «кияне... погани», коих, проговорившись, вспомнила летопись в 1198 году. И это далеко не единственная обмолвка в христианских рукописях того времени, позволяющая заключить, что христианство на Руси вовсе не было таким уж всеобъемлющим, как того хотелось иереем, и кроме «двоеверно живущих» христиан, существовали на крещёной Руси и «свои», русские, «поганые».

Любопытно, кстати, что сами к себе русские язычники, как уже было сказано, имени «поганых» не применяли. Тот же автор «Слова о полку Игореве» упорно именуется «погаными» половцев да литву — что для такого человека несколько даже удивительно.

Хотя с другой стороны — ведь это название было дано его вере чужаками, а он слышал его в качестве брани — (как к русским националистам иные индивидуумы не так давно применяли слово «фашист»). Вполне естественно, что он в таком качестве его и употреблял.

Сохранились, скажем, такие предписания: человек может стать попом, если только он не совершил до крещения убийства. Ясное дело, что здесь речь не про младенцев — вряд ли те могли кого-то убить перед тем, как их опускали в православную купель.

Недаром весь XII век православные церкви строились с обширными, рассчитанными явно не на новорождённых, крестильнями-баптистериями. Такие сооружения, кстати, вновь появились возле церкви, начиная с конца 1980-х годов, во времена так называемого церковного возрождения.

Стало быть, взрослый, пожелавший обратиться в христианство, был для Руси XII столетия столь же обыденным делом, как и для конца XX.

Бывали, как ни удивительно, и обратные случаи. И.Я. Шроянов сообщает о совершенно изумительном документе — особом покаянном каноне для человека, который, родившись в православной семье, затем отпал от православия, а потом — вновь пожелал вернуться в лоно православной церкви.

Вновь обращённый обязан был при всём народе проклясть соблазнившую его веру и поститься сорок дней. Причём вера, в которую впадали отступники, — это язычество. То есть человек родился в православии, впал в язычество — а потом, раскаявшись, вновь решил обратиться к вере Христовой — это ж только вообразить такое завихрение, такую жизненную коллизию!

И ведь, судя по тому, что посвятили этому случаю особый канон, был это не единичный случай! Уж не суровые ли дни кровавой Столетней гражданской описывает данный канон?

Между прочим, случаи, когда христианин вновь обращается к религии своих предков, истории известны. В дни гибели Римской империи жил в Италии такой поэт — Нонн Панополитанский. От него до наших дней дошли стихотворное переложение Евангелий и языческое житие Диониса.

Причём переложение Евангелий написано, называя вещи своими именами, довольно коряво и неумело, ученическим слогом. А описание деяний весёлого бога вина блещет красотами стиля, изыс-

канной игрой звука, неизбитыми рифмами и сравнениями.

Исследователи его творчества неизменно выражали недоумение по этому поводу — а ларчик, подозреваю, просто открывался. Нонн, как те неведомые русичи, тоже, по всей видимости, родившись в христианской семье, затем ушёл из христианства в язычество.

Если городская Русь ещё была кое-как крещена, то с предстателями «языков» из славян, населявших Восточную Европу до того, как туда пришла с балтийских берегов русь, дело обстояло и во все с точки зрения церкви печально.

Так, рассказывая о нехристианских погребальных обычаях вятичей и радимичей, летописец завершает рассказ словами: «Так же делают кривичи и другие поганые». То есть ни вятичи, ни радимичи, ни кривичи и христианами-то во времена летописца не считались.

А это, между прочим, весьма обширные земли — вся современная Беларусь, да Псковщина со Смоленщиной в придачу, да Московские, Тверские, Калужские, Рязанские земли... про Муром мы уже говорили.

Новгородский архиепископ Илья в 1166 году говорил своим подчинённым, что «земля наша (*видимо, собственно «земля» — сельская округа, в отличие от собственно Новгорода.* — Л.П.) недавно крещена», и вспоминал, как очевидец, первых попов. А «Слово невежам о посте» описывает «бе-сов»-навых, которых плохие христиане угощают в банях трапезой на Великий, или Страшный, Четверг.

Насытившись, писал автор-церковник, нечистые утверждают, что подобного почтения они не встречали в своей исконной вотчине — в землях нехристей: «Мы же походили по болгаром, мы же по половцем, мы же по чуди, мы же по вятичем, мы же по словенем».

Вместе с Гальковским, опубликовавшим «Слово... о посте», под болгарам мы понимаем волжских болгар-мусульман — хотя среди дунайских болгар, как о том говорится во введении, долго ещё поминали языческих Богов и Богинь, народ в целом был крещён ещё в IX столетии.

Про «датирующее» значение половцев в этом отрывке мы говорили в связи с Всеславом. Чудь — финно-угорские племена — также долго оставалась некрещёной. Вятичи нам уже известны как ревностные сторонники языческих обрядов.

В том же XII веке они обеспечили церкви ещё одного мученика: печерский монах Кукша чересчур ревностно насаждал на их землях новую веру — ревностно и, по всей видимости, безуспешно. За что и удостоился мученического венца близ вятичского города Серенска около 1110 года.

Погребальные костры — вернейший признак приверженности язычеству — угаснут на землях вятичей веком-двумя позднее.

В том же Новгороде историки указывают даже особый налог, которым облагались упрямые «нехристи», — так называемое «забожничье». В

конце двадцатых годов тринадцатого столетия новгородцы даже потребовали от прибывшего в северный город на княжение Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, отменить этот налог, причём это требование («забожничье отложки») возглавляло список, предъявленный князю.

Любопытная деталь, право же, — если уж Новгород требовал отмены налогов, которым облагались язычники, — это говорит о том, что таковых в вольном городе было немало.

В 1227 году в Новгороде объявились даже волхвы. Вряд ли это слово уже в те времена перешло на обычных колдунов, каковых там и века спустя было немало. Слишком уж резкой была реакция новгородского владыки — волхвов, невзирая на заступничество людей всё того же Ярослава, сожгли.

Расправу над волхвами одобрили далеко не все новгородцы, и даже летописец прибавил в сообщении о казни волхвов: «творяхуть е потворы деюще, а бог вестъ» — мол, говорили, что они колдуны... да бог знает.

Все же на дворе стоял уже XIII век, а не XI, и новгородские язычники не решились выступить с оружием в защиту своих жрецов. Заступничество же княжских людей, думается, объясняется не только их симпатией или хотя бы терпимостью к язычеству.

Просто сам князь в те дни в городе отсутствовал, и княжьи люди стремились не допустить, чтоб язычников казнили без его воли, одним приговором архиепископа. Как видим, вытесняя и уничтожая языческих жрецов, христианские архиереи зачастую получали «в наследство» от них соперничество с княжеской властью.

Итак, вятичи, радимичи, кривичи и словене оставались ещё во времена написания «Повести временных лет» по преимуществу язычниками. Язычники были среди киевлян и, судя по автору «Слова о полку Игореве», встречались в кругах черниговской и Новгород-северской знати.

В Северо-Восточной Руси тоже оставалось немало приверженцев старой веры. В предыдущей главе мы, уже говорили об упрямых язычниках Мурома, «святогонах», о каменном идоле Велеса, которому поклонялись в Ростове вплоть до того, как его низверг монах Авраамий в XII веке.

В его житии так и говорится, «что Ростов пребывает в идольском соблазне: не все ещё люди приняли Святое Крещение». То есть речь опять же идёт не о крещёных, по старой памяти оглядывающихся на старых Богов, а об откровенных и последователей нехристьях-язычниках.

В более поздних источниках говорилось, что «чернь Ростовская», не желая креститься, убегала в сопредельные государства, в том числе — в земли волжских болгар, чьи правители, очевидно, были сравнительно терпимы к язычеству подданных.

На этих землях был найден впоследствии так называемый еманаевский могильник — один из самых восточных и самых поздних древнерусских языческих могильников. Там же стоял и деревянный языческий храм, выстроенный по тем же канонам, что и святилища полабских славян и Ладоги

(что не должно, конечно, удивлять нас — ведь Ростов был одной из колоний тех самых варягов-руси, что пришли из славянской Балтики в леса и болота Восточной Европы).

Храм действовал до XIV века, когда на его месте была сооружена церковь.

Другое упоминание о некрещёных славянских обитателях Северо-Востока Руси относится уже к 1229 году. В Лаврентьевской летописи упоминается, что некий Пургас вместе с мордвою напал на Нижний Новгород в ответ на нападение владимирского князя Юрия Всеволодовича на мордву, а Муромского Юрия Давыдовича — на «Пургасову волость», но был отбит.

Однако воины Пургаса спалили монастырь Богородицы и стоявшую вне городских стен церковь. В том же году Пургас был побеждён мордовским князьком Пурешем, объединившимся с половцами, «изби мордву всю и русь Пургасову, а Пургас едва вмале оутече» (то есть убежал с небольшой частью войска).

Итак, у истребителя православных церквей и монастырей Пургаса в подданных ходила некая «русь» — при том, что собственно население Владимиро-Суздальского Залесья стали называть Русью уже после монгольского нашествия.

Сам Пургас вроде бы действует заодно с мордвою — но и враждует с мордвином Пурешем, а с его именем связывают именно «русь». В восточной части мордовских земель, в бассейне реки Суры, антропологи выделяют признаки «ильменского типа», близкого также жителям южных берегов Балтики.

Очень вероятно, что перед нами очередной анклав некрещёных русов, на этот раз — в мордовских землях. Со следами языческих русов Пургаса мы еще столкнемся в нашем повествовании.

Так обстояли дела на северо-западе и северо-востоке Русской земли. Если мы перенесёмся на другой её край, в юго-западные, Галичско-Волынские края, то и там обнаружим немало свидетельств существования в XII веке русских язычников — как письменных, так и археологических.

Так, в 1187 году Никита Хониат, выступая перед императором Исааком II Ангелом, упоминает неких людей «из Бордоны; презирающие смерть, ветвь тавро-скифов, народ, также поклоняющийся Арею». На эту фразу обратил внимание русский учёный-византист, Ф.И. Успенский, заметивший, что «тавроскифами» в средневековой византийской литературе называют именно и исключительно наших предков.

Это упоминание он связал с мелькающими в русских летописях под 1146, 1216 и 1223 годами и королевских грамотах Венгрии конца XII — начала XIII века бродниками. Были ли они отдельным народом, или какой-то сбродной вольницей из разных племён, до сих пор точно неизвестно.

Слово «бродники» было их самоназванием, судя по тому, что, откочевав под натиском татар в Венгрию, они оставили это имя основанным ими поселениям (Броднук, Протник). Это, и единственное дошедшее до нас имя бродника — Плоскыня —

говорит, что бродники были славянами.

Кстати, в летописях упоминается и их лёгкий флот — дело для тюрок совершенно непривычное, а вот славянам известное уже который век. Иногда их размещают в бассейне Дона — как неких предков донского казачества, однако если бродники и были предками казаков, то разве украинских.

Большинство упоминаний располагает их западнее Днепра. Венгерские королевские грамоты называют «Бродинию» среди непосредственных соседей Венгрии. То есть были они жителями южной части Галицко-Волынского княжества.

Нас бродники занимают постольку, поскольку венгерские грамоты упорно называют их язычниками — не «схизматиками»-раскольниками, как католики именовали православных, а именно язычниками, наряду с половцами и татарами.

Да и Никита Хониат зовет их «поклонниками Арея», к каковым, при всей нелюбви, крещёных киевских русичей все же вроде не относили надменные «братья по вере» из Константинополя. Этому не противоречит то, что они включились — если верно предположение Успенского — в борьбу православной Болгарии с Византией.

Источник и родина веры, именем которой рушились святилища древних Богов, Византия должна была вызывать у славян-язычников особую неприязнь, и вполне возможно было, что они пошли на союз против неё с православными, но всё же единокровными славянами-болгарами.

Кстати, возможно некоторое оживление язычества в те годы и в Болгарии — именно к XIII веку, как я уже говорил, относится найденный в Великом Тырново, бывшем тогда столицей Болгарского царства, сосуд с именем Сварога. Впрочем, он может быть и свидетельством пребывания в столице Болгарии язычников-бродников.

К тому же в области расселения бродников и впрямь существовали с X века по XIII огромные языческие святилища, изученные в наше время И.П. Русановой и Б.А. Тимошуком. Одно из них расположено на горе с выразительным названием Богит, другое — на горе Звенигород.

На первом, возможно, стоял когда-то знаменитый Збручский идол, найденный неподалёку в реке Збруч в 1848 году. Незадолго до того неподалёку от места находки кумира нашли другой такой же с человеческой головой в шапке и высеченными на гранях лошадьми, но обнаружившие древнее изваяние крестьяне, по наущению священника, уничтожили его.

Камни пошли на строительство церкви. Збручский кумир также мог быть уничтожен, но избежал этой участи.

Найдено каменное изваяние и в Звенигороде. Эти святилища существовали с конца X века по начало XIV. Среди подношений святилищам найдены и сброшенные кем-то кресты, и предметы церковного убранства, очевидно, доставленные сюда борцами с чужеземной верой.

Ценные вещи работы киевских и черниговских мастеров — золотые и серебряные браслеты,

перстень-печатка, меч, шпора — говорят о посещавших это святое место состоятельных, скорее всего — знатных жителях больших русских городов.

Огромные костры, иногда целые кольца пламени полыхали не угасая, совершались жертвоприношения, в том числе и человеческие. Найдены здесь остатки храмовых построек, ритуальные печи и колодцы, аскетические жилища жрецов и следы разгульных обрядовых пиршеств.

Под стенами исполинских капищ стояли ремесленные посады, по всей видимости, обслуживавшие жрецов и паломников. Края, где располагались святилища древней веры, в летописях носят грозное название «Чёртова леса» — очевидно, оттого, что в их глубине чтили древних Богов — как помните, читатель, «бесов», «чертей» с точки зрения православия.

И даже княжеские дружины поворачивали прочь от его опушки, «не дерзну пойти сквозь лес». Так что венгерские католики имели все основания называть землю воинственных бродников, на которой стоял зловещий «Чёртов лес», языческой.

Любопытно, что жизнь на днестровских капищах, по всей видимости, основанных в конце X века бежавшими от крестителей жрецами Киевщины, оживилась в середине XII столетия.

Найдены-капища тех же времён на Воляни, Смоленщине, Псковщине. Они, конечно, уступали по масштабам огромным святилищам Нижнего Приднестровья, но они всё-таки были и действовали — именно в период, когда авторитеты православия провозглашали победу над языческим «идолобесием».

Более того, следы языческих обрядов и идолы найдены археологами во многих городах и весях крещёной Руси.

Так, в 1964 году найдены остатки жертвоприношения коня на усадьбе у Ильинской улицы Новгорода. Район этот начал застраиваться лишь с конца XI века, то есть жертву приносили уже в крещёном городе. И такие находки остаются обычным делом вплоть до начала XIII века.

Несколько дольше существовали домашние идолы, в том же Новгороде встречающиеся ещё в слоях XIV века. Многие из них поражают тонкостью работы. Почему-то их принято называть «домовыми», хотя с тем же успехом они могут изображать и кого-то из великих Богов — как, скажем, в христианстве маленький, грубо сделанный образок вовсе не обязательно мог изображать второстепенного святого — с тем же успехом он мог быть изображением самого Христа.

Кроме того, хотя вера в домовых и их почитание успешно дожили до начала XX века, этнографам ни разу не случилось видеть, чтоб домашних духов изображали в дереве. В сельской местности подобные изваяния (леших, «куриных богов» и т.п., но опять-таки не домовых) почитались ещё в XVIII, а то и в XX веке, так что, строго говоря, являясь несомненными остатками язычества, они не обязательно свидетельствуют о полном и сознательном язычестве своего владельца.

Однако то, что они почти исчезли из городского обихода примерно в то же время, когда перестали совершаться в городах жертвоприношения, когда угасли жертвенники капищ, а в иных землях — погребальные костры, всё же наводит на размышления.

Количество свидетельств существования язычников на Руси XII века не осталось незамеченным исследователями. Именно к этому столетию относились поучения против язычества и языческие сюжеты на украшениях, лишь в следующем, XIII веке, сменившиеся изображениями Христа и апостолов (что молчаливо свидетельствует о религиозном значении предшествовавших им изображений растительных символов, волшебных птиц с девичьими головками, грифонов, ритуальных питьевых рогов).

На обрядовых браслетах — очень недешёвых, что обличает их принадлежность отнюдь не тёмным селянам! — изображены всё те же волшебные существа, крылатые птице-псы, обыкновенно, с лёгкой руки Б.А. Рыбакова, именуемые Семарглами⁵¹, гусяры, пирующие с питьевыми рогами, многоликие идолы.

Даже в церковном узорочье в XII веке вопреки строгом византийским формам начинает расцветать мир языческих премудростей, с теми же волшебными деревьями и птицами, со странными зверями, с героями не дошедших до нас сказаний, многоликими, как языческие кумиры, капителями колонн Владимирских соборов.

Волки, повернувшие головы к процветшим хвостам, — на более поздних русских вышивках таких зверей называли «оборотнями». Такой же оборотень изображён на браслете — причём там он изображён, помимо прочего, в объятиях женщины.

Обычный сюжет обрядовой поэзии Зелёных Святков, Троицкой недели, когда в песнях описывается соединение женщины с «волчком» на вспаханном поле ради плодородия земли. В некоторых изображениях на стенах этих соборов (Димитровского во Владимире, Георгиевского монастыря в Юрьеве-Польском и пр.) исследователи опознают языческих Богов — Дажьдбога, возносящегося в небо на грифонах, Велеса.

Быть может, это и не вполне надёжные отождествления — но ничего сверхъестественного в том, что с христианских храмов смотрят языческие Боги, нет. Скандинавские Боги-асы изображены не только в церквях родной Скандинавии, но и в христианских храмах Германии, Англии и даже... Испании.

Стоит вспомнить, что за сто лет до того, во времена Ярослава, в Киевской Софии надписи на изображениях святых делались на греческом языке. Настолько в те времена христианство воспринималось на Руси как чужая, нерусская вера!

Даже изображение княгини Ольги снабжено подписью греческими буквами — «Елга». Именно так передаёт имя княгини византийский император, к которому ездила в гости крещёная княгиня, —

⁵¹ В книге «Тайны киевского Пятибожия» я объясняю, почему считаю сомнительным такое название.

Константин Рождённый в Пурпуре. А тут — оборотни и языческие Боги...

Это явление уже получило в науке название «языческого Ренессанса», хотя объяснения ему и не дано. На самом деле всё вполне очевидно. Во-первых, как мы уже говорили, христианская церковь, оказавшись лицом к лицу с язычеством, принуждена была перейти к «поучениям» и попыткам завлечь язычников в свои храмы с помощью знакомых язычникам символов.

Во-вторых, в честном диалоге способности церкви оказались, по всей видимости, слабее, чем в проповедях «огнём и мечом», и ей пришлось потесниться, поступиться многим из уже завоёванного.

Игорь Яковлевич Фроянов, великий русский учёный и патриот, которому я обязан немалой долей приведенных в этой книге примеров жизнеспособности и стойкости Русской Веры после насильственного крещения, так подытожил исследование духовной жизни Руси в домонгольские времена: «Если поставить вопрос, что в большей степени определяло мировоззрение древнерусского общества — язычество или христианство, то можно, не боясь преувеличений, сказать: язычество. Данный ответ обусловлен существованием на Руси XI-XII столетий оязыченного христианства, то есть «двоеверия», с одной стороны, и чистого язычества — с другой».

Кроме всего прочего, уже, в-третьих, не надо забывать, что тогда же, в XII веке, пали последние святыни языческого Поморья Варяжского под натиском христианских крестоносцев. Были уничтожены Аркона, Ретра-Радигош.

Очень могло быть, что многие жрецы и простые язычники искали спасения на Востоке, у братьев по крови и языку, что усиливало позиции местных язычников. В летописях сообщается, что смоленский князь Ростислав Мстиславич в 1148 году преподнёс своему брату, киевскому князю Изяславу, дары «от варяг».

Как раз за год до того на многострадальное «Поморье Варяжское» обрушился очередной крестовый поход. Видимо, и дары происходили от спасавшихся в Смоленских землях беженцев. Кстати, внешнее узорочье тех же белокаменных соборов Владимирского княжества подозрительно напоминает описание внешнего убранства языческих храмов вендов-варягов, оставленные немецкими миссионерами.

Во всяком случае, когда пишущий эти строки обходил кругом оплетённую дивной резьбой шкатулку Дмитровского собора во Владимирском сквере и глядел на белокаменное, зарозовевшее в зимней заре узорочье, на ум приходили следующие строки:

«В городе Щетине находилось четыре храма; но один из них, бывший главнейшим, выделялся украшениями и удивительной искусностью постройки; он имел скульптурные украшения как снаружи, так и внутри. Изображения людей, птиц и животных были сделаны так естественно, что казалось, будто они живут и дышат».

Так сказано в «Жизнеописании Оттона Бамб-

ергского» про храмы славянского Поморья. Но то же мог сказать путешественник и про белокаменные чудеса Русского Залесья. В том же XII веке, точнее, в 1116 году, выстроена крепость Новгородского детинца, по утверждениям археологов, не имеющая подобий в Приднепровье — но полностью совпадающая по способу сооружения укреплений с твердынями варяжской Прибалтики.

Впрочем, это скорее свидетельство южнобалтийского происхождения самих новгородцев — «людие новгородски от рода варяжска и до днешнего дни», как утверждает Новгородская летопись.

Завершая рассказ о существовании «параллельной Руси», мы должны рассказать о таком явлении, как сознательные двоеверцы — не те, кто, крестившись, бессознательно держался привычек старины, опасался чародейской силы волхвов, как Янь Вышатич, или подозревал, что языческие обереги и заклятья — более надёжная защита от нечисти, как полагал, судя по всему, печерский инок, автор «Повести временных лет».

Этих вернее называть не совсем последовательными христианами. И не те, кто, искренне полагая себя православным христианином, как русские деревенские жители, про которых я говорил во введении, молились лешим и овищикам, христосовались с домовыми, приносили святым жертвы и посвящали им пляски.

Эти двоеверцы — скорее укрывшиеся не слишком толстым слоем христианской символики и фразеологии язычники.

Я говорю про тех, кто — помните? — родившись в православии, мог потом впасть в язычество и вновь прийти в лоно церкви. Про тех, к кому взывали церковные поучения — не язычники же их читали и слушали! Про тех, кто пытался совместить новую веру со старой, поклонение родным Богам с молитвами чужеземному Христу.

Для таких двоеверцев их способ поведения был просто способом выжить — выжить в кровавых бурях Столетней гражданской. Выжить на «полосе отчуждения» между истовыми христианами и непримиримыми сторонниками родной Веры.

Но... но это впервые на Руси появились люди, которым их выживание, общественный и душевный комфорт были важнее Веры. Стояла распря, множились приспособленцы, а времена, когда Руси нужнее воздуха оказались единство и стойкость, были не за горами.

Говоря о том бедствии, которое постигло Русь в наступившем, XIII, столетии, перечисляют много причин её поражения. Не оспаривая их (хотя отчасти эти причины и придётся подвергнуть внимательнейшему пересмотру в следующей главе), добавлю одну — расколотое небо над Русью, разделение Руси — не только на множество маленьких государств, в конце концов такое было и в Европе, которая то страшное время пережила.

В скобках отметим, что христианство ни в малой степени не воспрепятствовало этому разделению — разделению на куда меньшие и слабые кусочки, нежели те, которыми были родовые княжения-земли полян, древлян, дреговичей, вятичей,

кривичей, словен ильменских.

На землях кривичей, скажем, расположились Псковская земля, Полоцкое и Смоленское княжества — а многие из них ещё и внутри делились на частицы-уделы.

Но страшнее этого разделения, наверное, было разделение между посетителями капищ и прихожанами церквей, между теми, кто истово верил в

Христа — и теми, кто полагал эту веру «уродством», теми, кто чтит Предков-Пращуров — и теми, кто, как монах-летописец, приравнивал их к «калу», облепившему такую жемчужину христианской чистоты и праведности, как Ольга.

«Дом, разделившийся в себе, не устоит», как сказал тот, чьим именем раскололи дом по имени Русь.

Глава IV. Под ордынским копытом (XIII-XIV вв.)

Первые грозы. Загадки Батыева нашествия. «Кому выгодно». Выбор потомков Батыя. Церковь на ханской службе. Свидетельствует Серапион Владимирский. Свидетельствует Пафнутий Боровский. Странные «татары». Вдали от Отчизны. Язычники на поле Куликовом. Как витязь Пересвет «стал» монахом. Перелом

*Всё иступлённое давленье
Громады мирового Льда.
Как ночь без края, как затмение —
На Русь надвинулась Орда.*

Алексей Широпаев, «Русь»

*Нас точит семя Орды,
Нас жжёт ярмо басурман,
Но в наших венах кипит
Небо славян!*

«Алиса»

В XIII веке на Русь обрушилось одно из самых больших бедствий за всю её многострадальную историю.

В 1206 году на другом конце Евразии, у истоков реки Онон, на съезде монгольских князей, курултае, один из них, Темучжин, был провозглашен великим ханом — Чингисханом, буквально, Океанханом. Так началась Монгольская империя.

Очередной прилив на Запад степных кочевников, который уже по счёту — были гунны, авары, хазары, печенеги и половцы... а до них той же дорогой шли индо-иранские кочевники — скифы, сарматы... вот только у предшественников не было и половины той строжайшей воинской дисциплины, той организации, которой отличались монголы.

Во главе прошлых орд и племён не стоял такой вождь, как Чингис. Настолько умный — и жестокий, настолько волевой — и настолько беспринципный. Гениальный политик, полководец, дипломат. Он бесподобно умел подбирать помощников, исполнителей для своих планов, использовать слабости и уязвимые места противников.

Рядовой единицей его войска была десятка — воины одной семьи, одного юрта (только надо помнить, что все эти «десятки» и «сотни» сугубо условные наименования; в «десятке», скажем, могло быть шесть человек или двенадцать).

Род-аил формировал «сотню». Несколько аилов — «тысячу», и, наконец, самой большой единицей войска был «тумен» или «тьма» — десять тысяч. Объединение нескольких туменов называлось

«кошун». Сызмальства приученный сидеть в седле, драться с соседями за стада, каждый мужчина-монгол становился воином — если выживал.

Захватив ближние государства чжурчженей, тангутов, Северный Китай, монголы не остановились на этом. Они двинулись на запад, туда, где стояла богатейшая держава Хорезмшахов. Рухнул и Хорезм. Цветущие города сравнивали с землёй, истребляя и уводя в рабство население.

Рабов было столько, что сын Чингисхана, Джучи, позволил себе под Самаркандом жестокую забаву — выдав оружие ближнего боя женщинам, взятым в городе, велел им избивать друг дружку. Оставшихся добила его воины.

Впрочем, как правило, монголы использовали пленных более рационально — например, они первыми применили приём, когда наступающее войско гонит перед собой, на стены крепости связанных земляков осаждённых — женщин, детей, стариков.

Хорезмшах Мухаммед, разбитый завоевателями, бежал в Иран. За ним устремились несколько туменов под началом лучших полководцев Чингисхана, прозванных его «псами с железным сердцем», — Джебе и Субудая. Заодно желательно было проинформировать разведку боем незнакомых монголам землю.

Пройдя по Северному Ирану, кошун Джебе и Субудая вышел на Кавказ, стёр с лица земли несколько древних и богатых городов, разбил войско царя Грузии, прорвался через Ширванское ущелье на земли аланов — предков осетин.

Те, было, попробовали объединиться с половцами, но монгольские полководцы направили к тем послов с заявлением, что воюют-де монголы только с аланами, а их, половцев, готовы сделать союзниками. Половецкие ханы поверили завоевателям — и жестоко за это поплатились.

Разбив алан, заставив уцелевших искать спасения в горных убежищах, монголы мгновенно обрушились на половцев. Ханы половцев сумели объединиться под руководством хана Юрия Кончаковича, сына того самого Кончака из «Слова о полку Игореве», потомка Шарукана.

Однако и предводитель столь славного рода оказался не в силах сопротивляться пришельцам. Половцы потерпели поражение и кинулись искать спасения за Днпром, у русских князей. Незамедлительно появились татарские послы, предлагавшие мир русским и объяснявшие, что они воюют только с половцами.

На этот раз хитрость не удалась, и монголов встретило, вместе с остатками половцев, войско трёх князей — Мстислава Мстиславича Храброго вместе с его волынским вассалом и зятем Даниилом, Мстислава Святославича Черниговского из рода Ольговичей, Мстислава Романовича Киевского, из гнезда смоленских князей.

Долго останавливаться на перипетиях сражения на Калке нет смысла, они описаны в любой работе, посвящённой монгольскому нашествию. Скажу одно — из-за того, что князья действовали без общего плана, каждый сам по себе, их разбили.

Битые половцы тоже оказались не самыми надёжными союзниками — попав в засаду, они так перепугались, что в бегстве смяли галичские полки. Но вот любопытная деталь — когда Мстислав Киевский оказался осаждён в укрепленном лагере на горе, татары выслали к нему некоего бродника Плоскыню, возможно, пленного, из дружины Мстислава Храброго, и тот целовал крест, что монголы не причинят вреда осажденным, если те сдадутся.

Судя по всему, Плоскыня был из тех бродников, что, оставив Богов предков, приняли христианство. Единожды предав...

То есть, возможно, что в истории Руси были и случаи, когда данные на кресте клятвы держали. Иначе кто бы им стал верить. Но мне почему-то таковых не встретилось. Допускаю, что сдержанная клятва для русичей всё же была нормой и в летопись не попадала.

Сдавшихся русичей поголовно изрубили. На телах пленных, настелив поверх них доски и укрыв ковром, устроили пир.

Потом кошун Джебе и Субудая прошёл по южным границам Руси, спалив несколько городов, но вглубь не заходя. Столкнулся с булгарами, был ими разбит — и отступил за Волгу, сгинув в безвестность...

Впрочем, так ли уж в безвестность?

Да, монголов разбили булгары. Да, вскоре умер создатель и правитель империи, Чингисхан. Но опасность оставалась, и об опасности этой на Руси хорошо знали.

Владимирский князь Юрий Всеволодович, чьи дружины не смогли появиться на Калке в 1222 году (в тот год он воевал с тевтонцами у псковских рубежей) даже пытался предупредить венгерского короля о готовящемся вторжении.

Свидетельство это оставил венгерский монах-доминиканец Юлиан, в 1235 году путешествовавший в Поволжье отчасти как проповедник католической веры, отчасти — в поисках восточной прародины своего народа, память о которой венгры хранили в сказаниях и легендах.

А русские монахи-летописцы, вот ведь странность, уверяли, что на Руси ничего не знали о монголах! Что это были для Руси «языци незнаеми, их же добре никто ж не весть: кто суть, и откуда изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их».

Оказывается — ничего подобного. Знали, да же знали о том, что нападение, закончившееся битвой на Калке, — не последнее. Что грядёт нашествие.

И вот тут начинаются загадки.

Начнём с общеизвестных фактов. В 1237 году, в декабре, когда стали льдом реки, на притоке Волги Суре, на притоке Дона Воронеже появились первые отряды нового войска монголов, возглавляемого ханом Батыем и старым «псом Чингисхана», Субудаем.

Пришли послы к рязанскому князю, потребовали «десятины» со всего, чем была богата Рязанская земля — с князей и простых людей, с коней бурых, белых, рыжих и вороных. Рязанский князь ответил — «когда нас не станет — всё ваше будет».

Послал людей к Юрию Всеволодовичу и к Михайлу Черниговскому. Первый выслал... всего лишь триста человек. Второй, очевидно, полагая, что зимой лучшее средства защиты от неизвестных кочевников — городские стены, вообще не послал своих воинов на помощь Рязани.

Рязань пала после семидневной обороны, была уничтожена, вместе с жителями. Разорён был Пронск, навсегда исчезли города Белгород, Ижевль, Борисов-Глебов. В битве под Коломной он разбил владимирские войска. В четыре дня взял и уничтожил сам Владимир. Сжёл Суздаль.

На реке Сити разгромил и уничтожил ополчение Юрия Всеволодовича. Двинулся к Новгороду, но две недели простоял под Новым Торгом, или Торжком. Взяв и разрушив город, прошёл немного на север, но повернул у загадочного Игнач-Креста.

Встал под маленьким городком Козельском, который держался семь недель. Рассвирепевшие завоеватели уничтожили город и с тех пор, вспоминая, с суеверным страхом произносили «Злой город» вместо названия. После этого вернулись в степь.

Такая вот история.

А теперь — вопросы. По крайней мере, у меня они возникают. Потому что очень уж уверенно действуют степняки-монголы не просто на лесной территории... а для русского Северо-Востока, не случайно именовавшегося Залесьем, это ещё очень

слабое определение.

Был случай, когда две княжеские дружины в богатый на усобицы XII век попросту не нашли друг друга, точнее, враг врага, заблудившись в здешних дебрях. Так вот, вопрос в том, что земли, на которые вторглись монголы, были не только самими заросшими из тех, с которыми монголам приходилось иметь дело, но к тому же действие происходило зимой.

Ни до, ни после этого степные орды монголов, пусть и дополненные кипчаками — азиатской родней половцев — хорезмийцами, да кем бы то ни было — не воевали в таких холодных краях.

Далее. Каждый воин Батя, согласно описаниям современников, передвигался не с одной лошадейю и даже не «о двуконь» — с запасным или заводным конём — как русские дружинники. Как минимум этих лошадей было три.

Прибавьте быков, везших огромный обоз целого семейства принцев крови, многочисленной родни Батя, отправленной с ним в поход великим ханом, и осадные машины, «порОки» по-древнерусски, употребление которых при осадах русских городов отмечают все источники.

Да, монгольские лошадки привычны были добывать корм из-под снега. А быки? Кроме того, привычны монгольские лошадки были в степи, где трава прячется под тонким слоем сухого, постоянно переносимого степными ветрами снега.

А вот добывание этого снега из-под русских сугробов могло просто не окупиться — зимняя, вырытая из-под снега трава не особенно питательна и может не оправдать сил, затраченных на её добывание.

Нет-нет, читатель, я не хочу вслед за Фоменко, не к ночи будь помянут, Бушковым и прочими валянскими и калюжными доказывать, будто ордынского нашествия на Русь не было.

Я всего лишь хочу указать на то, что изображение победоносного нашествия на зимний лесной край степной орды не может не вызывать вопросов. И вопросы, наверное, будет лучше всего задать нашим источникам. Монастырским летописцам.

Отчего нашествие было удачным? Об огромном численном перевесе пришельцев всерьёз говорить не приходится — думаю, читатель это уже понял. Серьезные историки этого и не отрицают.

Ужасные цифры в 300 тысяч всадников, быть может, и имеют отношение к мобилизационному ресурсу владений Батя и его союзников в целом. Может быть, они и могли собрать такую армаду — оставив без защиты кочевья и границы владений, без надзора — стада, табуны, рабов.

Но чем они бы кормили это воинство⁵² и, от-

⁵² Понятна, кстати, и жесточённость, с которой воины Батя брали русские города, и полная гибель населения этих городов. Вся еда, находившаяся в городах, доставалась ордынцам, всё зерно, скопившееся в них, — а города XIII века еще во многом были посёлками земледельцев — доставалось их коням. Если кого-то из горожан миновала монгольская сабля или стрела, ему оставалась лишь смерть от голода и холода на руинах

метим второе, самое меньшее, превосходящее его количество боевых коней, не говоря уж про обоз, как бы руководили им в теснинах речных долин Залесья, где нет возможности ни как следует разогнаться для удара, ни лихо увернуться от погони, ни закрутить знаменитое «железное колесо» из конников, поочередно осыпаящих врага стрелами, да и дальнобойные луки попросту теряют смысл — это лично я понять не в силах.

Разумные историки давно предлагают снизить приведенную цифру как минимум в десять раз и говорить о трёх туменах, шедших под бунчуками Батя и прочих царевичей.

Хорошо. Тридцать тысяч. Такое войско и впрямь могло показаться огромным жителям, скажем, Рязани. Но монголы взяли и уничтожили Рязань — и немало других русских городов. И решительно все источники — и восточные, и русские, и западные — сообщают, что предки наши отнюдь не даром отдавали свои жизни.

Тут был не Китай и не Средняя Азия, где покорные крестьяне и ремесленники, уже, наверное, и не помнившие, какой по счёту захватчик прорывается к власти, безропотно валились в пыль лицом перед новыми господами — как вчера валились перед прежними.

Справедливости ради надо сказать, что монголы не везде так уж превосходили по жестокости обращения с тяглым людом прежних хозяев покорённых ими азиатских держав. На Руси же поселяне и, особенно, горожане, в огромном большинстве лично свободные люди, редко расстававшиеся с оружием и умевшие даже князей заставлять подчиняться вечу, наверняка дрались насмерть.

Даже в чистом поле нападающий теряет больше людей, чем обороняющийся, при штурме же крепостей преимущество агрессора ещё меньше.

Да, уважаемый читатель, я клоню именно к этому — успехи Батя на Руси просто удивительны. Их не объяснишь внезапностью нападения «языков неизвестных», на которую ссылаются церковные летописцы, — мы уже выяснили, что про грядущее нашествие русские князья отлично знали.

Их не объяснишь и серьёзным численным перевесом (опять же по версии летописцев) — необходимость воевать на чужой земле, зимой, в непривычных условиях, на заметённых сугробами, стиснутых лесами пространствах уравнивала количественное преимущество, которое и так-то не могло быть таким уж большим.

И это при том, что вышел из русских лесов Батый далеко не в одиночестве. Иначе его попросту «съели» бы дражайшие сородичи — отношения среди потомков Чингисхана сильно напоминали пресловутых пауков в банке.

Итак, Батый атаковал Русские земли, не имея никаких преимуществ, кроме количественного. Ему пришлось взять штурмом и в большинстве случаев — попросту уничтожить несколько крупных городов, но при этом его потери не были столь велики, чтобы с Батыем перестали считаться.

буквально вычищенного Ордой родного города.

Разве это не загадка?

А вот и ещё одна. Маленькие города — такие, как Торжок или Козельск, — сопротивлялись ордынскому натиску **дольше**, чем Рязань или Владимир, даже **дольше**, чем Киев. На Волынских же землях от маленьких городков иной раз Орде и вовсе приходилось бессильно откатываться. Отчего бы это?

Назовём вещи своими именами. Поход Батыя мог быть настолько успешен лишь в том случае, если ему кто-то очень сильно помог.

Высказывалось предположение — и в художественной, и даже в научно-популярной литературе, что Орду-де навели на Русь лукавые монахи-дипломаты папы римского. Крайней формой такого мнения является утверждение господ Валянского и Калюжного, что Орда-де на самом деле... Орден.

Это, разумеется, бред, но и более умеренные сочинения, ставящие Батыево нашествие в вину нашим западным соседям, не выдерживают ровно никакой критики. Дело в том, что через несколько лет ордынское воинство вторгнется в Европу. Это произойдет в 1241 году, после того, как был взят и разрушен Киев.

Батыева Орда ворвется в польские земли, в битве при Лигнице, 9 апреля, уничтожит польское рыцарство, дойдёт до Кракова. Будут уничтожены монастыри, зверски замучены католические священники, сгорит Сандомир.

«Старому и малому нет от них пощады, в божьих обителях гибнут божьи чада!» — восклицает польский автор тех лет. Затем последует Венгрия (сбылось предупреждение Юрия Всеволодовича, которому не вняли надменные мадьяры) — её рыцари погибнут в битве на реке Сайо, король Белла со двором сбегут в Далмацию, столичный город Пешт, ещё не слившийся воедино со стоящей на другом берегу Дуная Будой, будет предан огню и разорению..

Наконец, настанет черед Чехии, она выстоит, но придётся ей несладко⁵³. После XIII века могущество Чешского королевства — включавшего в себя Австрию в качестве провинции и имевшего выход к морю — резко пойдёт на убыль.

Даже если бы ордынцы ставили перед собой цель специально ухудшить положение Рима, они и то вряд ли бы достигли таких же успехов. Дело в том, что как раз в это самое время римский папа враждовал с германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном.

Союзницей папы в этой войне была как раз Польша — за это папа любовно величал её «любимой дочерью апостольской церкви» и ссорился с тевтонскими рыцарями, требуя поменьше разбойничать на польских землях.

Рыцари, как легко догадаться, требованиями этими, мягко говоря, пренебрегали. Далее, союзниками Рима в войне с германским кайзером были ко-

роли Чехии и Венгрии. Как раз тех стран, которые попали под копыта монгольских коней!

Рим даже утверждал, что именно император Германии вступил в сговор с восточными язычниками. То есть Фридрих был личностью, вежливо выражаясь, оригинальной и не слишком обременённой излишками совести и прочими предрассудками.

Если бы ему потребовалось, он заключил бы соглашение и с чёртом рогатым — к слову, иные современники всерьёз уверяли, что кайзер сделал именно это. Но что бы он мог предложить монголам? Какую плату?

Боюсь, у страха «наместников святого Петра» перед ненавистным императором оказались глаза велики. Да и как-то странно — находящийся на таком расстоянии от монгольских степей император смог снестись с монголами, а этого так никто и не заметил.

Ведь даже обвинения папы остались голословными — нет чтобы сказать, мол, вот, барон фон Где-то-там-штейн и барон фон Ещё-где-нибудь-берг ездили от богоотступника-кайзера к языческому царю. Ан нет, всё так и осталось на голом слове. А значит, скорее всего, ничего и не было.

Правда, есть в документах упоминание о совершенно комическом эпизоде «помощи» монголам из Западной Европы. Когда вести о монгольском нашествии раскатились по Европе, евреи католического мира воспряли — конечно же, это «наши» бьют ненавистных гоев!

То ли вспомнили о Хазарии, когда-то стоявшей в тех же степях, откуда теперь летели на христианский мир стремительные всадники, то ли приняли их за пресловутые пропавшие «колена Израилевы». Евреи решили поддержать «братьев» оружием, накупили его побольше, погрузили в бочки и привезли в порт для отправки на материк.

Увы, далее всё проистекало в точности по словам гоголевского Янкеля из «Тараса Бульбы» — ушлый стражник, заметив бочки, моментально «догадался», «что в них перевозят вино, и, естественно, потребовал отлить и ему во фляжку (а лучше — в бурдюк).

Евреи бы избежали многих хлопот, найдя где-нибудь вина для бдительного стража, но увы — сыграла традиционная, гм... еврейская бережливость. Обиженный отказом стражник умозаключил, что вино-то, должно быть, хорошее и дорогое, и, улучив момент, всё же подобрался к огромным бочкам и проковырял дырочку. А уж когда никакого вина из бочки не полилось, стражник, озадаченный, побежал к начальству.

Всё вскрылось, и евреям наверняка мало не показалось. А ведь стоило всего-то поднести кружечку мающемуся на посту человеку!

Как видим, в связях с монголами были уличены или хотя бы обвинялись силы отнюдь не дружественные папскому престолу. Конечно же, вор громче всех кричит «держи вора!», но последствия Батыева нашествия — разорение союзников Ватикана в Центральной Европе, сотни разграбленных церквей и монастырей, тысячи замученных священников и монахов — позволяют, думается, его свя-

⁵³ Любопытно, что решающее сражение чешские рыцари дадут монголам под горою Гости, бывшей когда-то языческим святилищем божества Радагостя или Сварожича.

тейшество Иннокентия IV, восседавшего в те годы на престоле святого Петра, равно как и его предшественников, из списка подозреваемых в пособничестве монголам исключить.

К тому же ни папа, ни кайзер ровно ничем не могли помочь ордынцам в завоевании Руси.

Здесь я должен остановиться — остановиться, чтобы высказать благодарность человеку, без которого эти строки не были бы написаны. Это Пётр Михайлович Хомяков, доктор технических наук, профессор, автор ряда публицистических и историко-философских эссе, человек, о котором люди, знавшие его близко (сам я не имел такой чести), отзываются, как об обладателе замечательных человеческих качеств.

Конечно, Пётр Михайлович — не специалист в истории, не специалист настолько, что иной раз чтение его сочинений заставляло шевелиться волосы на моей исторической голове. Только не надо забывать, что Америку открыл непрофессиональный географ.

И Трою выкопал из Гиссарлыкского холма не «кадровый» археолог с академическим дипломом. Когда-то Нильс Бор сказал, что все самые выдающиеся открытия в науке делались чужаками — чужаками, чужаками-дилетантами.

Специалисты точно знают, что вот этого сделать нельзя. Потом приходит дилетант, который, по невежеству, этого не знает. И делает. Переплывает Атлантический океан. Открывает Трою. Строит летательный аппарат тяжелее воздуха. Да мало ли ещё чего...

Историкам наших дней, запуганным призраком академика Фоменко (кстати, тоже не сплошь чушь мелющего — вопросы-то он поднял очень и очень верные, если б он ещё не пытался на них отвечать), трудно спокойно отнестись к историческим штудиям «технаря».

Не стану скрывать, и я поначалу отнёсся к построениям Хомякова не без предубеждения. Подумалось — вот, блин, очередной непризнанный гений, которому в его области тесно, ну что ж они лезут, я ж не пытаюсь совершать «эпохальные открытия» в инженерном или, скажем, геологическом деле?!

Однако зацепило что-то — именно там, где Пётр Михайлович рассуждал о начале ордынского ига. настолько зацепило, что полез в труды коллег — специалистов по истории Византии. Вернулся я из византийского экскурса в состоянии совершенного потрясения. Абсолютно всё подтвердилось!

Пётр Михайлович Хомяков оказался (в данном вопросе) совершенно прав, его построения безукоризненно подтверждались данными источников, проанализированными специалистами-историками, просто не задумавшимися над сведением фактов воедино.

Поэтому всё, о чем я сейчас буду говорить, не есть моя находка, моя заслуга. Это заслуга и находка непрофессионала, «технаря» Петра Михайловича Хомякова, которому свежесть взгляда на давно известные обстоятельства позволила ткнуть меня, историка, носом в лежащее буквально на поверхности.

За что я ему выражаю огромную искреннюю благодарность и приношу извинения за то, что подумал о нём плохо. Если же мои коллеги ради «кастового» (в худшем смысле этого слова) снобизма и высокомерия не пожелают принять открытия «непрофессионала» — что ж, пусть это останется на их совести.

Пётр Хомяков указал на силу, получившую очень много хорошего от ордынского нашествия. На силу, расположенную много ближе к месту, где разворачивались события. На силу, имевшую буквально тысячелетнюю традицию изощрённых интриг и дипломатических манипуляций.

На силу, наконец, имевшую огромное количество «агентов влияния» на Руси — причём количество и авторитет этих агентов были сильнее как раз в крупных городах и незначительны — в маленьких.

В XIII веке часы истории Восточной Римской империи отстукивали, казалось, последние десятилетия. Болгары и сербы отняли у Византии Балканы. Мавры и норманны — Южную Италию. Турки-сельджуки отвоёвывали Малую Азию, всё ближе подбираясь к столице — Константинополю.

На свою голову, Византия сама призвала, следя своему давнему правилу «пусть варвары бьют варваров», на защиту от сельджуков светлородных рыцарей-католиков из Западной Европы. Этим воспользовались итальянские банкиры, упорно теснившие византийских купцов с рынков Средиземного моря.

А впрочем, может, всё было бы так, как было, и без них. Потому что, ей-же-ей, не требовалось никаких особенных подсказок, чтоб в косматые головы профессиональных разбойников из нищих каменных гнёзд Европы при взгляде на великолепие Константинополя проникла простая мысль: «А какого чёрта, благородные сэры, мы должны совать свои головы под сарацинские сабли ради этих зажавшихся каплунов, давно забывших, с какой стороны у меча рукоятка?! И почему столько хороших вещей принадлежит этим схизматикам, когда мы, кладущие жизни за, истинную католическую веру, спим на чепраках и кладём сёдла под головы?!»

Константинополь буквально упал в руки ораве вшивых бандитов с нашитыми на одежде крестами. Второй Рим лишился столицы, съёжившись в «Никейскую империю», зажатую между крестоносцами и сельджуками.

В Константинополе крестоносцы учредили игрушечную «Латинскую империю» — с ручным «патриархом» и игрушечным «императором», но настоящими хозяевами, понятно, там являются именно бароны с Запада.

Те же крестоносцы прибрали те земли на Балканах, которые еще не отняли славяне, — впрочем, при попытке потягаться с болгарями были разбиты в пух и прах в 1205 году. Но Византии-Никее от этого было не легче. Казалось, история Византии катится к закату.

Но приходят монголы.

Монголы бьют сельджуков — и сельджуки останавливаются в сороковых годах XIII столетия натиск на Никею, спешно заключают с нею мир-

ный договор. В 1241 году Болгария, уже потеснившая было на Балканах крестоносцев, падает под ударами монголов, сойдя с исторической сцены как соперник Nikei.

И вот уже никейский император Иоанн Ватац захватил огромные территории в Северной Фракии, Адрианополь, Македонию, выйдя к Адриатическому морю, а в 1246 году — Фессалонику.

На рассвете 25 июня 1261 года полководец преемника Иоанна Ватаца, Михаила VIII Палеолога Алексей Старитгопул, взял обложенный со всех сторон Константинополь. Византийская империя восстановлена. Добавим, что удар в Центральную Европу монголами, как мы уже говорили, пришёлся по союзникам папы — вдохновителя крестовых походов и врага Nikei.

Три похода по врагам Nikei-Византии. Так бывает? Ни одной попытки во время этих походов укрепиться в опасной близости от её границ, в Малой Азии, как когда-то пришедшие из Средней Азии сельджуки на Балканах, как болгары Аспаруха⁵⁴ — в Центральной Европе, как венгры или гунны Аттилы.

Вы верите в такие совпадения, читатель?

Предположения Петра Михайловича Хомякова кажутся мне убедительнее опасений римского папы или фантазий наших западненавистников. Тем паче, что именно Византия имела многовековой опыт интриг и натравливания одних народов на другие.

Особенно хорошо у Византии получалось натравливать азиатов-кочевников на славян. В VI веке интриги Константинополя натравили на нарождающееся государство антов, предков восточных славян, орду аварского кагана Байана. Тысячи славянских рабов наводнили рынки Второго Рима, а молодая антская держава была разрушена, убита в колыбели.

В VIII столетии византийцы послали зодчего Петрону Каматира строить хазарам крепости-базы на Дону для набегов на славянские земли. Потребителем рабов опять-таки была Византия. Константин Порфиrogenет — «Рождённый в Пурпуре» — откровенно писал в X веке, что империя заинтересована в набегах печенегов на русов.

Вполне возможно, византийская интрига не оставила в покое и половцев, хотя основательных доказательств этому мы не имеем — но опять-таки именно Византия скупала у этих кочевников русских невольников.

Не логично ли было для Nikei, потерявшей столицу, окружённой врагами, заинтересоваться пришедшими из степей новыми кочевниками?

Вот только — что могли им предложить имперские дипломаты? Чем заинтересовать? Приглашать к себе в близкое соседство монголов они не собирались — хватило и урока с крестоносцами. Тогда...

Вы ещё не догадались, читатель? Византийцам ли, чьи купцы истоптали всю православную

Русь, им ли, к кому что ни год приходили паломники из самых разных городов северной страны, было не знать всех путей и дорог по Русской земле?

Вы ещё не поняли, отчего Батый шёл по Русской земле уверенно и целенаправленно, будто знал, к какому городу какой дорогой подойти и где какое войско его встретит?

Но услуги, которые могли предложить восточным завоевателям дипломаты Второго Рима, отнюдь не исчерпывались данными о дорогах, соединяющих русские города, и дружинах, защищающих их. Больше, много больше могли предложить владыки Nikei пришельцам.

В каждом крупном городе Руси были их центры влияния. Были люди, связанные с Византией вознесением на высокий, хлебный пост и — тогда к этому относились очень серьёзно — преемственностью рукоположения, мистической преемственностью «апостольской благодати».

Православные архиереи и епископы.

Я знаю, сейчас православные читатели, если только они дочитали книгу до этих страниц, опять начнут рассуждать о повторении-де «задов советского агитпропа». И я опять отвечу им — словами дореволюционных церковных российских историков.

Вот что говорит Е.Е. Толубинский в своей «Истории русской церкви»: «Если полагать, что обязанность высшего духовенства — епископов с соборами игуменов — долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам права сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания; они не говорят нам, чтобы при всеобщей панике и растерянности раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос».

Он не просто «не раздавался», здесь маститый церковный историк шадит средневековых архипастырей. Они повально бежали из русских городов, бросая свою паству на произвол судьбы, на кровавую «милость» завоевателей. «Пастыри» бросали «стадо Христово», «отцы духовные» бросали «детей», «кормчие» бросали «корабли». Не последними — первыми.

Глава русской церкви митрополит Иосиф в самый год Батыева нашествия бежал, оставив свою кафедру. Ростовский епископ Кирилл — «избыл» монголов в Белоозере. Епископы Галичский и Перемышльский остались живы после взятия монголами их городов (Звонарь, 1907, № 8, с. 42-43.). Добавлю от себя, что и Черниговский епископ пережил взятие и разорение своего города.

Читатель, вы представляете себе, какой страшный удар наносили эти люди, искренне верившим в них русским христианам, своим бегством?! Но ещё интереснее судьба епископа рязанского.

Он... выехал из города, прежде чем монголы успели обступить Рязань. Прежде, читатель! Он, епископ первого города, которому предстояло испытать на себе всеразрушающую ярость захватчи-

⁵⁴ Подробнее об основании Болгарского царства рассказано в моей книге «Святослав».

ков, словно знал, что городу не устоять...

«Словно»? Или всё же знал?! И как он уцелел? Впрочем, если епископы Чернигова, Галича и Пере-мышля пережили даже резню во взятых городах, то, что говорить о епископе Рязанском — он-то если и встретился с воинами Батя — то за пределами стен, не в битве, можно сказать, мирно...

Уже цитированный мною Пётр Михайлович Хомяков по этому поводу употребил такое сравнение: можно ли представить, что во взятую, скажем, гитлеровцами Киев оставался в живых секретарь обкома коммунистической партии? Если бы такое произошло, продолжает Пётр Михайлович, то вывод бы из этого следовал только один — секретарь этот не кто иной, как немецкий шпион.

Какие будут предположения относительно уцелевших во взятых татарами городах епископов, читатель?

Мне только хотелось бы напомнить, что епископов в русские города «рукополагал» (фактически — назначал, или, по крайней мере, утверждал) митрополит. А этот митрополит опять-таки если не назначался, то утверждался... в Византии.

Таков был порядок ещё при Дмитрие Донском. Митрополит Иосиф и сам был греком, выходцем из Второго Рима. То есть наши бегуны-епископы и епископы, «чудесным образом» разминувшиеся со смертью в захваченных татарами городах, — все они креатуры, или, по-русски говоря, выдвиненцы... правильно, читатель, всё той же Византии!

Но как это может быть, спросите вы, читатель. Ведь они же, эти епископы, всё-таки были в большинстве своём русские люди, как они могли бросить свои города, свою землю на разорение чужеземцам? Неужели они настолько подчинялись указкам «из центра»?

Ну, во-первых, читатель, церковные люди, прежде всего, были «гражданами небесного отечества», сначала христианами, а потом русскими. Может, и появлялись уже отдельные монахи или батюшки, для которых дело обстояло не так, но ещё в конце XV века русский вроде бы архиерей мог бросить, как увидим, русскому же великому князю: «в **вашем** Русийском царстве».

«Ваше» царство, «ваша» Русь — поневоле вспоминается расхожее «эта страна» из совсем недавних времён. За три столетия до того Печерский летописец, описывая осады Константинополя своими же предками, бросался определениями вроде «безбожная русь». Его симпатии, вполне очевидно, были на стороне византийских единоверцев, а не предков-язычников.

Гибель русских ладей князя Игоря Рюриковича от огнёмётов византийского флота он смакует — как справедливую кару язычнику, поднявшему руку на православную Византию. Смакует он и историю о гибели этого государя якобы от рук доведенных его глупой жадностью до отчаянья его же подданных, древлян⁵⁵.

⁵⁵ Напомню, что истинная история гибели Игоря изложена мною в книге «Святослав».

Он утверждает, что враг Святослава, Иоанн Цимисхий, вошёл в обороняемый русским князем Доростол — хотя этого не решаются утверждать даже византийские хронисты Лев Диакон и Иоанн Скилица.

Да что там говорить, если в качестве молитвы о победе в «русской» православной церкви утвердился акафист Богородице «Взбранной воеводе», сложенный в честь разгрома **русских** войск под Константинополем!

Этого могли не знать князья и дружинники, внимавшие его строкам, но могли ли быть настолько же невежественными отцы «русской» церкви, её архипастыри?!

Вот отсюда, от «безбожной руси», от «Взбранной воеводе», от летописного сравнения крещёной Ольги среди язычников с жемчугом посреди кала растут на самом деле корни не только у «этой страны» недавних лет.

Когда историк Пекаревский во время Крымской войны, после неудачного для русских войск сражения на Чёрной, завидев знакомого, бросается к нему, радостно сверкая глазами, жмёт руку и счастливым голосом шепчет на ухо: «Нас разбили!», когда во время Русско-японской войны русские интеллигенты будут слать поздравительные телеграммы японскому микадо — это всё оттуда!

Как пекарские радовались победе «передовых», «прогрессивных» европейских стран над «отсталой» Россией, так и православного летописца только радовал разгром русских язычников воинами «богохранимой» Византии.

Такая вот психология.

Так что не надо заблуждаться — воспитанные в таком духе люди — а преуспевали и выходили в епископы и игумены, понятно, только те, кто очень хорошо усвоил этот дух не колебались, получив из заморского «центра» указание бросить паству и бежать при первом появлении ордывцев.

Тем паче, что и они, в конечном итоге, внакладе вовсе не остались. «Русская» церковь пошла на участие в плане небескорыстно. Впрочем, о её выгодах поговорим чуть позднее.

Народ, на самом-то деле, не забыл истинных взаимоотношений церкви с захватчиками. В причудливом преломлении они отразились в киевском предании о «сироте Батие».

Жил-был, гласит эта легенда, в Киеве сирота. Прибился он к монахам Киево-Печерской лавры, работал у них, получал не слишком вкусную, но сытную кормёжку. В отличие от других горожан, обижавших сироту, монахи не смеялись над ним.

Когда у сироты спрашивали, кто он такой, «чей будешь», простоватый подросток отвечал: «Я — Батий!» (то есть «батькам», отцам-монахам принадлежащий). В это время у татар умер царь, и они, по своему обычаю, отпустили на волю его коня, чтоб поглядеть, кого он выберет себе хозяином, а им, татарам, государём.

Конь пошёл в сторону Киева. Шёл-шёл, дошёл до лавры, где работал в это время Батий. Сирота вскочил на коня, и тот не скинул его — признал.

И татары склонились перед новым царём.

Вырос Батий татарским царём, повоёвал весь свет, припомнил и городу Киеву, что не жалел тот сироту, — сжёг, а народ кого порубил, кого в полон угнал. Только лавру не тронул.

В этом наивном предании, однако, сохранено знание. Знание народа, что «Батий», Батыево нашествие выросло-вызрело в монастырях. И память о факте — что даже в самую первую, страшную и сокрушительную Батыеву рать татары не трогали монастырей.

Не зря, получается, перед захватчиками меньше чем в неделю падали огромные центры епархий, города, вмещавшие в своих стенах множество церквей, храмов, обителей — такие как Рязань, Владимир, Чернигов, Киев, Галич.

И не зря стояли по несколько недель, а то и вовсе не поддавались захватчикам те невеликие городки, что стояли в полуязыческой, а то и вовсе языческой глухомани, на окраине Новгородчины, требовавшей «отложить заботничье» (Торжок), вятических земель (Козельск), бродницкого Приднестровья (Холм, Кременец).

И не стоит, право, как Чивилихин, писатель замечательный, но увлекающийся, выдумывать какие-то сверхъестественные укрепления у Козельска или, как некоторые учёные, говорить, будто Холм и Кременец Батий не взял, потому как не умел брать крепости (странно, с Киевом и Владимиром это у него отлично получилось).

Правду говорили древние спартанцы, что лучшие стены для города — отвага его сыновей. Оттого Батыева Орда семь недель штурмовала Козельск и ушла, несолоно хлебавши, из-под стен Холма и Кременца, что в этих маленьких городках не было обителей, в тишине келий пестовавших «Батия», не было предателей-епископов, не было растерянных и испуганных рядовых батюшек, продолжавших по инерции бормотать оставленные беглыми «владыками» проповеди о «каре господней», противиться коей — «грех» и «гордыня» (так прямо и сказано в летописях).

Не стены и рвы, а отвага вдохновляемых древней Верой, голосом Родных Богов витязей защищала маленькие «злые города». Иван Франко в своём «Захаре Беркуте» отлично отразил суть событий, изобразив павшие, склонившиеся перед Ордой христианские города — и до последнего сражающуюся языческую общину.

Он мог даже избежать героического, но трагичного финала своего романа, разместив Беркута с его воинами в стенах Холма или Кременца — несдавшихся твердынь Воляни.

Что и говорить — богатую и щедрую плату заплатила Византия своим монгольским союзникам. За нападение на её врагов, болгар и сельджуков, она фактически открыла, руками епископов-перебежчиков, Батыю дорогу на Русскую землю.

У неё был мотив — мощный союзник, так необходимый вырождающейся, умирающей империи. У неё была возможность — неплохое знание Руси и самое главное — огромный авторитет родины православия у русских христиан.

«Русская» же церковь была соучастницей этого замысла ради своих выгод. Про них ниже — что до возможностей, то их и обсуждать странно — расхолаживание сопротивляющихся проповедям о «наставших последних временах», о «гневе господнем», бегство пастырей — фактический удар в спину защитникам городов.

Без помощи Византии и церкви Батыю, скорее всего, не удалось бы его сумасшедшее предприятие — вторжение с конным войском в чужую страну лесов и крепостей. Ну а церковь — на этот раз в лице летописцев — обеспечила совместной операции «дымовую завесу» из рассуждений о внезапности нападения «языков незнаемых» и о неисчислимых полчищах татар.

У подследственного были возможности к совершению преступления и мотив, кроме того, он всё время врёт. Как вы думаете, читатель, виноват он или нет?

Но вернёмся к выгодам, которые получила церковь во времена господства монголов — или татар, как называли завоевателей на Руси.

Вот что пишет тот же Голубинский: «Татары стали к вере и к духовенству русскому в отношении самой полной терпимости и самого полного благоприветствования... Бич божий, обрушившийся на наше отечество, не явился, по крайней мере, бичом для церкви».

А вот что пишет другой русский церковный историк, Н. Высоцкий: «Тяжело было для русских это монгольское иго. Но не все русские одинаково несли тяжесть этого поражения. Представители церкви постарались завоевать себе привилегированное положение».

Они добились от татарских ханов того, что условия их жизни не были похожи на положение простых смертных. Народ страдал, а они чувствовали себя если не хорошо, то по крайней мере сносно... В момент татарского погрома они постарались обезопасить лично себя, не обращая внимания на вопли и стоны порабощённого народа.

Когда окончательно установилось монгольское иго, они постарались создать себе привилегированное положение...» (Звонарь, 1907, № 8, с. 43, 61).

И ещё один дореволюционный церковный исследователь, К. Шебатинский, в своём исследовании «Учение славянофилов об отношении церкви к государству»: «В татарский, или монгольский, период независимое положение церкви нашей упрочилось благодаря покровительству татарских ханов Золотой Орды. В этот период времени церковь наша получает от ханов особые привилегии» (Странник, 1912, № 8, с. 149).

А теперь, читатель, давайте посмотрим — в каких условиях церковь получала эти «особые привилегии».

1237-1238 годы. Первая «Батыева рать». О ней я уже рассказывал подробно.

1240-1242. Вторая Батыева рать, прокатившаяся по югу Руси в центр Европы.

1252 год. Неврюева рать. Сожжена навсегда

едва начавшая отстраиваться, оживать Рязань⁵⁶. На её месте до сих пор дожди вымывают из крепостных валов изрубленные человечьи кости. Две такие кости сейчас, когда я пишу эти строки, лежат рядом со мною.

Сожжены Суздаль, Переяславль, Тверь. Уничтожен и не возродился город Клещин.

Наравне с Неврюем этим походом командовал его виновник, донесший в Орду на готовящего восстание против гнёта завоевателей брата Андрея русский князь Александр Ярославич, впоследствии, что характерно, возведенный церковью в святые.

На этой личности здесь останавливаться не хочется, в «Тайнах русского Пятибожия» я уже сказал всё, что думаю об этом человеке.

В 1213 году «царёвы татары» разорили города Северо-Восточной Руси.

1275 год. Полчища Куремсы и Бурундая, возвращаясь из похода на Литву, разгромили южно-русские города.

1281 год. Кавгадай и Алчедей разбойничают вновь в Северо-Восточной Руси, в Залесье.

В 1282 году войско, возглавляемое Туратемиром и Алыней, опустошило окрестности Владимира и Переяславля.

В 1293 году земли всей Северо-Восточной Руси вплоть до Волока Ламского, нынешнего Волоколамска, были разграблены ордынским полководцем Дюденем. Исследователи расценивают это нашествие как одно из самых страшных, наряду с походами Батые и Неврюя.

Татары научились отыскивать лесные убежища беженцев, спасения отныне не было даже в лесах. Охотники за двуногим товаром «людей из лесов изведоша», сообщает летопись.

Через четыре года последовало ещё одно нападение на Северо-Восточную Русь.

Словно мало было набегов и «ратей», была ещё и регулярная дань. Взимали её ордынские чиновники-баскаки, в основном — мусульмане и иудеи из Средней Азии. Для удобства переписи, естественно, требовалось провести перепись или «число».

Лаврентьевская летопись под 1257 годом: «Тое же зимы бысть число и изчтоша всю землю Руцкую, только не чтоша, кто служит у церкви».

В другом списке: «не чтоша игуменов, попов, крилошан, кто зреть на святую богородицу и на владыку». Имеется в виду перепись населения — первая в истории Руси перепись, проведенная ордынскими властями с целью правильного обложения податями всех, кто их платил.

Да, дорогой читатель. Церковь была, ни много, ни мало — освобождена от уплаты страшных ордынских податей. Про ордынские поборы ещё в XVIII веке сохранялись жутковатые песни — с богатых брали больше, с бедных — меньше, но всё же немало, и были те, кто, не в силах откупиться день-

гами, вынужден был отдавать скотом, или же... или же отдавать за недоимку баскакам детей, жён, или — самому идти в рабство.

Особенным спросом пользовались русские девушки. Золотоволосые синеглазые красавицы нравились работорговцам из итальянских колоний в Крыму. Женщин они покупали в два раза чаще, чем мужчин. Цена за русскую рабыню превышала цену за рабыню-татарку на порядок — за первую могли дать и две тысячи лир, за вторую — не давали и полутора сотен.

При таких расценках имело смысл волочь живой товар через степь, не слишком беспокоясь о его сохранности — даже если половина перемерёт по пути — дело окупится.

Дани и набеги опустошали Русь в самом буквальном смысле слова. Кто не погибал, не попадал в плен — тот бежал на Север, подальше от ордынской напасти. За XIII столетие многострадальные земли Северо-Восточной Руси лишились 75% населённых пунктов.

Это — беспристрастная археологическая статистика. Не «эмоции», за которые пытаются выдать единодушные сведения восточных, западных и русских источников о разорении, которое оставляли позади себя степные орды, наши татаролюбы-азиопцы, выученики фантазёра Гумилёва. Сухая археологическая статистика.

И вот в этих условиях церковь, которую не трогали в набегам, которую освобождали от даней, «благоденствовала».

Читатель, если у вас есть слова — завидую вашему хладнокровию и словарному запасу. Потому что мне хочется кричать. Кричать не слишком парламентские выражения в каждую бороду, бубнящую о матушке-православной-церкви, которая-де была «хранительницей» русского народа в дни монгольского ига, его «заступницей» и даже — нет, просто нет слов! — вдохновительницей сопротивления ордынцам!

При Батые благоволение завоевателей к церковникам носило, скажем так, недокументированный характер. Их просто не трогали в разоряемых городах, их просто не включали в переписи для обложения данью.

Впоследствии ханы исправно снабжали митрополитов русской церкви охранными грамотами — ярлыками. Менгу-Темир дал ярлык Кириллу, хан Узбек — Петру, Джанибек — Шеогносту, Бердибек — Алексею, Тулунбек — Михаилу.

Суть этих документов хорошо передаёт автор дореволюционного журнала «Звонарь»: «Ярлыками утверждались следующие льготы для духовенства:

во-первых, русская вера ограждалась от всяких хулений и оскорблений со стороны кого бы то ни было, строго запрещалось хищение и повреждение принадлежностей верхнего богослужения;

во-вторых, духовенство освобождалось от даней, всяких пошлин и всяких повинностей;

в-третьих, все церковные недвижимые имущества признавались неприкосновенными, и церковные слуги, т.е. рабы и холопы, объявлялись свободными

⁵⁶ Сейчас Рязанью именуют бывший Переяславль Рязанский, в который была перенесена столица княжества, а при Екатерине II и древнее имя.

от каких бы то ни было общественных работ» (1907, № 8, с. 43).

Причины такой благосклонности ханы отражали в са мих текстах ярлыков.

В самом первом дошедшем до нас ярлыке, данном в 1267 году ханом Менгу-Темиром, сказано: посланцы хана и сборщики дани «ать не замают их (*служителей церкви*. — Л.П.) да правым сердцем богови за нас и за племя наше молятся и благо-словляют нас... сию грамоту видящее и слышащее от попов и от чернецов ни дани, ни иного чего ни хотят, не возмут баскаки, князи, писцы, тамошницы; а возмут, и они повеликой Ясе извинятся (*будут обвинены*. — Л.П.) и умрут».

Спустя почти сто лет, в 1347 году, ханша Тайдулла писала в ярлыке Алексию: «Не надобе им мзды, никакая пошлины не емлют у них ничего, за-неже о нас молитву творят». Перед тем она же пи-сала в грамоте митрополиту Феогносту: «Из давних, из добрых времен и доселе, что молятся богомоль-цы и весь поповский чин, и те никаких не ведают пошлин, самому богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают».

Примерно то же писали ханы Тулунбек и Бердыбек.

Но лучше всего выразился хан Узбек: «Зане они за нас и род наш бога молят и воинство наше укрепляют».

Напрягите своё воображение, читатель. Пред-ставьте, кем надо было быть, чтоб молить бога за разрушителей русских городов и сёл, за убийц рус-ских детей, за торговцев русоконым, голубоглазым товаром на рынках Кафы...

Чтоб радоваться своей безопасности, когда с соседского двора под бабий вой, мимо опустивших почернелые лица мужиков, подручные баскака во-локут живую дань — последнюю ли коровёнку-кормилицу за рога, дочку ли за косу...

Чтоб спокойно смотреть со стены тихой оби-тели, как вздымается жирный чёрный дым над ро-щицей, за которой стояла деревенька, зная при этом — тебя-то не тронут, ярлык!

Попытайтесь представить себе моральный, ежели так можно выразиться, если тут можно гово-рить о какой-то морали, портрет русского, с позво-ления сказать, среднестатистического церковника той поры.

Легче, наверно, представить молебен в мос-ковских церквях за здравие Басаева или Радуева — в конце концов чеченцы, по крайней мере, пока не жгут русских городов — всего лишь взрывают до-ма. И в рабство угоняют по одному, а не деревнями и улицами.

Но всё же попытайтесь — и тогда вас, навер-ное, не так уж удивит тот простой факт, что в 1262 году в Ростове взбунтовавшиеся против татар горо-жане убили, среди прочих баскаков... монаха Зоси-му. Да, читатель, я не ошибся, а вам не привиделось — среди прочих баскаков трудился, собирая дань с земляков, православный инок.

В 1328 году в Твери началось восстание, ко-гда подручные баскака Шевкала — между прочим,

это про его, «Щелкана Дюдентьевича», методы сбо-ра дани ходили предания ещё четыре столетия с га-ком! — стали отбирать кобылу у диакона Богоро-дицкой церкви Дюдко.

Не думаю, что церковный люд так уж возлю-били миряне, просто... просто поняли — раз уж и у них те перь отбирают, и ярлык более не защита, значит — всё. Нечего больше терять. Край. .

Восставшую Тверь спалило совместное мос-ковско-ордынское войско. Князь Тверской, Михаил, бежал в Псков, до которого длинные лапы Орды были бессильны дотянуться — но всё же Орда до-стала его. Чужими руками. Руками церкви. Митро-полит Феогност — кстати, митрополиты давно уже переехали из Киева во Владимир, поближе к Орде, что ли? — пригрозил псковинам, ни много ни мало, отлучением, если они не выдадут вождя восстания хану Узбеку.

Ну, читатель, как вам «заступники и печаль-ники земли Русской»? Священник, «молящий бога» за род поработителей своего народа и жгущее его землю войско. Монах, помогающий завоевателям собирать дань с земляков. Митрополит, требующий выдачи защитника русских людей татарам. Позоло-ченные купола, радостно сияющие над трупами и пожарами.

Когда я слышу сегодня обращённые к рус-скому народу вопли о покаянии, меня, грешным де-лом, так и подмывает спросить: а как насчёт того, чтобы церкви покаяться за кое-что перед русским народом? Ну, треть народа, вырезанную во времена крещения... это еще вопрос спорный, нам, конечно, заявят, что во имя спасения людских душ и не такие жертвы оправданны.

Но вот за это — за благоденствие на пепели-ще, за молитвы о здравии тех, кто жёг русские го-рода и веси, за монаха-баскака, за шантаж анафемой и принуждение к выдаче завоевателям вождей рус-ского сопротивления — может, не мешало бы, а?

Но тут защитники церкви на пару с азиопца-ми-татаролюбями начинают петь, что-де татары да-ровали ярлыки православной церкви исключительно по причине своей общей веротерпимости. Ува-жали, мол, любых жрецов, вот и православных «по-пов, и чернецов, и игуменов» в том числе.

Может, кто-то в это и поверит, читатель. Кто-то, не знающий, скажем, о расправе Чингисхана с шаманами родного племени (в порядке «уважения», надо думать). Или о фресках в соборах Сандомира и Кракова, на которых по сию пору кровотоцит па-мять о страшной участи польских патеров, коим досталась горькая судьба живьём попасть в руки завоевателей.

О разорении польских обителей я уже писал. А ведь там был тот же самый Батый, о бережном обхождении коего с Киево-Печерским монастырём так долго помнили киевляне, при котором право-славные епископы могли выжить в вырезанном го-роде.

И самое главное, близкое к теме нашей книги. Обратитесь к прошлой главе, уважаемый читатель. Напоминаю — на Руси существовало две парал-лельные культуры, почти не пересекающиеся между

собою. И где же доказательства «терпимости» татарских владык ко второй (а точнее — первой) русской культуре? Где ярлыки, дарованные волхвам, и свидетельства их освобождения от уплаты дани?

Этих свидетельств нам не предъявят ни адвокаты зосим и феогностов, ни любители батыев и узбеков. По той простой причине, что их — нет. Нет в истории, или, если угодно, в природе. Зато есть иные свидетельства.

После ордынского нашествия в городах резко исчезают свидетельства языческих ритуалов. Исчезает языческое узорчье с женских украшений. Исчезают — из городов — деревянные идолы. Следы жертвоприношений коней и быков. Угасают последние крупные капища.

Нет больше упоминаний про выступления волхвов. Вторая культура Руси идёт на спад, исчезает. Русское язычество окончательно превращается в религию сельских жителей да кое-где небольших маргинальных группок, может быть, отдельных семей, среди городского населения.

Прикажете считать это случайным совпадением?

Нет уж, уважаемые. Причины, по которым церкви давали ярлыки, ясно обозначены в них самих. Это поддержка ордынской власти. Это помощь в захвате и удержании власти над Русскими землями.

Батый и его потомки застали на Руси две веры. И сделали между ними выбор — выбор вполне естественный и осознанный. Потому что легче править и собирать дань с «раба Христова», и так привыкшего падать на колени и бить поклоны, а не с «Даждьбожьего внука», готового скорее разлучиться с жизнью, чем с честью, даже молящегося — стоя.

Потому что лучше уж «всякая власть от бога», чем неукоснительная вера в Правду-Роту, что превыше любых правителей. Лучше — россыпь одиночек, каждый радеющий о своём «спасении», чем сплочённые роды-кланы язычников. И так далее, и тому подобное. Лучше — для поработителей. Но лучше ли — для Руси?

Церковь вволю попользовалась развязанными захватчиком руками. За период монгольского господства она успела практически извести язычников — сознательных и последовательных, по крайней мере — в большинстве крупных городов Руси.

Как выше было уже сказано, всякая хула на православную веру и церковь каралась смертью — грех было упускать такой шанс расправиться с «погаными»!

Нехристианская природа самой ордынской власти церковь не смущала и не мешала ей прогибаться перед ханами, как потом не помешает прогибаться перед безбожниками-комиссарами. Честное слово, если церковь и впрямь «невеста Христова», значит, «рогатый бог» — это именно Христос, а не кельтский Цернунн.

Не зря Сергей Есенин мазал ворота монастырей дёгтем — как поступали в русских деревнях с жилищами потаскух. Несколько по-иному обстояло

дело в Великом княжестве Литовском, но это — немного другой вопрос, его мы рассмотрим позднее.

Пока — ещё несколько слов о тех, кто оставался верен вере пращуров на землях несчастного Северо-Востока. А такие были.

Очень любопытное сравнительное описание «поганых»-язычников и христиан дал живший в конце XIII века епископ Владимирский Серапион, лицо, которое трудно заподозрить в любви к язычникам. Хотя в целом, конечно, лицо любопытное — выступал против истребления волхвов, скажем.

Его предшественник, епископ Митрофан, был, кстати, единственным епископом Северо-Восточной Руси, погибшим во время нашествия. Этот человек, опять же единственный среди русских «владык», до конца вдохновлял защитников города на сопротивление и сгорел в осаждённом соборе.

Если Серапион был его выжившим учеником — не удивляюсь его честности. Всё же в любой структуре могут найтись один-два порядочных человека.

Итак, сочинение Серапиона «Слово о маловерии».

«Печаль глубокую ношу в сердце своём о вас, дети мои. Никак не измените вы дурных своих привычек, всё богомерзкое творите вы на погибель души своей. Правду отринули, любви не имеете, зависть и лесь процветают в вас...

Лучше же, братья, отойдём от дурного, оставим все злодеяния: разбой, грабежи, пьянство, прелюбодейство, лихоимство, обиды, воровство, скупость, лжесвидетельство, гнев, ярость, злопамятство, ложь, клевету, ростовщичество.

...Почему о безумии своём не скорбите? Даже язычники, закона божьего не ведая, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют понапрасну, не клеветуют, не крадут, не зарятся на чужое; никакой язычник не предаст своего брата, а если кого постигнет беда, то искупят его и в нужде его помогут ему, и найденное на торгу всем покажут.

Мы же считаем себя православными, крещены во имя божье, и заповеди его слышали, но всегда неправды исполнены, и зависти, и немилосердия. Братьев своих грабим, неверным их продаём, если бы могли, доносами, завистью свели бы друг друга...»

Как видите, читатель, создаётся любопытное впечатление. Послушать Серапиона, язычники — вместилище всех добродетелей и образец для подражания. А вот христиане... просто моральные уроды какие-то!

Впрочем, вспомним монаха Зосиму — и не будем особенно удивляться. Очень возможно, что Серапион знал, что писал. Очень возможно, что это его горькое «мы» вообще относится не просто к прихожанам, а к людям церкви.

О сложностях с применением к среднему священнику времён монгольского господства на Руси слова «мораль» мы уже говорили.

А вот второе упоминание о русском язычнике, уже XIV века. Преподобный Пафнутий Боровский рассказывает, что некая монахиня (надо думать, за особые заслуги) была живой взята на тот свет, а потом отпущена на землю, передать впечатления.

Так вот, помимо прочего, она наблюдала там, на полдороге между адом и раем, «пса лежаща, одетого шубою соболью». Сопровождающий монахиню в её познавательной экскурсии «гид»-архангел ответил на естественный вопрос монахини, что бы это значило, что перед нею — язычник, «милостивый и добродетельный; неизреченной ради его милостыни избавил его бог от муки.

Но он не потщился стяжать истинную веру, не породился водою и духом и потому недостойн был войти в рай. А был он так милостив, что искупал всех от всякия беды, откупал должников, посылал по ордам и выкупал пленных христиан, даже птиц выкупал и выпускал на волю».

Как видим, перед нами «нехристь», к «ордам» не принадлежащий, и, судя по всему, земляк тех «христиан», что выкупал в «ордах». Стало быть — один из последних русских язычников, и, как видно по масштабам благотворительности, человек не бедный.

Во времена преподобного Пафнутия таковые, по всей видимости, встречались. Ещё раз демонстрирует отношение христиан к некрещёным землякам то, что этот, судя по описанию, почти святой человек для Пафнутия даже не человек, а пёс. Ещё бы, ведь сам Иисус уподобил язычников псам (Мк. 7:27, Мтф. 15:22-28).

Кстати, это сравнение очень любили немцы-католики, навязывавшие христианство варягам.

Зато, кстати, в раю наша монахиня-путешественница видела не кого-нибудь, а Ивана Даниловича Калиту, того самого московского князя, что вместе с ордами Узбека жёг мятежную Тверь и собирал дань для хана.

Вот такая расстановка симпатий у христианского пастыря — язычник, выкупающий пленных христиан у ордынцев — эта даже не человек, а всего лишь собака, из милости прикрытая шубой в знак его добрых дел. А ордынский полицаи — в раю.

К этому трудно добавить что-либо, кроме одного обстоятельства. Его отмечает в своей «Истории церкви» А. Карташёв. Православная церковь за все века ига так и не выкупила *ни одного* пленника. **Ни одного.**

В родословных российского дворянства наблюдается одно забавное явление. Очень часто дворянский род начинается с того, что веке в XIV на службу к московскому, реже — тверскому или рязанскому, или ещё какому-нибудь, князю приходит некий татарский князь.

Дело-то вполне обыденное, с одной стороны, несть ни эллина, ни иудея, крестись в православную веру да и служи (и чего это православные так возмущаются засильем «лиц южной национальности», скажем, в милиции? Крещёных татар на службе у их любимых московских государей было ну никак не меньше).

С другой стороны, Орда уже не та, потомки Чингисхана окончательно перегрызлись, и служить «хану» московского «улуса» выгоднее, как ни погляди — и слава, и добыча, и надёжность — по крайности, на Москве князья друг дружку не режут напрапалую, как в Сарае!

Всё бы так, и ни к чему было бы упоминать это заурядное обстоятельство в моей книге. Да вот только имена у этих самых «татар» иногда уж больно чудные. Зовут их... Ждан, Ярослав, Будимир... не самые татарские имена, право же.

Лично я вношу этих «странных татар» в копилку доказательств существования в это время русских язычников. Почему их записали в «татары»? Всё предельно просто, уважаемый читатель.

Дело в том, что родословные российского дворянства дошли до нас в списках не старше XVII столетия, когда, конечно, слово «поганый» или хотя бы «некрещёный» могло ассоциироваться только с инородцами. Да ещё и имена малознакомые. В общем, явные «татары»!

Вспоминается в этой связи такой эпизод с одною моей знакомой. Взяв у меня почитать книжку славянского фэнтези, она вскоре вернула её обратно и была крайне недовольна. «Имена какие-то татарские, не запомнишь — Огневед, Яромысл».

Добавьте ещё и моду у российского дворянства на иностранное, или хотя бы инородческое⁵⁷ происхождение — и вы поймёте, почему того, кто по приезду ко двору московского государя рекомендовался как «поганый князь Ждан (Ярослав, Будимир и пр.)», могли запросто записать посмертно в «татары».

Кстати, среди этих странных «татар», носящих не татарские имена, были Ротай, Бедырь, Порхач и Битюг — основатели дворянского рода Кайсаровых, потомок коего, Андрей Сергеевич Кайсаров, написал в 1803 году труд «Славянская и российская мифология».

Возможен, однако, и другой вариант. Правда, он не слишком вероятен, о чём сразу предупреждаю читателя, поскольку основан на построениях Льва Николаевича Гумилёва, исследователя, не всегда строгого в подборе аргументов, особенно когда речь идёт о его любимых монголах.

В одном из своих сочинений он бегло упоминает о якобы существующих сведениях про то, что в гвардию великого хана в Каракоруме входили русы-язычники. Вроде бы им принадлежал целый надел земли — не то в Монголии, не то в Северном Китае.

Однако где бы ни было пристанище ушедших так далеко от отчизны язычников, их, несомненно, должно было тянуть к родной земле, к её священным рощам и источникам, к могилам пращуров. Возможно, это они или их сыновья, внуки и возвращались тогда на родную землю.

⁵⁷ Многие помнят знаменитую просьбу Ермолова: «Государь, произведите меня в немцы!» Но просьба «произвести в татары» звучала бы не менее обоснованно. Чего стоит тот факт, что потомки Кучума в Российской империи стали сенаторами, а потомки его победителя, завоевателя Сибири Ермака — никем.

Тогда они действительно, по крайней мере формально, были «татарами» — кем ещё могли быть личные охранники великого хана? Но при этом носили вполне славянские имена.

Ну, вот видите, скажут мне читатели-христиане, и ваши язычники служили завоевателям. А на Куликовом поле свободу Руси добыли благословение Сергия Радонежского да подвиг монаха Александра Пересвета. А где были язычники?

Как это ни покажется удивительным — на Куликовом поле же и были. Да и с Сергием Радонежским и двумя братьями-богатырями, Пересветом и Ослябей, не всё так ясно и просто, как хотелось бы того христианам.

Начнём, пожалуй, вот с какого обстоятельства. Кто-нибудь из рассуждающих о Сергии Радонежском и его благословении, принесшем-де победу русским ратям на поле Куликовом, обращает ли внимание на некоторую несообразность — великий князь Дмитрий Иванович отправляется испрашивать благословения на решительную битву с врагом веры и отечества у игумена затерянной в лесах обители, чуть ли не скита даже?

Странно ведь, что ни говори. Продолжая аналогию с Великой Отечественной, начатую Петром Хомяковым, попытаемся представить, что маршал Жуков отправляется за инструкциями и одобрением своих действий к секретарю колхозного райкома.

Странно бы это было? Мягко говоря, очень странно. А где, извините, более высокие церковные иерархи? Где митрополит, епископы? Почему они не благословят московского государя на защиту «веры и отечества»? или, как гласит «Задонщина», за землю Русскую, за веру христианскую?

Первоначально я сам просто предполагал, что Дмитрий не пошёл к этим людям, зная, что они из себя представляют. И только статья влх. Велимира (Н. Сперанского) «Дух язычества — дух победы» указала мне на более интересный аспект событий, предшествовавших Куликовской победе.

Дело в том, что Дмитрий на момент битвы находился в серьёзнейшей ссоре с митрополитом-болгаринном Киприаном, фактически он был отлучён от церкви — и посему, очевидно, никто из церковных иерархов его попросту не принял.

Это потом уже, после Куликовской победы, Киприан примирился с Дмитрием — победителей не судят. Кстати, Киприан занял свой пост при сопротивлении Дмитрия, пытавшегося провести на митрополичью кафедру своего духовника Михаила Митяя, и не без помощи Сергия.

Кстати же, будущее показало, что Дмитрий был целиком прав, не доверяя византийскому ставленнику — когда, уже после Куликова поля, к Москве подошёл Тохтамыш, Киприан, на которого отправившийся собирать войска князь оставил столицу, поступил совсем как архипастыри в 1237 году — сбежал.

Москву защищал — и погиб, защищая её, — литовский князь Остей, сын Андрея Ольгердовича.

Далее, Сергий, в общем-то, не благословлял. В ранних житиях рассказывается, как пустынный

долго уговаривал князя поклониться Мамаю, поднести ему дары, («почти дарами и воздай честь нечестивому Мамаю, да, видим твоё смирение, господь бог вознесёт тебя, а его неукротимую ярость и гордость низложит»), и только потом выговорил нечто среднее между благословением и предсказанием — мол, если пойдешь на Мамаю в великой силе, то победишь.

Дальше — ещё занимательней. Войско Дмитрия стояло на Куликовом поле так, что первый удар ордынцев Мамаю приняли на себя дружины пришедших зимой 1379-1380 годов на службу к Дмитрию Ивановичу литовских князей Андрея (отца Остея) и Дмитрия Ольгердовича.

Сами князья — крещёные, но, судя по именам, в первом поколении. Литва — держава ещё языческая, в стольном городе Вильно (будущем Вильнюсе) стоит каменный храм Перкунаса-Громовержца, русского Перуна, на месте которого после крещения Литвы поставят деревянный костёл.

В храме полыхает неугасимый костёр из дубовых дров. Среди дружинников-литвинов наверняка должно было оставаться немало язычников, причём необязательно литовских, балтских. Языческие поверья были крепки и в белорусском Полесье, входившем тогда в состав Литвы, — многие авторы утверждают, что и литвинами-то тогда называли тех, кого мы сегодня зовем белорусами.

Итак, впереди всех, в так называемом «сторожевом полку», в авангарде, находились литвины, в большинстве своём, скорее всего, или вчерашние язычники, или вполне себе сегодняшние. Литва вообще в христианство будет обращаться тяжело и медленно.

Далее идут таинственные, не названные по именам «князья Белозерские». Их — двенадцать, по сообщению всё той же «Задонщины», самого раннего из памятников Куликовского цикла. Войско их, соответственно, надо полагать, из Белозерья.

Как мы помним, жители этих мест не желали выдавать Яню Вышатичу волхвов до тех пор, пока он не припугнул их, что останется в их городке с дружиной на год. Изменилось ли что-нибудь за три столетия?

Честно говоря, не слишком. Неподальку от Белого озера есть озеро Кубенское. Там в 1342 году князь Глеб Борисович застал «много множество неверных человек вскрай Кубенского озера великого по берегам». «Неверные» пытались выжить общину монахов-пустынников, угнездившуюся на островке Спас-Камень, напротив горы с многозначительным названием «Лысая».

Очевидно, Камень тоже играл какую-то роль в местной обрядности и язычники всего лишь пытались прогнать чужаков со священного для них места. Так что монахам приходилось «молитвы возсылающе богу отай» — то есть тайно.

Неспокойно пришлось на новом месте (на самом Белом озере) и другому пустынножителю — Кириллу Белозерскому. Он пришёл сюда уже после Куликовской победы — в 1397 году. Выходец из знатного боярского рода Вельяминовых обрёл здесь, как сообщает его житие, желанное одиночест-

во — «и никому же ту о человек живушу».

Однако вскоре смиренного пустычника ограбили, а потом и попытались поджечь. Что говорит о том, конечно, что местность была не настолько пустынна, как хотелось того Кириллу — вряд ли поджогами и ограблениями занимались медведи.

Благо и заселился он на горку над берегом, которую впоследствии стали называть Ивановской — как видно, она была местом для Купальских игрищ. Да и места неподалёку от Славенского волоку безлюдными быть просто не могли.

Там же находится огромный камень-валун с врезанным «отпечатком» человеческой ступни. Такие камни — следовики — служили предметом языческого культа у многих народов. Неподалёку же располагалась деревня Болванцы — то есть Идолы.

А в реке Шексне, впадавшей в Белое озеро, найден был невысокий каменный истукан фаллической формы. Правда, был ли он тем самым «камнем», который низвергли в Шексну при крещении Белоозера, как полагает собравший все эти интереснейшие сведения вологодский подвижник-краевед и этнограф А.В. Кузнецов, я сказать не решусь.

Могу сказать одно — если это так, то Белоозеро крестили не ранее XIV столетия. Дело в том, что до начала этого века город стоял в другом месте, на берегу давшего ему имя водоёма, не над Шексной. Перенесён на новое место он был в результате разразившейся в середине столетия эпидемии «чёрной смерти», полностью опустошившей прежде Белоозеро, после чего опустевший город и забросили.

Впрочем, «безлюдность» или «пустынность» облюбованных отшельником мест — обиходный оборот житийной литературы. Поскольку в каком-то месте не было христиан, постольку считалось, что в нём нет и людей, как таковых.

Так, если верить житию Герасима Вологодского, то инок пришёл на пустое место, «на великий лес», и лишь потом, чуть не вокруг его кельи, возник город. В житии, несмотря на это, мимоходом упоминается торговый посад (в лесу?!). Раскопки выяснили, что город Вологда существовал задолго до 1147 года, когда в этих краях объявился Герасим.

Очевидно, то же было и с Кириллом. То есть жители окрестностей Белоозера, как и их соседи с озера Кубенского, принадлежали к тем, кого порядочному иноку и замечать-то не подобало, пока они не возьмутся грабить его или поджигать келью.

А значит, население Белоозера также принадлежало к числу «неверных человек», которые «не... принята святое крещение». Именно их и вывели двенадцать Белозерских князей на Куликово поле, встав, по воле Дмитрия Ивановича, в «чело» — передние ряды — Большого полка.

За ними же стояли «москвичи» — жители Московской земли, куда более плотно «охваченные» крещением и вниманием церкви, чем жители Северной и Западной окраин. И что же? «Москвичи же мнози небывальци, видевшее множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшася, а иным на бегы обратишася».

Не отошли с боем, как литвины, не стояли насмерть, как белозерцы, — испугались и побежали.

И можно себе представить, чем закончилась бы эта битва, если бы не Дмитрий Боброк. Мне доводилось удивлять знакомых сообщением о том, что не только литвины участвовали в битве, но даже и сам прославленный во множестве книжек и даже в мультфильме воевода Боброк — литвин по национальности⁵⁸.

Что поделаешь, он был выходцем с Волыни, а та в те времена была землёю Великого княжества Литовского и Русского. Более того, воевода-литвин, ни много ни мало, ворожит князю, ещё не прозванному Донским, о будущей победе по волчьему вою, заре и «голосу земли».

Любопытно, что в западнорусских, Смоленских землях, на момент Куликовской битвы — «литовских», ещё в начале XX века простолюдины ходили вот так «слушать землю» на заре — тайком, сняв крест. Два Дмитрия, князь и воевода, тоже гадали о победе тайком — на дворе всё же был не XII век. Любопытно, снимали ли они при этом кресты?

Так вот, именно он, этот литовский ведун-двоеверец, в тот момент, когда дрогнули и побежали под натиском Мамаевых полчищ православные москвичи, спас битву, спас Русь, вылетев с засадным полком из дубравы, где хоронился до времени.

Боброк, кстати, потом вернётся на родину и погибнет, сражаясь с татарами на Ворскле, под родными, литовскими знамёнами, за князя Витовта, ещё не крестившего своих подданных.

Как видим, двоеверцам и язычникам из «поганой» Литвы вкуче с «неверными» белозерцами принадлежала немалая роль в Куликовской победе.

А как же братья-монахи Ослябя и Пересвет? С ними тоже не всё просто. Да, я понимаю, читатель, что, если вы привыкли судить о Куликовской, битве по школьным учебникам или мультфильму «Лебеди Непрядвы»⁵⁹, то у вас просто на подкорке должны были отпечататься и благословляющий князя на бой с ордою поганою Сергей, и Пересвет, в одной рясе да скуфейке, несущийся на бой с закованным в железо ордынцем Челубеем.

Вот только стоит повнимательнее вчитаться в источники. И красивая, хоть миниатюру под Палех лакируй, картинка рассыпается. Слишком уж много загадок скопилось вокруг братьев Осляби и Пересвета.

Про Пересвета летописи, составленные сразу после битвы, скажем, вообще почти ничего не говорят, ограничиваясь его упоминанием среди погибших на поле Куликовом. Что ещё удивительнее,

⁵⁸ При этом в одном из романов, посвящённых ему, Боброчка, выведенного таким начальником тайной службы Московского князя, заставляют сражаться с... литовскими шпионами!

⁵⁹ Мультфильм, впрочем, на диво хорош и я очень рекомендую его тем читателям, что ещё не успели его посмотреть. Было же время, когда у нас умели снимать не только хохмочки про могучего и тупого «Алёшу Поповича» и «Добрыню Никитича», обнимающегося со змеем-вегетарианцем.

полное молчание про братьев хранит и житие Сергия Радонежского.

А это уж, что называется, ни в какие ворота — что ж, как игумен огород монастырский собственноручно окучивал — важно, а что на бой с погаными басурманами двух парней из монастыря отправил, «за веру христианскую, за землю Русскую» — так это ерунда, проходная деталь, о которой и позабыть не грех?!

Ведь, согласно более поздним, лет через сто после битвы записанным преданиям, Сергей возложил братьям — иногда их именуют послушниками — схимы.

Современному человеку трудно понять, что тут такого уж из ряда вон выходящего. Однако необычное, мягко говоря, в этой ситуации есть. Церковь часто именуется воинством Христовым, и, как во всякой армии, есть в ней своя жёсткая субординация.

Схимник — иначе говоря, схимонах — одно из высших званий в этой армии. Сперва человек становится послушником — года так на три, потом его постригают, делают рясофором — ещё не монахом! — потом идёт просто монах, потом — иеромонах, а вот уж потом...

Прочувствовали? Поверить, будто обычному монаху — не говоря про послушника — надели схиму, всё равно, что поверить в то, что лейтенанта за какой-то подвиг произвели в генерал-лейтенанты. Такие превращения бывают разве что во снах кадета Биглера из «Бравого солдата Швейка».

Более того, по законам православной церкви ни священник, ни монах под страхом отлучения не имеют права брать в руки оружие, даже и для защиты собственной жизни. Существует рассказ о том, как Пётр I, увидев некоего священника, идущего по дороге с ружьём, заметил — а не боится ли, мол, батюшка отлучения?

На что почтенный иерей вполне разумно заметил, что если на кишащих разбойниками (результат «реформ» Петра) дорогах ему повстречается шайка лихих людей — ему уже не до отлучения будет.

Православие никогда не знало храмовников, госпитальеров — всего этого воинствующего монашества католиков, более того, попрекало «латинян» за столь нехристианское, с точки зрения восточного христианства, поведение.

Бывали в нашей истории случаи, когда полковые батюшки рядом с солдатами шли на вражеские редуты — за что им, конечно же, честь и хвала — но в руках у них в эти моменты мог быть только крест, которым они воодушевляли на битву православное воинство, который прикладывали к губам умирающих. Только крест, ничего более.

То есть православный монах, тем паче послушник, получающий из рук игумена схиму и участвующий, опять же с благословения игумена, в бою с оружием в руках — это такая невидаль, такая двойная небывальщина, что ей бы самое место на страницах летописей, вместе, скажем, с сообщениями о солнечных затмениях, кометах, землетрясени-

ях и прочих чудесах, Однако летописи — молчат⁶⁰.

Из современных Куликовской битве памятников о Пересвете и Ослябе говорит только «Задонщина». По её словам, Пересвет «злаченным доспехом посвечивает». Вот и все сказки про рясы, скуфейки, схиму.

Правы оказались советский художник Авилов, язычник Константин Васильев да неведомый мне автор памятника русскому герою в Брянске, изобразившие Пересвета в доспехах русского богатыря — а не Виктор Васнецов, нацепивший на героя схиму, и уж подавно не нынешние не по уму усердные живописцы, изображающие, как Пересвет в одних схиме с рясой, нимбе да лаптях (!) сражается с закованным в чешуйчатые латы Челубеем.

В самой же ранней, Кирилле-Белозёрской редакции «Задонщины» (названной так потому, что сохранилась в монастыре, основанном нашим знакомцем, Кириллом, отшельником с Белого озера), Пересвета с братом и чернецами-то не именуют!

«Хоробрый Пересвет поскакивает на своем вешем сивце, свистом поля перегороди». Хорош смиренный инок, читатель? Дальше — пуще: «...а ркучи таково слово: «Лутчи бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели от поганых полоненным».

Картина маслом кисти Репина, «Приплыли» называется. Православный монах проповедует самоубийство с помощью собственного меча, как предпочтительное плену. Да ведь это — нормальная этика русского воина-язычника времён Игоря или Святослава!

О русах, кидающихся на собственные клинки, лишь бы не попасть в плен к врагу, пишут грек Лев Диакон (о русах Святослава в Болгарии) и перс ибн Мискавейх (про русов в городе Берда). А вот с точки зрения православного (не говорю уж — монаха) самоубийство тяжкий, непростительный грех.

Закрадывается, право, нехорошее подозрение — да были ли наши герои монахами? Если и были — то определённо не Троицкого монастыря, основанного Сергием Радонежским. В каждой обители существует такой особый список — синодик, или помянник. По нему поминают на службах всех когда-либо живших в обителях братьев.

Так вот, в поминальном перечне Троицкой обители имена Александра Пересвета и Родиона Осляби отсутствуют. Захоронены оба воина в Старо-Симоновском монастыре на территории Москвы, чего, конечно, не могло бы быть, если бы они были монахами Троицкой обители — та не допустила бы погребения столь именитых своих братьев вне своих стен, в «чужой» земле.

Между прочим, оба брата на момент битвы вовсе не были теми пухлогубыми, безусыми, богатырями, которых изображает мультфильм «Лебеди

⁶⁰ Совсем уж гротескный поворот сюжета — в Интернете, разыскивая сведения про Пересвета, наткнулся на утверждение в одном православном сайте, что тот с братом были... телохранителями Сергия Радонежского. Вот заставь некоторых богу молиться... до преобразования скромного игумена в мафиозного «босса», окружённого «быками» в сутанах, не всякий атеист или язычник додумается.

Непрядвы». У младшего, Осляби, был уже взрослый сын Яков, погибший в Куликовской битве.

Не прервался и род старшего — спустя два столетия в Московию переедет литовский выходец Иван Пересветов, потомок героя «Мамаева побоища», страстный сторонник самовластия московских государей.

Стоп! Но отчего же — «литовский выходец»? Да оттого что оба брата именуются во всех источниках «боярами брянскими», иногда — «любучанами», выходцами из расположенного неподалеку от Брянска городка Любутска на Оке. А во времена Мамаи и Дмитрия Донского это — земли княжеств Литовского и Русского.

То есть и Пересвет с Ослябею тоже «литовскоподданные», и под знамёна московского князя могли прийти лишь вслед за своим сюзереном, уже упоминавшимся нами Дмитрием Ольгердовичем, князем Брянским, основателем рода князей Трубецких.

Тогда, кстати, понятно участие Пересвета в первых стычках с татарами — ведь, как мы уже говорили, литовские витязи стояли в передовых рядах русского войска. Кстати, кого-то огорчу, кого-то — порадую: гибель Пересвета в поединке перед началом сражения также всего лишь поздняя легенда.

По «Задонщине», свою не слишком христианскую реплику Пересвет произносит, когда «иные уже лежат посечены у Дона Великого на берегу» — то есть битва в разгаре, а Пересвет — жив. Не знаю, как вас, читатель, а меня это только радует — очень было бы обидно, если б бывалый воин погиб, расплатившись за «свою жизнь лишь одной татарской».

Однако это не самое интересное. Дело в том, что Дмитрий Ольгердович с братом Андреем, как мы с вами хорошо помним, читатель, на службу московскому князю перешёл зимой 1379-1380 годов. Сражение на поле Куликовом произошло, как известно, осенью 1380 года.

А теперь, как говорится, внимание, вопрос. Когда успели братья уйти в монахи, да ещё в монастырь, расположенный на территории Московского княжества, и пройти там хотя бы трёхгодичный, как помним, срок послушничества? Не говоря уж про схиму...

Вопросы, вопросы, вопросы. И ни одного ответа. Точнее, есть как раз один — на все вопросы разом.

Ни Пересвет, ни его брат Родион Ослябя на момент Куликовской битвы не были монахами. Ни Троицкого, ни какого-либо иного монастыря — монахи освобождаются от любых земных обязанностей, «умирает для мира», и следовать за сюзереном (уже бывшим) на территорию другого государства не должен.

Как я уже говорил, сами братья Ольгердовичи были крещены уже взрослыми людьми, первыми в своём роду. Судя по «святоотечественным» высказываниям Пересвета, христианство не успело пустить глубокие корни и в душах их бояр — точно так же, как и в душе ведуна Боброка.

Уцелевший в Куликовской сече Ослябя слу-

жил впоследствии у митрополита Киприана, под старость же и впрямь постригся в монахи. Так и появился в летописях «чернец Родион Ослябя», ну а уж монахи-переписчики, видя, что он называет Пересвета братом, включили посмертно в свои ряды обоих героев Куликова поля.

И произошло это не ранее конца XV столетия, уже через век после битвы, когда иго татар было окончательно скинуто Русью и последняя попытка его реставрировать (хан Ахмат, стояние на реке Угре, 1480 год) провалилась. В те времена появилось много легенд, в том числе — «Сказание о Мамаевом побоище», перекроившее «на злобу дня» всю историю Куликовского сражения.

Тогда же появились первые, нескладные ещё рассказы о небывалом походе на Куликово поле злодея-литвина Ягайло, надумавшего ударить в спину православному воинству. В «Сказании» литву вообще ведёт на Куликово поле почивший за несколько лет до битвы Ольгерд — не иначе, злые литовские волхвы подняли мертвяка из могилы.

В летописях Москвы в те же времена впервые появляется сообщение о походе Ягайло «с силой литовския и лятския». Вот только «лятская», польская «сила» у Ягайло в 1380 году — это из разряда тех же неграмотных сказок, что и покойник Ольгерд во главе войска.

Литва объединилась с Польшей — на свою, в конечном счёте, голову — лишь в 1385 году, через пять лет после сражения и ни в каких, кроме этих неграмотных сказок, источниках не упомянутого похода.

Вражда Москвы с Литвой, точнее, уже с Речью Посполитой, вступала в свою решающую фазу, и активнейшее участие литвинов в победе над Ордой требовалось замазать — сказочным ли походом Ягайло на Русь, выдуманным ли монашеством — понятное дело, в стоящей на Московских землях обители — литовских витязей.

Требовалось кое-что замазать и церкви — своё... как бы это цензурно-то... своё, скажем так, **поведение** в годы ордынского ига. Епископов-бегунов и епископов, «чудесно спасшихся» в разорённых городах, проповеди о смирении перед захватчиками, молитвы за ордынского «царя» с семейством, монахов-баскаков и прочие милые шалости.

Хотя незадолго до того — вы не поверите, читатель, — церковь не скрывала своего сотрудничества с ханами, она им хвалилась! Когда Иван III посягнул на церковные земли, «святые отцы» заявили великому князю: «...мнози и от неверных и нечестивых царей... зело по святых церквах побораху, не токмо в своих странах, но и в Русийском вашем царствии, и ярлыки давали».

И козырями выложили на стол... те самые ярлыки, которые я недавно цитировал.

Не знаешь, на что умиляться больше — на это самое дивное «Русийском вашем царствии» или на оглушительно наглую попытку в недавно освобождённой от оккупации стране ссылкой на законы оккупантов, на выслуженные у захватчиков льготы.

Но минул 1480-й, Русь на Угре навсегда по-

ставила Орду на место. И «невеста Христова», ещё, так сказать, не износивши подаренных Батыею «сапог», кинулась примазываться к русской победе, посмертно достригать в свой монастырь братьев-полуязычников из дремучих брянских лесов, где в годы их молодости догорали последние погребальные костры — возможно, ещё их отец сгорел на таком.

Исторический же Пересвет монахом никогда не был, обитель Сергия разве что мимо проезжал.

Я знаю, написанное мною мало что изменит. Как были, так и останутся бесчисленные картинки с Пересветом, вопреки всякому здравому смыслу, скачущим на врага в долгополой сутане. Как звучали, так и будут звучать истерические завывания штильмарков и уткиных про «подвиг схимника Пересвета, благословленного на бой святым Сергием».

Что ж, вольному — воля, а «спасённым» — их рай, их краденые герои и ворованные подвиги. Каждому — своё. Мы же будем помнить русских витязей, героев поля Куликова, вернувших Руси свободу, отнятую захватчиками из степей, интриганами из Византии и предателями в рясах, — Пересвета Хороброго и брата его, Ослябю.

Русь была освобождена. Но за время ордынского ига произошёл перелом, окончательно определивший судьбу русского язычества.

И дело не только в церкви, воспользовавшейся предоставленными Ордой льготами для расправы со своим давним врагом — родной верой Руси. Не в

том даже, что все крупные города окончательно и безраздельно стали христианскими — мы больше не встретим ни в письменных, ни в археологических источниках ни следа городских капищ.

Дело в том, что полтора столетия ордынского ига что-то переломили в душе русских людей. Не клёкот соколиной гордости Дажьбожьих внуков находил теперь в них отзвук, а утешения несчастному даннику, покорённому рабу, которыми полна Библия.

Последнее эхо славы дедов, собиравших дань с великих держав, угасло в душах тех, кто полтора столетия платил дань кочевому племени — одному из тех, что языческая Русь и за людей-то не считала. Символично, что именно в это время происходит отказ князей от родовых, кастовых имён Рюриковичей в пользу христианских.

Ну не мог Владимир или Всеволод платить дань татарам, не мог Мстислав или Ярослав простиаться перед чумазым степным дикарём, лобызая ханский сапог! Не мог Всеслав или Ростислав мчаться в Сарай с доносом на брата!

Столетняя гражданская уничтожила жречество Руси, ордынское иго переломило становой хребет дружинно-городскому слою. Остатки язычества после ордынского времени были искрами — искрами размётанного копытами монгольских коней костра, затухание которых было только вопросом времени.

Глава V. Последние искры (XV-XVIII вв.)

«По украинам». Свидетельствует Макарий. Псковские идолы. Вятские «попы». Фёдор Иоаннович против «идолопоклонников». «Поганый пруд». Крещение крестьянства: совмещение земледельческого календаря с церковным. «Пантеон» двоеверцев. Древние Боги на монетах. «Странности» разинского бунта. Несмеян Кривой — последняя битва

*В этот край, где сумерки-длинные,
Где упрямы зимы и суровы,
Уводили семьи ведуны,
Не приняв церковные оковы.*

Светобор

*Услыхал однажды бог,
Что в медвежьем вятском крае
Про него никто не знает.
Заглянул — по берегам
Истуканы здесь и там.
Никогда еще не видывал
Всемогущий столько идолов!..*

Валентин Востриков,

«Озорной сказ о великих напастях на Вятскую землю»

«И ноне по украинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Макоши, но творят то отай», — сказано в рукописи XIV столетия. Именно так и было в эти времена.

Молились древним Богам лишь «по украинам» и то «отай», тайно. Правда, в глухих местах

Русского Севера «отай», как мы помним на примере Спас-камня на Кубенском озере, приходилось действовать как раз монахам.

В степной рязанской украине, в городе Мценске, до середины XV века «мнози оставались неверующе в Христа». Южные окраины земли вятичей,

как видно, долго держались старых Богов.

В тех краях и в XIV, и даже в XVII веках упоминаются ещё вооружённые экспедиции местных воевод против деревень (! — стало быть, речь не о татарах-кочевниках) нехристей. Очень любопытны местные предания о разбойниках — неизменно колдунах, один Кудеяр чего стоит.

Любопытный источник представляют подчас и записи о зарытых в тех краяхкладах — так называемые «кладовые записи». «И есть каменная закладка по пояс человеку, и двой ворота и при той закладе было жилище, и от того жилища в полночную сторону есть превысокий холм, и на том холму стоят четыре сосны.

Между теми соснами лежит камень, а под тем камнем лежит посуда медная и серебряная. От того холма в правую сторону на сосне вырезана харя человеческая и на другой сосне харя... и от той сосны прямо вырезан человек с луком и стрелой, и от той приметы была келья потаённая».

Это описание очень напоминает какое-то языческое святилище, причём святилище славянское — судя по основной части с идолами на север от жилой — как на горе Богит. В бору Белая Грива у озера Соловецкого росли дубы, у которых, по преданию, было становище разбойников. На дубах имелась резьба — человеческие лица и лезвие полумесяца (не Перунова ли секира? Ведь дубы — деревья Громовержца).

В одно из деревьев был врублен медный крест — отчётливый знак того, что место почиталось прибежищем языческих Богов. Так насакали кресты на почитаемых камнях от Западной Двины до Северной. По преданию, у города Ромны до XVII века стоял каменный кумир Перуна, к которому 20 июля собирались за прорицаниями «колдуны и ведьмы».

В Новгороде Великом и в Пскове в конце XV века объявились любопытные люди — так называемые стригольники. Одни считают их еретиками-вольнодумцами, другие — колдунами, не реформировавшими христианство, а привнесшими в него языческую старину с её суевериями.

И хотя многие из стригольников принадлежали к духовному сану, это не мешало им высмеивать высших церковных иереев и проповедовать право обращаться к Богу не только в церкви, а там, где потребуется (вся Природа — храм), исповедоваться земле и т.д.

На крестах-оберегах, полученных от этих святых отцов, мог оказаться с обратной стороны ворон или изображение соединённого мужского и женского «срама». Впрочем, это всё же одна из первых ласточек «народного православия», симбиоза новых форм и старого, языческого, содержания, нежели собственно язычество.

Вот что пишет про украинцы Новгородской земли архиепископ северного города Макарий в письме великому князю Ивану Васильевичу, будущему грозному царю Русской земли: «Слышав... прелесть кумирскую около окрестных градов Великого Новаграда: в Вотской пятине, в Чюди, и в Ижере, и около Иваняграда, Ямы града, Корелы града... и по всему Поморию Варяжского моря... до

Лопи до дикие...

Еже мы прияхом от святого великого князя Владимирова святое крещение — во всей Русской земли скверные мольбища идольские разорены тогда, а в Чуди, и в Ижере, и в Кореле, и во многих русских местех... скверные мольбища идольские удержашася и до царстве великого князя Василия Ивановича (1505-1533 годы. — Л.П.).

Суть же скверные мольбища их: лес и камение, и реки, и блата, источники и горы, и холмы, солнце и месяц, и звезды и езера. И роста реки — всей твари (всему существующему, Природе. — Л.П.) покланяхуся яко богу и чтяху и жертву приношаху кровную бесом — волы и овцы и всяк скот и птицы».

«Во многих русских местах» — эту фразу часто лукаво опускают, цитируя жалобы архиепископа Новгородского. Дабы создать благодное впечатление, что уж к шестнадцатому-то веку, собственно, Русь покрестилась полностью и без остатка.

Если кто и пребывал в язычестве, посещая «скверные мольбища идольские» и «жертву приношаху бесом», — так это всякие там лесные племена, чудь, корела, ижора. Вот только отчего-то список «мольбищ» обрывается на «дикой Лопи» — а уж она-то пребывает в язычестве-шаманизме едва ли не по сей день! Речь, выходит, идёт о «русских местах», о посёлках и погостах русских поморов.

А кто там жил — двоеверцы или всё же язычники? Судя по тому, как встречали зачастую местных жители иноков, речь нередко шла о людях, не желавших терпеть рядом с собою христианский культ.

Во многих областях Русского Севера ещё в XVII веке было большой проблемой основать обитель или «пустынь». И не из-за диких зверей, суровой природы или злобных инородцев, а из-за враждебного отношения местного — русского! — населения.

Освоение этих земель христианской церковью производилось исподтишка, по-партизански. Жития основателей многих монастырей расписывают нищую и полуголодную жизнь своих героев, чуть ли не впятером в землянке посреди глухого леса.

А места окрестные не были безлюдны — там жили люди, вольные русские звероловы и землепашцы, вот только не желавшие отчего-то видеть рядом с собою служителей христианского бога, его «воплощённых ангелов».

Антония Сийского изгнали вместе с «братией». Трижды поджигали келью нашего знакомого Кирилла Белозерского. Изгнание постигло Дмитрия Прилуцкого и Стефана Мохрицкого, Александра Куштского и Арсения Комельского, Адриана Пошехонский, Агапит Тотемский и Симеон Кичменгский были в борьбе с местным населением убиты.

Как видим, жители отдалённых углов Новгородчины ещё в московские времена не только приносили в жертву волов и овец на «идольских мольбищах», но и убивали проникающих к ним монахов. То есть были скорее сознательными язычниками, чем двоеверцами.

В XVII веке немецкий путешественник И. Вундерер, осматривая остатки лагеря Стефана Батория, видел под Псковом каменных идолов — Перуна с мечом и молнией, стоящего на змее, и Хорса с солнечным крестом.

Один из этих идолов был найден уже в новое время, в 1894 году, судьба второго осталась неизвестной. К сожалению, немец не смог или не захотел сообщить, продолжалось ли почитание виденных им кумиров.

На другом краю Русского Севера, в Вятской земле, тоже долго держалась старая вера. Митрополит Геронтий писал вятчанам: «Вы... делаете злые дела: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополию, разоряете церковные законы... разорвете церкви».

Уважения к христианству в повадках вятских молодцев, описанных митрополитом, действительно очень трудно заметить. Обращаясь к вятским попам, митрополит вопрошал: «Мы не знаем, как вас называть; не знаем, от кого вы получили поставление и рукоположение».

Историк Костомаров тоже задумывается над этим вопросом — ни в одну епархию Вятка не входила. Любопытно, однако, что соседи вятчан, северные удмурты, называют «попами»... своих языческих жрецов, отправляющих земледельческий культ этого племени. Полагаю вполне возможным, что и «попы» Вятки были того же толка.

Последний царь династии Рюриковичей Фёдор Иоаннович прославлялся в летописях за беспощадность к «идолопоклонникам» — разрушение их кумирен, истребление жрецов и насильственное поуждение креститься.

Между тем это не могло относиться к неславянским языческим племенам — их обращение в христианство дело много более позднего времени, XVIII века и «Иностранческой конторы». Более того, этот же царь постоянно наставлял своих воевод не творить инородцам никакой обиды — неужели он сам при этом был так свиреп к тем же иноплеменникам? Скорее всего, как и полагают И.П. Русанова и Б.А. Тимошук, это были остатки русских язычников.

Интересно также свидетельство иностранных путешественников о пруде в Москве, именуемом Поганым, потому что в нём совершают свои обряды и купаются язычники. Была ли это реальность того времени — и в Москве, следовательно, ещё во времена царей обитали язычники, или только воспоминание, неясно.

В этот же период (XV-XVI века) происходит крещение сельской округи, крестьяне становятся христианами (хотя бы формально). К этим выводам пришёл в конце восьмидесятых годов прошлого века В. Власов в серии статей, посвящённых русскому календарному стилю.

Обнаружив, что в русском народном календаре Солнцеворотами именуется Петров день (12 июня с.ст.) и Спиридон (12 декабря), он вычислил, когда на эти дни приходились настоящие летние солнцестояния.

Таким образом, исследователь установил, что

наложение фиксированных дат церковного календаря, связанного с богослужением, на народный, земледельческий календарь произошло на рубеже XV-XVI веков.

Примерно в это же время происходит и складывание того самого «пантеона» деревенских Богов с именами христианских святых, о котором мы говорили в начале книги. Помните: Козьма и Демьян — «куриный Бог», святой Власий — «коровий Бог» и так далее.

Всему этому «пантеону», в котором исследователи уже не первый век справедливо видят грубоватую перелицовку на христианский лад языческих культов русской деревни, соответствует так называемый «второй слой» мифологии соседей и сородичей славян — балтов.

Тут все Боги русского православного крестьянина найдут себе полные подобия — Мамант, овечий Бог, соответствует Эратинису, покровителю этому животному. Бубилас, как Зосима с Савватием, опекает пчёл.

Карвайтис, подобно Власию и Медосту, — коров. Кремата или Кяуле Крюкас покровительствует свиньям — как и Василий Кесарийский.

Конским Богам Флору и Лавру соответствуют Усиньш (ему приносят два хлеба, отчего учёные предполагают, что Усиньши — пара близнецов, вроде близких им индоарийских Ашвинов) и некий Хаурирари, что несколько созвучно именам Флора и Лавра. Возникает вопрос — как и когда на древних божков перешли имена и образы православных святых?

На вопрос «как?» лучше всего отвечают этнографические параллели. Дело в том, что святыни «деревенских Богов» обычно были двоякого типа — икона и некий фетиш. Так, череп медведя был взаимозаменяем с образом святого Власия, как «скотий Бог», «куриным Богом», кроме иконы Козьмы и Демьяна, могли быть дырявый камень, древний каменный топор с просверленной дыркой, горловина разбитого сосуда и даже дырявый лапоть.

У народов Поволжья и Сибири переход от чисто языческих форм культа к такому же тандему фетиша и православной иконы происходил уже в новое время, на глазах исследователей. Так, прикамский народ удмурты активно использовали христианские иконы («оброс», от русского «образ») в языческом культе и даже хранили их в домах жрецов.

Иконы размещались в родовом храме-куале или на деревьях в почитаемой роще. Наряду с ними почитались фетиши, обозначающие того или иного родового духа-покровителя, «воршуда». К такому виду культа удмурты перешли под давлением церкви и государства.

Почитать и далее прежние резные и литые изображения богов и духов в виде человеческих фигур, зверей, птиц было просто опасно — хранить их означало признаваться в «идолопоклонстве», напрашиваясь на самые суровые меры — пожалуй, самым безобидным наказанием упорным «идолопоклонникам» было перекладывание на них податей, снимаемых с более лояльных к государственной

религии соплеменников (невольно вспоминается новгородское «забожничье»).

Фетиш (сушёная голова щуки, хвост белки, крыло тетерева) смотрелся куда безобиднее, икона и вовсе была воплощением благонамеренности; между тем иконы эти, как я уже сказал, хранились не просто у язычников, но у жрецов!

Переход имени изображённого на иконе святого на то языческое божество, которому молились на эту икону, ещё только начинался — верховное небесное божество, Инмара, начали именовать «Козьмой». Перенесение почитания древних деревенских божков на византийские образы и имена у русских происходило, скорее всего, примерно так же.

Не очень сложно и ответить, когда именно он произошёл. Среди святых, именами которых прикрылись языческие Боги, выделяются Зосима и Савватий Соловецкие, Пчелиные Боги. Во-первых, их привязка к пчелиному делу очень устойчива.

Коровьим Богом мог быть Власий или Мудест, Мамант делил заботу об овцах с Анастасией, но о пчёлках-труженицах пеклись Зосима и Савватий — и только они.

Во-вторых, эти святые — самые «молодые» из деревенского «пантеона». Их культ возникает в конце XV-начале XVI века. Поскольку крайне сомнительно, чтобы столь важное для православного культа ремесло, как пчеловодство (надеюсь, читатель, роль восковых свечей в православных обрядах в особых пояснениях не нуждается), оставалось без покровителей, можно считать, что и в целом перенесение христианских имён на деревенский культ произошло в это же время.

Разумеется, процесс это был не единовременный — вспомним целиком языческий культ куриного Бога Боглаза из подмосковной деревни, да и в Калуге до начала XX века почитался «конский бог Хорояр», очень созвучный балтскому Хаурирари.

К XVI столетию относятся первые упоминания о том, что русские называют свои иконы Богами (англичанин Дженкинсон). Кстати, существует немало легенд о том, как основатель монастыря находил икону своего святого покровителя на дереве в лесу.

Очень возможно, что это были просто почитаемые деревья, культу которых местные жители пытались придать христианский вид, и ничего «чудесного» в появлении на них христианских образов не было.

Некоторые исследователи утверждают, однако, будто русская деревня крестилась уже в первый век после крещения Киева. Недаром же она почти сразу в большинстве краёв (кроме такой глухомани, как земля вятичей) перешла от огненного погребения, языческой кремации, к похоронам в земле.

Что и говорить, переход от сожжения к погребению, произошедший в большинстве Русских земель, нуждается в объяснении. Но ради него нет нужды объявлять русскую деревню христианской. Надо только поглубже вникнуть в смысл погребальных обрядов, а это не всегда просто.

Так, к примеру, покойный академик Рыбаков попытался объяснить переход первобытных племён Европы от сожжения тел мёртвых сородичей к их погребению тем, что они отошли от представления о переселении душ к представлению о загробной жизни.

Достаточно странно, чтоб не сказать сильнее — ведь в стране, где до сих пор господствует представление о переселении душ, в Индии и по сей день продолжают именно сжигать мертвецов!

Язычество вовсе не обязывает, как часто утверждают, сжигать труп умершего. Дело, однако, в том, что и литовская легенда о Совий, и скандинавская «Сага об Инглингах» в один голос трактуют погребальный обряд сожжения как путь полного ухода с Земли людей из среднего мира в мир иной.

Умерший Совий является детям во сне и жалуются, пока те не сжигают тело. Скандинавы приписывают обряд кремации Одину, а погребение в кургане — Шрейру. В первом случае человек, по мнению скандинавов, покидает землю «в полном комплекте» и отправляется в загробный мир.

Во втором случае некая часть всё же остаётся в этом мире и может влиять на дела потомков как благотворно (так, удача конунга Ингви, пращура Инглингов, оставалась со страной и после его смерти, помогая войскам — побеждать, полям — обильно плодоносить, а женщинам — рожать крепких и здоровых детишек), так и не очень (в сагах часто описывается жуткий «курганый жилец», упырь-драуг).

Теперь, читатель, обратимся ко временам крещения Руси. Люди, способные обеспечивать связь с тем миром, куда уходили умершие в пламени погребальных костров, либо отступились от древней веры (князья), либо же в бегах, прячутся от ретивых крестителей (волхвы).

Теперь некому обеспечивать связь между ушедшими в мир иной и оставшимися жить — а связь нужна. Если уж святилища Богов разоряют, нужно же сохранить связь хотя бы с предками!! Но это можно сделать без помощи жрецов лишь в одном случае — если умерший не будет сожжён, а будет зарыт в землю.

Поэтому и прекратили сжигать покойников на погребальных кострах, по крайней мере там, где князья крестились, а волхвы были истреблены или разогнаны («волхвов расточи, а инех показни»).

Любопытно, что, как рассказывал мне мой киевский друг В., в Карпатской глухомани ещё есть хутора, до которых так и не добралось христианство. Роль святилищ для живущих на этих хуторах людей выполняют именно кладбища.

Но не будем сводить всё к наслоению православных икон на языческие деревенские культы. В XV веке складывается вся система «народного православия». До него в церковных поучениях ещё фигурируют Род, Перун, Троян, Макошь.

После — они исчезают. Их перестают обличать! Не оттого ли, что они сливаются с православными иконами и именами византийских святых?

Впрочем, в XV столетии с языческими Богами

произошло еще одно занимательное событие. Они попали на монеты. Речь в первую очередь о монетах Новгорода и Твери. Над изображением на монетах-новгородках конца XIV-XV века учёными-нумизматами сломано немало копий, но смысл его яснее не стал.

Однако отчего-то без внимания осталось предположение исследователя первой половины XIX века, скрывшегося под псевдонимом Лупул, о том, что на монетах изображён «идол, которому поклонялись новгородцы». Видимо, от него попросту отмахнулись — какие там идолы, в шестнадцатом столетии?

А между тем никакой внятной альтернативы исследователи предложить не смогли. Что может, в самом деле, обозначать фигура в плаще и не то короне, не то рогатой шапке, рядом с которой изображены то денежные кружки, то змеи.

В руках у фигуры — чаша и жезл (или меч), а напротив в почтительном полупоклоне застыла другая фигура — не то обнажённый человек, не то медведь.

Иногда в руке (передней лапе?) второй фигуры тоже изображена чаша. Исследователи устали тасовать предположения. Князь? Но в Господине Великом Новгороде тех лет он был совершенно служебной фигурой, этаким «ночным сторожем» Новгородской демократии, и явно неудачным кандидатом в изображения на монетах.

Московский князь? Но Новгород в те годы свирепо враждовал с ним, упорно не желая признавать его власть. Святая София, небесная заступница Новгорода? Но на некоторых монетах у фигуры в плаще и венце-шапке отчётливо видна... борода. А София, как ни крути, всё же женщина.

Отчаявшись, исследователи дошли до «глубокой» мысли — что это-де «просто монетная эмблема». Узор такой, и не более.

Но многое прояснится, если предположить, что на монетах изображён языческий Бог — вероятнее всего Велес. Именно он был «скотским богом» (рога на шапке), подателем богатства (кружки-монеты), именно ему были посвящены змея и медведь.

Как и всякому Божеству, ему посвящали ритуальные возлияния (чаши в руках фигур). Наконец, в пользу этой версии говорит даже крест, иногда изображаемый на «новгородках». Крестами часто метили, «обезвреживая», языческие святыни.

На тверских монетах изображён сидящий человек с поднятым молотом. Вокруг него — двенадцать кружков. Обычно его называют «денежником» — мол, на монетах богатой Твери изображён чеканящий деньги мастер.

Вот только больше в мировой практике я что-то не припоминаю случая, когда денежные знаки украшали изображением процесса их производства! А молот в тверской символике того времени встречается буквально на каждом шагу.

Его выбивали на каменных плитах и придорожных крестах, стилизованный молот иногда размещался на печати Твери. Это что — тоже молото-

чек чеканщика?

Вокруг восседающего на престоле человека (?) с молотом — двенадцать кружков. В кузнице «божьего коваля» из русских преданий — двенадцать дверей и двенадцать огней.

И очень возможно, что перед нами — небесный кузнец Сварог. Он же «божий коваль Козьма-Демьян».

В этом же веке происходит любопытное событие — русский князь Василий II предложил (кстати, сделать это пытался еще Дмитрий Донской) собору Русского православного духовенства избрать самим, без санкции константинопольского патриарха, митрополита, главу русской церкви.

Русская церковь оторвалась от апостольской преемственности, от рукоположения и идущей через него от распятого бога «благодати». И произошло это в том же столетии, в котором деревенские Боги получили христианские имена.

Русь вновь, под новыми именами, новыми обрядами, стала почитать родных Богов, отвернувшись от Византии. И именно в этом веке кардинал д'Эли замечает: «Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно было бы сказать, что преобладало в образовавшейся смеси — христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение».

Что же произошло после этого — падение всего и вся, развал, новое завоевание?

Да нет.

Вскоре Русь окончательно отказывает Орде в последних, чисто символических проявлениях покорности. Преемник Василия II собирает Русь в единое государство. Создаются чудесные произведения искусства и архитектуры. В следующем столетии Россия присоединит Сибирь, а там — дойдёт и до Аляски.

Словно древние Боги снова повернулись лицом к стране.

Руси стало лучше после того, как она избавилась от «преемственности» со стервятницей-Византией. Лучше — после того, как народный, языческий культ сросся с заимствованной символикой.

Кто-то назовёт это простым совпадением — что ж, его право.

Но всё же культ оставался — как любое церковное христианство — двуединым, синкретическим. Как на западе — библейская, так у нас — византийская составляющая культа превратилась в мину замедленного действия, «сработавшую» при Никоне.

А что же язычники? Они все приняли новые имена старых Богов, и на том все закончилось?

Нет. И на Севере, и на Юге ещё оставались кое-где очаги, в которых догорало чистое, без примеси церковного ладана, пламя древней Веры.

Так получилось, что на Юге, точнее, на казачьем, степном Юго-Востоке, они сохранились чуть дольше. Любопытно, как это отражалось даже в

именах — скажем, в протоколах допросов мятежников Смутного времени.

Когда речь идёт о городах, в том числе — некогда мятежном Муроме, — имена фигурируют вполне христианские: Илейка Иванов Тимофеев, Тихонко Юрьев, Ивашко Боркин, Родион Матвеев сын.

Но когда речь заходит о казаках, крещёные имена будто испаряются. Нагиба, Наметка, Неустройка, а прозвище Четыре Здравья! Позднее, в конце XVII века, в документах по делу Степана Разина фигурируют любопытные словосочетания: Фёдор Шелудяк, **крещёный** казак. Очень любопытно!

А кем же, в таком случае, были остальные казаки? Уж явно не мусульманами. Сам Степан Разин, согласно приговору, «на Дону церковей Божьих строить не велел, венчаться велел вокруг вербы». А любопытнее всего для нашей темы подлинные обстоятельства истории с персидской княжной, широко известной благодаря песне «Из-за острова на стрежень».

На самом деле всё было не так — начиная от того, что всё происходило отнюдь не на Волге во время похода, а на Яике, на казачьем кругу. История эта дошла до нас в пересказе очевидца. Людвиг Фабрициус, голландец, служивший в царской артиллерии с 1660 года, был направлен в 1667 году, в составе войск князя Прозоровского, на войну с «воровскими казаками» Разина, на Астрахань.

В июне 1670 года, в походе С. Львова, на Чёрном Яре попал в плен к разинцам и с ними вернулся в Астрахань. Он своими глазами видел кончину девицы — впрочем, о девице, с которой «ночку провозжался», речь не шла — Разин успел прижить от молодой персиянки сына.

Не шла речь и о потакании атамана пьяным крикам шайки. Всё было, можно сказать, чинно — перед всей ватагой, на кругу, он вывел свою любовницу, наряженную в лучшие одежды, и заявил, что нынче ночью, во сне, он видел «водяного бога Гориновича, которому подвластна река Яик» (в казачьих песнях Яик и впрямь именуется Горынычем).

Бог упрекал Стеньку за то, что уже столько лет он, пользуясь его, речного бога Гориновича, благосклонностью, захватил столько добра в своих походах, но не сдержал своего обета. Некогда, напомнил водяной владыка, Стенька пообещал ему лучшую часть своей добычи в обмен на удачу в походах.

И вот теперь, продолжал атаман, он исполняет обещание — и, со словами «Прими от меня этот дар, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучше, чем эта женщина» швырнул персиянку с обрыва, над которым заседал круг.

Самое занимательное, что годовалого малыша, прижитого им от пленницы, он отправил в Астрахань, к митрополиту, с просьбой воспитать мальчика в христианской вере, и приложил к тому тысячу рублей золотом.

Жить с мусульманкой, прижить от неё сына, принести её в жертву языческому Богу и отдать малыша на воспитание митрополиту — любопытный

был человек атаман Степан Тимофеевич! Многогранный и разносторонний.

Хотя в одном он прав — общество, в котором он жил, явно не могло «воспитать в христианской вере» малыша-полукровка. Любопытно, что все казаки совершенно спокойно, судя по описанию Фабрициуса, отнеслись к откровенному человеческому жертвоприношению водяному божеству.

Так что некрещёных там, должно быть, и впрямь обреталось немало. Судя по имени божества и обычаю венчаться вокруг вербы, некрещёные казаки разинских времён исповедовали как раз славянское язычество. Впрочем, в армии атамана хватало и старообрядцев, и никониан — он даже велел снарядить обитый чёрным струг, на котором с восставшими якобы плыл сам патриарх Никон.

Напоследок замечу, что за Разиным осталась не превзойдённая ни одним другим атаманом слава великого волшебника, он даже стал героем обычной истории про заточенного «в гору» колдуна, который вырвется в конце мира.

Впрочем, колдуном Степана Тимофеевича, судя по всему, считали уже при жизни — пленного мятежника содержали не в каком-нибудь банальном остроге или застенке, а в церковном приделе, на освящённой цепи. Любопытно примечание в одной из легенд о разинских кладах — мол, Стенька-вор с черемисой одной веры был.

Черемисы, мари́йцы, так и остались язычниками до самой революции, да и сейчас многие почитают старых Богов, а древняя религия в республике Марий Эл зарегистрирована на республиканском уровне.

Последний раз язычники — повторюсь ещё раз, именно откровенные и последовательные язычники, противопоставлявшие себя христианству и не желавшие принимать его ни в каком, сколь угодно «народном», виде, — мелькнули в бурных волнах российской истории уже в просвещённом XVIII столетии, в царствование Анны Иоанновны, если точнее — в 1743 году.

Некий нижегородский епископ Дмитрий (Сеченов), проезжая по своим делам Терюшевскую волость, увидел у церкви в русском (!) селе Сарлях на кладбище рядом с крестами какие-то странные столбы и срубы.

Потребовав ответа у местного батюшки, архиерей оказался очень озадачен. Оказывается, в селе и в деревнях поблизости жило немало язычников. Чтобы не трогали власти (сравнительно снисходительно относящиеся к язычеству инородцев), они называют себя мордвой, на деле же даже говорить по-мордовски не умеют, а говорят, как суздальские и ярославские мужики.

Никакими мордвинами они не были — «старые русские идолопоклонники», как писал впоследствии почтенный архиерей в Святейший синод. А странные сооружения — так это могилы ихние, нехристей здешних.

Епископа очень рассердило, что какие-то «поганые» надгробия торчат на православном кладбище, и он, недолго думая, отдал приказ своим слугам изрубить эти «неправильные» надмогильные па-

мятники на дрова и сварить на них ему обед.

Читатель, а вы, часом, не слышали от наших батюшек сетований по поводу вандализма на кладбищах, воздыханий о губительном наследии советского безбожия, о засилии бездуховности? Высокодуховный епископ Дмитрий приготовил себе обед на чужих могилах задолго до советской власти.

Вскорости прибежали люди с известием, что к селу от нескольких языческих деревень движется огромная толпа, вооружённая кто чем (кое-где мелькали даже пращуровы мечи). Язычники, запыхавшись, выдавили из себя вестники, выглядят очень злыми, можно даже сказать, разъярёнными...

С чего бы это, а, читатель?

Пришлось его преосвященству, бросив недоёденный обед — ужасная утрата! — в панике бежать из села Сарлеях. Толпа долго гналась за ним, но удовлетворилась несчастным пономарём из обслуги, выпавшим из мчавшейся во весь дух брички. Бедолагу убили на месте. Вслед епископу стреляли из луков и даже из ружей, но не попали. К сожалению.

Что за донос настроил преподобный Дмитрий в Синод! Обширный, прочувствованный. Были там и «волшебники», которые, мол, у «идолаторов» вместо попов, и их подстрекательство. Причиной нападения он полагал слух, прошедший по волости, что «едет архиерей крестить с салдаты».

Язычники, мол, и постановили, что ежели «точию с салдаты, то все созжемся на овинах, а если не с салдаты, то убием его и до смерти».

Мне отчего-то кажется, читатель, что почтенный архиерей перемудрил. Представьте, что, придя на кладбище к родным могилам, вы видите там незнакомого типа, который разложил костерок из столика и скамейки, уселся на поваленный памятник и жарит над костерком шашлык.

Уверен, чтоб дойти до состояния терюшевских язычников, вам не понадобится ни подстрекательство «волшебников», ни слухи.

Это даже если позабыть, что, как мы уже говорили, кладбища во многом заменили последним язычникам святилища.

Чем-то не угодил преосвященному Дмитрию и управитель какого-то местного «князя Григория», про которого святой отец только и сообщает, что он-де выдает себя за «грузинца», но, поскольку из исповеди не ходит, ни духовного отца не посещает, то явно с ним что-то не так — армянин или персиянин. С его-де попустительства и процветает идолопоклонство в волости.

Мигом для усовещения закореневших нехристей была собрана команда, так сказать, опытных богословов под началом премьер-майора Юнгера.

Толпа — ох, уж гордыня языческая! — встретила премьер-майора Юнгера с рогатинами, ножами, древними мечами, луками и малочисленным огнестрелом. В ходе начавшейся дискуссии очень быстро было установлено, что дубины, мечи, стрелы и рогатины в качестве богословских аргументов сильно уступают воинской дисциплине и слаженному залпу.

Толпа обратилась в бегство. Премьер-майор докладывал, что во встретившей его толпе было 1000 человек, пленными взято 136, из коих ранеными 31, убито 35, в его команде ранено пятеро. В этом ряду цифр сильнейшее сомнение вызывает первоначальная численность нападавших «идолопоклонников».

Вряд ли премьер-майор скомандовал противнику перед боем «Ррас-счи-тайсь!». Судя по количеству пленным и убитых, в толпе было много меньше народу, вдвое-втрое. Ну да хотя господин Юнгер и был всего лишь премьер-майором, цифры он уже наловчился приводить в отчётах самые, как выразился бы историк и писатель Андрей Валентинов, что ни на есть генеральские.

Герр Юнгер мог благоразумно предположить, что уцелевшие язычники не будут по такому поводу подавать жалобу его непосредственному командованию — так что ж и не представить свою доблесть в наилучшем виде, коли есть случай?

Дальше всё пошло самым понятным, можно даже сказать, естественным образом. Прикладами и штыками загоняли нехристей в воду, попы подбадривали, обещали отпущение всех грехов и провинностей новкрещёным. Ни в какую не желавших идти под крест упрямец заковали в железо и отправили мерять ногами казенные вёрсты до суровых сибирских краёв.

Суровой же всех обрушились на вожака, поднявшего народ на сопротивление крестителям премьер-майора Юнгера. Звали его Несмеяном Кривым. Смелого человека, поднявшего односельчан защищать родную веру, сожгли заживо в срубе.

Мы знаем его имя — хвала Богам. Мы можем помянуть его. Пусть же живёт оно в памяти потомков. Несмеян Кривой — последний борец и мученик, погибший за родную веру.

История эта приводится у Сергея Михайловича Соловьёва, в его «Истории России». Маститый историк поражён и, судя по тону, которым рассказывает об этом происшествии, не знает, что и думать и верить ли в язычников в XVIII веке.

Мы же, проследившие все эти чёрные годы, от времен Богомила Соловья до Несмеяна Кривого, пожалуй, не станем так сильно удивляться. Когда же почтенный историк высказывает предположение, что перед нами — остатки той самой языческой Руси князя Пургаса, пожалуй, что и согласимся с ним.

Больше про язычников на Руси ничего не известно. Слухи о существовании где-то в Сибири ли, на Русском ли Севере, в Уральских лесах доживших чуть ли не до наших времён гнёзд древней веры доходили до моих ушей, но — не более чем слухи.

Могут задать вопрос — а не напрасным ли было упорство таких вот гнёзд языческого сопротивления?

Всё равно ведь остатки язычества вплавились в «народное православие», всё равно Перун обрёл имя «Ильи Громовника», а Волос — «Николаи русского Бога», всё равно продолжали, пусть под новыми именами, чтить «куриных», «коровьих» и «конских» Богов... так зачем всё это — забиваться

вглушь, сторониться других — своих же русских людей, только крещёных. Зачем драться, проливая русскую кровь, зачем сжигать себя «на овинах»? Не зря ли?

Верю, читатель, — не зря. Не зря жили, сражались и погибали такие вот Несмеяны Кривые восемь веков, восемь столетий русского сопротивления. Не жар ли их упорства заставил растаять византийские обряды, чтоб они слились с родными обычаями?

Не их ли непримиримость лежала тяжёлым грузом на русской чаше весов, заставляя крестите-

лей не слишком упорствовать в соответствии заморским канонам и догматам, оставляя в церкви хоть немного места для русского духа?

Это наши предки, читатель, и, не будь таких, как они, не звучали бы поучения, не усыпали бы стены соборов волшебные птицы и добрые оборотни. Мы обязаны им тем, что укрепившееся православие успело стать русским.

А то, что потом оно захотело избавиться от этого и едва не погубило себя и народ, — это уже не их вина.

Вместо послесловия.

Христианство против язычества: история одного самоубийства

*Над Тобой парили беркута,
Порой садясь
На Бога грудь,
Когда миял Ты, рея, омута,
На рыбы наводя
Посёлки жуть.*

*Бог, волнами носимый,
Ячаньем встречен лебедей,
Не предопределил ли Ты Цусимы
Роду низвергших Тя людей?*

Велемир Хлебников, «Перуну»

Начнём издалека...

В 1450 году некий подданный христианнейшего короля Франции, Ж. Ле Бувье, писал в своей «Книге описания стран» о соседях своего народа: «Англичане жестоки и коварны, к тому же они скупые торговцы, швейцарцы жестоки и грубы, скандинавы вспыльчивы и злы; неаполитанцы толсты и грубы, плохие католики и великие грешники; кастильцы яростны, плохо одеты, обуты, спят на плохих постелях и плохие католики».

Набрасывая несколькими смелыми мазками портрет каждой европейской нации, раздавая, так сказать, всем сёстрам по серьгам, Ле Бувье всякое лько вставляет в строку — от плохой постели до недостаточной, на его взгляд, католичности.

Разумеется, на таком фоне земляки автора «Книги описания стран» должны смотреться чистейшими ангелами... но нас сейчас занимает не это. Как легко заметить, обвинение в «плохом» католичестве француз выдвинул двум нациям: «неаполитанцам», то есть итальянцам, и «кастильцам» — испанцам.

Почему же, однако, именно эти народы удостоились такого эпитета? Ведь впоследствии, как мы знаем, и те, и другие остались верны Ватикану даже три века спустя после желчного «этнографа» Ле Бувье, когда большинство перечисленных Ле Бувье народов, не наделённых клеймом «плохих католиков», впало в протестантизм, или же и вовсе — как те же французы — отошло от христианства, отправляя священников на гильотины «во имя разума и прогресса».

Дело во времени, когда недипломатичный француз писал свою книгу. В 1450 году ни про какие ереси во Франции не слышали (кипевшая гуситскими войнами Чехия была слишком далеко, а Мартин Лютер ещё и не родился). «Плохой католик» в устах европейца 1450 года означает «плохой христианин»!

Любопытно, что и писатель и учёный, специалист по культуре Средних веков, Умберто Эко пишет нечто сходное. В своём романе «Имя розы», который нам уже доводилось цитировать во введении, он устами сурового англичанина-доминиканца, Вильяма Баскервильского, говорит послушнику Атсону: мол, итальянцам, для того, чтоб испытывать благоговение, нужен какой-нибудь идол, и чаще всего этот идол принимает имя одного из святых.

Англичанин выражает опасение, что итальянцы, мол, таким образом вот-вот дойдут «до вторичного язычества».

Вильям Баскервильский попал в точку. Вот что, например, произошло на юге Италии в конце 1893 года (!!). Долгая засуха обрушилась на эти края. Погибали хлебные поля и сады, людям грозил голод.

После того как бессильными оказались пышные крестные ходы, ночи напролёт с чётками в руках и молитвой на устах перед статуями святых, развешивание по ветвям садов пальмовых ветвей, освящённых в Вербное воскресенье, и даже разбрасывание по полям выметенного из церквей в то же

воскресенье сора⁶¹, отчаявшиеся крестьяне перешли к крайним мерам.

Разъярённые итальянцы пришли в церковь уже далеко не с благочестивыми намерениями. Прошли времена, когда жители Никозии с песнями носили по городу распятия, стегая друг друга прутьями, — теперь прутьями лупили статуи святых, не пожелавших отозваться на молитвы.

В Палермо прихожане выволокли изваяние Иосифа из церкви на солнцепёк, чтоб он сам попробовал того, что по его милости пришлось выносить людям, и поклялись оставить названного отца-спасителя там, куда не пойдёт дождь.

Это, впрочем, ещё было мягкое обращение — со статуй святых сдирали великолепные одеяния, поворачивали лицом к стенам, будто негодных детей, им грозили, над ними издевались, их оскорбляли, их окунали в лужи, их изгоняли за пределы приходов.

В городе Кальтанисетта у архангела Михаила оторвали золотые крылья, но, правда, заменили их картонными — видимо, сочтя, что слишком жестоко будет превращать крылатое существо в бескрылого калеку; с него содрали пурпуровую мантию и обрядили в тряпье и обноски.

Хуже же всего пришлось святому Анжело, покровителю Ликата — толпа недавних почитателей ободрала своего нерадивого заступника донага, заковала в цепи и грозила повесить или утопить. «Дождь или верёвка?!» — выкрикивали рассвирепевшие итальянцы, размахивая перед деревянным лицом святого веревочной петлёй.

Вот это и есть «плохие католики», или, если угодно, «вторичное язычество». Да, итальянцы действительно боролись с засухой как язычники, да, они действительно относились к статуям святых, будто к идолам. Вот только земляки их строгих судей — и реального Ле Бувье, и вымышленного англичанина — к этому времени перестали, в подавляющем и абсолютном большинстве своём, быть не то что католиками, но хотя бы просто верующими в Бога людьми.

Вспомним, читатель, то, о чём мы говорили в предисловии. «Начиная с XVI века в процессах над ведьмами, проповедях, катехизисах настойчиво подчёркивается различие между Богом и Сатаной, святыми и демонами, с тем чтобы укоренить его в менталитете сельских жителей», — пишет Делюмо.

Начиная с XV века, резко изменившая отношение к ведьмам и колдовству церковь начинает преследовать их и сжигать на кострах. Всё это — грани одного процесса. Покончив, в основном, с сознательным язычеством (в конце XIV века приняла христианство Литва, последняя языческая страна Европы), церковь обратилась на борьбу с остатками язычества среди своих прихожан.

Кто ж виноват, что некоторые из церковников, такие, как монах-августинец из Германии, Мартин Лютер, пошли в этом деле дальше остальных и обратились на те пережитки язычества, которые вросли в самую, если так можно выразиться, плоть церкви?

Протестанты объявили войну тому наследию прежней Веры, которое церковь сознательно ли, дабы облегчить язычникам переход к христианству, бессознательно ли, в душах новых, не вполне последовательных прихожан, взяла себе, — культу святых, наследнику многобожия, почитанию икон и мощей, наследнику идолопоклонства, пышным ритуалам, наследникам магии, звону колоколов и ярким ризам прелатов, самому аппарату священничества, наследнику жречества, наконец, самому символу креста (впрочем, до этого дошли не все).

Всё это открыто и, в общем-то, справедливо обличалось как наследие богомерзкого, поганого язычества.

XVI и XVII века прошли под знаком этой борьбы — борьбы между язычеством и христианством, перекинувшейся внутрь христианского общества. Пересказывать ее в подробности здесь, пожалуй, не стоит.

Всё слишком напоминает прежнюю борьбу с язычеством — теперь толпы фанатиков громили не капища, а церкви, теперь волокли за лошадами и швыряли в костры не волхвов и жриц, а священников и монахинь, ломы разбивали не статуи Бригитты или Фрейи, а улыбающиеся лица мадонн и кудрявые гипсовые головки младенцев на их руках.

Точно так же превращались в пустыни целые области, брат шёл на брата и сын на отца — в общем, церковь полной чашею пила то, что по её милости пришлось отвратить поклонникам старых Богов.

«Ибо какою мерой вы мерите, такую и вам отмерено будет»...

В конце концов, все страны, всерьёз отнесшиеся к борьбе с язычеством, все «хорошие католики» Ле Бувье отпали от Рима. Более-менее удержались позиции церкви во Франции, но и там ей пришлось нелегко.

А в остальных странах человек очищенным от языческих идолов и символов взором мог смотреть в лицо богу Авраама, Исаака и Иакова, богу Писания. И вскоре стал заявлять, что не желает иметь с этим богом ничего общего.

Лишённый облачённых в католические ризы Богов и божков своих предков, европеец не желал иметь дело ни с деспотом-садистом Ветхого Завета, ни со страдальцем Нового. В центрах протестантизма — Швейцарии, Британии, Германии — расцветает материалистическая философия.

Европа, познакомившись с богом христиан поближе, словно заявила — чем такой бог, лучше уж никакого! Христианское усердие и последовательность католиков расчистили дорогу протестантизму, а тот — безбожию.

Нечто схожее произошло и на нашей с вами родине, читатель. С XVII века христианская цер-

⁶¹ Сами уж считайте, читатель, сколько между этими способами было христианских — только предварительно вспомните слова Ярослава Владимировича, обращенные к суздальским волхвам. Засуху посылает господь, дело же человека — смиряться и молиться — вот истинно христианский подход.

ковь, окончательно повергнув главного своего супостата, славянское язычество, принялась за борьбу с его пережитками.

Первыми ласточками стали отказ от освящения огня, потом — глобальное приравнивание отечественного православия к византийскому «шаблону», Никоновский раскол. Кстати, для его противников, старообрядцев, по мнению учёных, «характерна заметная реставрация язычества в мировоззрении и в культовых действиях».

Но настоящая война пережиткам язычества в православии, особенно — тому народному, деревенскому «православию», о котором мы говорили во введении, была объявлена в следующем, XVIII столетии.

Ещё бы, в конце этого века бывали священники (!), не знавшие, кто такой Христос (!!), и полагавшие, что Бога зовут... Никола (!!!).

Впрочем, за переворотами да реформами у государства Российского — а после Петра церковь окончательно превратилась в одну из его контор, так сказать, «министерство духовного окормления» — долго не доходили руки до этой задачи.

Так что всерьёз за «евангелизацию русской деревни» — напомним, что ещё в начале XX века в городах жило едва ли 15% жителей страны — церковь и государство взялись лишь в XIX веке.

Заодно и исследования этнографов открыли образованной публике глаза на то, во что же по-настоящему верит тот русский мужик, из которого славянофилы поторопились намалевать икону христианских добродетелей.

Итоги были неутешительными. О ярких проявлениях фактического язычества русской деревни я много говорил в предисловии, не стану повторяться. Но и христианство у русского мужика было... нехристианским, если так можно выразиться.

В церквях не проповедовали — там служили службы. Ни секунды не интересуясь догматами, крестьянин сосредоточил веру в ритуале. Это было, фактически, православное идолопоклонство — обрядоверие, как называли его церковные публицисты.

Из-под палки научившийся кланяться иконам, креститься и целовать руку священнику, русский мужик за века после крещения не продвинулся в понимании христианства. Это не моё мнение, это не «атеистическая пропаганда» советских воинствующих безбожников, это не сочинения марксистов или Народников — это оценка дореволюционных церковных православных публицистов.

«Обрядоверие, — писал автор статьи «К вопросу о веротерпимости», — душа русского простолюдина» (Странник, 1905, № 3).

«Русский народ ничего не понимает в своей религии... он смешивает бога со святителем Николаем и последнему готов даже отдать преимущество... Доктрины христианства ему совершенно неизвестны» (Миссионерское обозрение, 1902, т. II, с. 34).

«Наш простолудин объят непроглядною тьмою религиозного невежества, он порою ничего

не понимает ни в исповедуемой вере, ни в совершающемся перед ним богослужении» (Церковный голос, 1906, № 46, с. 1256).

«Едва ли можно найти исповедников другой религии, которые бы так плохо понимали свою веру, как именно сыны православной церкви. Незнание нашим народом догматики христианства — факт, который едва ли кем будет оспариваться» (Церковно-общественный вестник, 1913, № 25, с. 2).

Товарищ обер-прокурора Святейшего синода писал в те годы, что православие в России держится лишь усилиями его казённого ведомства. Не проповедями, не тягой русского народа к христианству, а усилиями чиновников.

Если мы уйдём, писал он, просвещённое общество уйдёт в католики, а крестьяне подадутся в раскол. Ну, если под расколом понимать то самое деревенское «христианство», то всё правильно — хотя о просвещённом обществе он, право же, слишком хорошо думал!

Как и на Западе, борьба с языческими пережитками была и борьбой с обрядоверием — за проповедь против службы, за догму против ритуала.

Напрасно тонкий и глубокий мыслитель Василий Розанов (известный, кстати, и симпатиями к язычеству, в частности, именно ему принадлежит знаменитая фраза: «Попробуйте распять Солнце — и вы увидите, который Бог!») предостерегал современников, что насаждение в деревенских церквях проповедей приведёт лишь к потере интереса крестьян к религии.

Напрасно сам обер-прокурор Святейшего синода, «око царёво» и пугало «прогрессивной интеллигенции», Константин Победоносцев предостерегал против разрушения обрядоверия. Внутренняя логика христианства оказалась сильнее. Разве Христос творил обряды? Он проповедовал!

Эхо наступления на языческие пережитки отражается в трудах русских этнографов. Владимир Даль ещё просто пишет о засилье остатков язычества в русской деревне.

С.В. Максимов рапортует об успехах — водяному больше не топят лошадей, всё меньше людей верит в волкодлаков-оборотней, прислушивается к пророчествам кликуш, с почтением внимает колдуну и знахарю, всё меньше людей приходят к почтаемым деревьям, камням, родникам.

И с каждым годом все эти дремучие суеверия отступают от городов, от железных дорог, от новых, грамотных и просвещённых священников, в глухомань, в дебри...

Н.И. Гальковский в своём труде «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» говорит уже о фактической победе. Конечно, где-то ещё тлеют искорки... но это уже действительно искорки, не пережитки — остатки пережитков.

И всё бы хорошо... но вот только книга эта датирована 1916 годом. Кому-нибудь из читателей надо напомнить, что струсилось ровно через год с православной Русью?

Что начали выкидывать добрые православные мужички, которым просвещённые священники объ-

яснили, что земля — не тело Богородицы, а мёртвая тварь, что родовые образа в красном углу — не волшебные заступники и помощники, а всего лишь «книга для неграмотных», что в церкви им отныне надо внимать проповедям, а не соучаствовать в службе?

Одни из них спокойно наблюдали за разрушением церквей, расстрелом священников, изнасилованием монахинь, а кое-кто и помогал, не одни только «жиды-комиссары» с латышами и китайцами... да что там, не одни только красные зверствовали над православными святынями.

А чего? Почему не кинуть в огонь икону — это же всего лишь «книга для неграмотных»? Почему не выстрелить в священника — ведь это не один из «знающих», а всего лишь чиновник в рясе? Почему не устроить в церкви, где слушал проповеди, клуб, где будешь слушать лекции?

В подмосковных деревнях ещё в начале XX века ретивые священники собирали у поселян и жгли кумирчики «куриных богов». Следующее поколение будет собирать и жечь иконы.

Ещё более занимательный и показательный эпизод произошёл в том же начале XX века в одном из сел Крестецкого уезда Новгородской губернии. Там в земском суде судился поп с мужиками по совершенно курьёзному поводу.

Прибыв в село, «свеженький», недавно из семинарии поп, что называется, не знал горя, пока прихожане не позвали его с кадилом к жальнику. Жальник, если кто не знает, это такая этнографическая специфика Русского Севера — сельское кладбище (опять!), усаженное деревьями и обложенное по периметру валунами.

В дни поминовения — на девятый день, на сороковой, на години, на Родительскую субботу, на Радуницу — туда приносят и повязывают на стволы и ветви деревьев подарки покойникам — яркие ленты, платки, иногда целые рубахи или платья.

Короче говоря, вид, сам по себе не слишком радующий христианский взор. А здесь... у края жальника — напоминаю, читатель, Европейская Россия, двадцатый век! — стоят **каменные истуканы**.

— Кади, батюшка, проси Хозяев о дожде и урожае.

Хотел бы я, читатель, видеть выражение лица священника в этот момент. Впрочем, это желание, конечно, останется в ряду невыполнимых, и нам остаётся лишь попытаться вообразить его по мере сил и возможностей. Уверен — зрелище было запоминающееся.

На возмущённый отказ участвовать в «идолопоклонстве» прихожане невозмутимо ответили пастырю:

— Ничего не знаем. Прошлые батюшки кадили, и ты кади, а то кормить не станем — обязанности не исполняешь. Зерно-то им жертвовать у нас выборный есть, а кадить прямое ваше, поповское, дело...

Ещё одно моё неисполнимое желание — поглядеть на одного из этих «прошлых батюшек» во

время исполнения обязанностей. Что, любопытно, он пел, отдавая ладаном из кадила каменные лики? Впрочем... почитайте-ка, читатель, «Очерки бурсы» Помяловского.

Прошедший такую школу человек ради верного куса хлеба для себя и семьи мог согласиться и на освящение чего-нибудь посерьёзнее — погребальных костров или жертвоприношений тем же истуканам скота.

В конце-то концов приносили же в жертву Илье-Громовнику быков, и что-то я не помню, чтоб многие батюшки протестовали!

Закончилось всё вполне предсказуемо. Из волюсти приехала полиция, мужичков перепороли, истуканы побросали в реку — вот их, наверно, найти всё же можно — всерьёз поднять архивы, карты, выяснить, в каком именно селе батюшек понуждали кадить каменным кумирам, протралить дно ближних речушек.

Чем Боги не шутят — может, и увидим лица последних языческих кумиров Руси.

А произошла вся эта история незадолго до Первой мировой войны.

В общем-то, в XX веке с русским православием произошло примерно то же, что в XVI-XVII веках приключилось с католицизмом во Франции, Германии, Британии, скандинавских странах. Борьба с «пережитками язычества», оно подрывало собственные основы, подпилило «сук» русской религиозности, на котором и сидело.

После чего, вполне закономерно, полетело вверх тормашками. Искореня «идолопоклонство» и «обрядоверие», оно — ну совсем как на Западе! — искоренило саму религиозность.

Прекратились языческие культы русской деревни — и, несмотря на все молебны в раззолоченных соборах городов, невзирая на архиерейские обеды и богословские изыски Флоренских и Соловьёвых, православие рухнуло, и рухнула империя.

И если православие кое-как это падение всё же пережило, то... то весь советский период оно в основном сохранялось у часовенок при «чудотворных источниках» у святых могил, деревьев и камней со «следом Богородицы».

Как в Европе католичество спасли от окончательной гибели «плохие католики» Испании и Италии, так и православие выжило за счёт деревенских полуязычников, «обрядоверов», «двоеверцев».

Борьба с язычеством обернулась для христианства фактическим самоубийством. Потому что это, выражаясь словами христианского писателя Клайва Льюиса, был бунт ветви против дерева.

Язычество — это древнейшая религия на Земле. Это и есть собственно религия — и всякая религия настолько жизнеспособна, насколько много в ней языческого, насколько велико в ней почтение к обрядам и «идолам» (ведь даже мусульмане продолжают кланяться во время молитвы древнему идолу Мекки — чёрному камню).

Впрочем, признаюсь, читатель, что судьба христианства мне глубоко безразлична. Безразлична мне судьба Руси.

Христиане и материалисты могут утверждать что угодно, но факт остаётся фактом — Русь была сильна, когда была языческой, она ослабела, став христианской.

Она вновь воспрянула, слив воедино христианские символы и имена с древней сутью в сплав «народного православия», где древние, родные Боги почитались под именами «Мать Сырой Богородицы» и «Русского Бога Микола», «Ильи-Громовника» и «Ко-зьмадемьяна, божьего коваля», где священники спокойно относились к почитанию леших, домовых и водяных.

И вновь ослабла, почти рухнула, когда её правители, а вслед за ними и народ, отошли от этой веры в сторону «очищенного» шаблонного христианства Никона и Святейшего синода.

Русь всегда — ВСЕГДА! — дышала древней

Приложение. Этапы христианизации Руси

X-XI вв. — Крещение князей и их приближенных. Захват христианами городов — основных сакральных центров. Разгром открытого и организованного противодействия насаждению христианства, удаление волхвов с политической арены.

XI-XIII вв. — Крещение городских общин. Прекращение конкуренции волхвов и князей и утрата последними интереса к насаждению христианства. Переход религиозной войны в «холодную» фазу. Поучения против язычества. Параллельное существование двух культов в городской среде (при господстве язычества в сельской округе).

XIII-XIV вв. — Ликвидация церковью (при поддержке татар) городского язычества. Прекращение языческих обрядов в городах, прекращение

Верой, обрядами Родных Богов. Да не прервутся обряды. Да будут милостивы к земле моей, к роду Русскому родные Боги.

Да будет так.

И да живет в памяти потомков дело тех, кто хранил эти обряды и имена Богов века чужебесия. Тех, о ком я написал эту книгу.

БЛАГОДАРИЮ:

Игоря Яковлевича Фроянова, историка и патриота, без находок которого не было бы этой книги.

Петра Михайловича Хомякова — за идею про роль Византии.

Егора Харина, пономаря Троицкого собора г. Ижевска — его помощь была весьма полезна.

Читателей — за внимание к книге.

функционирования крупных святилищ. Начало проникновения христианства в сельскую округу. Отмирание обряда кремации.

XIV-XVI вв. — Христианизация сельских жителей. Возникновение синкретического «народного православия». Угасание язычества, как самостоятельного культа.

XVII-XVIII вв. — Последние упоминания о русских язычниках.

XVIII-XIX вв. — Евангелизация русской деревни, искоренение «обрядоверия» и «пережитков язычества» в православном крестьянстве.

XX в. — Падение Российской империи и православной церкви.

Список использованных источников и литературы

Источники

Адам Бременский. История Гамбургской церкви// Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. С. 217.

Афанасьев А. Н. Народные русские легенды// Звездочет: Русская фантастика XVII века. М.: Сов. Россия, 1990.

Былины. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 512 с.

Былины. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с.

Былины в двух томах. М.: Гос. издат. худож. лит., 1958.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1987.

Восточные авторы о русах и их военных предприятиях// Королев А.С. Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002.

Восточные авторы о славянах и русах IX в.// Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. 2. М.: Мол. гвардия, 1986.

Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1938.

Гельмольд. Славянская хроника. М.: Наука,

1963.

Геродот. История. М.: Ладомир, 1993. 600 с.

Голубиная книга. М.: Моск. рабочий, 1991.

Грамота царя Алексея Михайловича// Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Б. г. С. 388-390.

Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974.

Древнерусские предания (XI — XVI вв.). М.: Сов. Россия, 1982. 368 с.

Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. Свердловск, Средне-Уральское книжн. изд., 1980. 320 с.

«Задонщина». Тула, 1980.

Из «Вертинских анналов»// Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Вып. 2. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 564.

Из «Датской истории» Саксона Грамматика// Там же.

Из «Жития Георгия Амастридского» //Там же.

Из «Истории» Феофилакта Симокатты// Откуда есть пошла... Кн. Первая. М., 1986 С. 568.

Из хроники «Продолжателя Регинона»// Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986 Кн. 2.

Илья Муромец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Исландские саги; в 2 т. — Т. 1. СПб., Летний сад, 1999.

Исторические песни. Баллады. М.: Современник, 1991.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.

Корни Иггдрозила. М.: ТЕРРА, 1997.

Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.

Маврикий Стратег о славянах и антах// Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. Первая. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 566.

Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. Эксмо, 2003. 432 с.

Младшая Эдда. М.: Ладомир, 1994. 256 с.

Молитвы и заклинания в круге жизни. Пермь: Стрелец, 1997.

Народная проза. М.: Сов. Россия, 1992.

Народные русские сказки. М.: Худож. лит., 1976. 574 с.

Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Новгородские былины. М.: Наука, 1978.

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI-начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. 413 с.

Памятники литературы Древней Руси XIII в. М.: Худож. лит., 1981.

Повесть о разорении Рязанской земли Батыем в 1237 г.//Древняя русская литература. М.: Просвещение, 1988.

Поэзия скальдов. Л.: Наука, 1979. 184 с.

Пражский, Козьма. Чешская хроника. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на реку Итил и принятие в Булгарии ислама. М.: Мифи-сервис, 1992.

Родник златострунный. Памятники болгарской литературы IX-XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990. 527 с.

Сатира XI-XVII веков. М.: Сов. Россия, 1986. С. 395. 777 заговоров и заклинаний русского народа. М.: Локид-Миф, 1997. 543 с.

Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М.: Худож. лит., 1990.

Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М.: Сов. Россия, 1981. 288 с.

Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Ладомир. Наука, 1995. С. 15-16.

Старинные диковинки: Т 3. Кн. 1: Волшебнo-богатырские повести XVIII в. М.: Сов. Россия, 1991. 496 с.

Старшая Эдда. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

Титмар Мезербургский. Хроника. М., 2005.

Литература

Азбелев С. Н. Предания о древнейших князьях Руси по записям IX-XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 1. М., 1997.

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат. М., 1965.

Былины. М., 1998.

Введение христианства на Руси. М., 1987.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь. М., 1996.

Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском. // ИОРЯС, т. XI, кн. 3. СПб., 1906.

Вилинбахов В. Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы.// Скандинавский сборник, вып. VII, 1963.

Вилинбахов В. Б. Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь»// «Советское славяноведение», 1980, №1.

Власов В. Русский календарный стиль // Вокруг света, 1986, № 8.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Репринтное издание. М., 2000.

Гедеонов С. Варяги и Русь. СПб., 1876.

Гильфердит А. Ф. История балтийских славян. М., 1991.

Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XX вв М., 1991.

Данилевский И. Н. Древняя Русь 'глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 1998.

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.

Дешнер К. Криминальная история христианства. М., 1996.

Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI-XIII веков. Ижевск, 1999.

Древнерусские предания (XI-XVI века). М., 1982.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999.

Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Ельски А. Татуировка. Минск, 1997.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен, ч. 1. М., 1908.

Иловайский Д. И. Начало Руси. М.; Смоленск, 1996.

- История боевых искусств. Россия и её соседи. М., 1997.
- Как была крещена Русь. М., 1989.
- Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 т. М., 1989. Т. 1.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997.
- Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия, 2005.
- Кожин В. В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М., 2001.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Королев А. С. Загадки первых русских князей. М., 2002.
- Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М., 1994.
- Костомаров Н. И. Русская республика. М.; Смоленск, 1994.
- Кузнецов А.В. Болванцы на Лысой горе (Очерки языческой топонимики). Вологда, 1999.
- Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтийском море// Вопросы истории, 1970, № 10.
- Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов// Вопросы истории, 1974, № 11.
- Кузьмин А. Г. Истоки культовых особенностей западнославянских языческих храмов// Вопросы истории, 1980. № 4.
- Кузьмин А. Г. Падение Перуна. М., 1988.
- Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае// Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
- Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984.
- Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лев Диакон. История. М., 1988.
- Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 2001.
- Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
- Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. М., 2003.
- Меи, А. Мусульманский ренессанс. М., 1966.
- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002.
- Младшая Эдда. М., 1994.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
- Низовский А.Ю. Легенды и были русской старины. М., 1998.
- Никитин А. Л. По следам апостола Андрея// Наука и религия, 1990, № 9-12.
- Никитин А. Л. Праматерь всех князей русских// Наука и религия, 1991, № 3.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. В 2 кн. М., 1986.
- Пвнченко А. А, Народное православие. СПб.: Алетейя, 1998. С. 55. .
- Пеннинк Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб.: Евразия, 2000. С. 290.
- Перес Ж.-Б. Почему Наполеона никогда не было// Наука и религия, 1993, № 1.
- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин В. Я. Славяне. М., 1997.
- Плетнёва С. А. Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнёва С. А. Хазары. М., 1986.
- Поэзия скальдов. Л., 1979.
- Прозоров Л. Р. Ещё раз о начале Руси// Государство и общество, 1999, № 3-4.
- Прозоров Л. Р. Мятажи волхвов в Верхнем Поволжье: индоевропейские параллели//Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002.
- Прозоров Л. Р. Этническое и расовое самознание в русском эпосе// Этнический фактор и политика. История и современность. Ижевск, 2000.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2000.
- Проишн Г.Г. Черное воинство. М., 1988.
- Радзивилловская летопись. (Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследования. Описание миниатюр.) В 2 т. СПб., 1994.
- Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Сов. археология, 1968, № 3.
- Рапов О. М. Русская церковь в IX-первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.
- Розанов В. В. Юдаизм // Тайна Израиля. СПб., 1993.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М, 1993.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 2001.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 2001.
- Санкина С. Л. Возвращаясь к норманнской проблеме// Этнографическое обозрение, 1998, № 2.
- Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.
- Седое В. В. Славяне в древности. М., 1994.
- Седое В. В. Славяне в раннем Средневековье.

М., 1995.

Седое В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Серяков М. Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001.

Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

«Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. М., 1981.

Снорри Стпурлусон. Круг земной. М., 1995.

Старшая Эдда. СПб., 2000.

Соловьёв С. Н. Сочинения. Кн. 1. М., 1988.

Татищев В. Н. История Российская// Собр. соч. в 8 т. Т. 1- 6. М., 1994-1996.

Тимофеев В. П. А всё-таки «Людота коваль»! (Названия днепровских порогов — возвращаясь к старой проблеме)// Сборник русского исторического общества. № 1 (149). М., 1999.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.

Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск: Удмуртский университет, 2003.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1984.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989.

Херрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле// Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Хлевов А.А. Предвестники викингов. СПб., 2002.

Хомяков А.С. Семирамида// История, 1997, № 3.

Хомяков П.М. Россия против Руси. М., 2004.

Цветков С.Э. Русская история: Книга первая. М., 2003.

Цветков С.Э. Русская история: Книга первая. М., 2004.

Честертон Г.К. Вечный Человек. М., 1991.

Членов А. М. По следам Добрыни. М., 1986.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., 2002.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. М., 1956.

«Советник» — путеводитель по хорошим книгам.